

І
СТЕРЛІНГ
ФОЛС

18+

Воровка

С. МАССЕРИ

СТЕРАИНТ
ФОС

18+

Воровка

С. МАССЕРИ

Annotation

В ту ночь мне не стоило появляться на Олимпе. И я определенно не должна была стать свидетельницей убийства или, того хуже, попасться хулиганам.

Аид, Аполлон и Арес управляют таинственным бойцовским клубом, где все участники носят маски. Юноши обладают большей властью в этом городе, чем я могла бы мечтать. Они разрушают мою жизнь одним указом: Кору Синклер теперь не существует.

Стерлинг Фолс был моим шансом начать все сначала, но однажды ночью все пошло под откос. Я лишилась стипендии и работы. Можно было вернуться домой, но отказаться от мечты – это уже слишком.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Поэтому я отправляюсь к влиятельному человеку в надежде, что он поможет. Но взамен мне придется украсть маску Аида. Если я это сделаю, пути назад уже не будет. Мной движет не столько страх перед угрозами, сколько желание отомстить.

В конце концов, кто может стать лучшей воровкой, чем девушка, которую они пытались убрать из города?

-
- [С. Массери](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

С. Массери

Воровка

S. Massery

Sterling falls Book 1 Thief

Copyright © 2021 S. Massery

© Корнейчук Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

Кора

– Ты опоздала.

Темнота озаряется вспышкой падающих угольков от щелчком выброшенной сигареты. На секунду эта вспышка притягивает мой взгляд, а затем я снова смотрю на мужчину в гротескной маске кабана. Он стоит, прислонившись к одной из огромных мраморных колонн, составляющих фасад здания. Я никогда не видела подобной архитектуры раньше. По крайней мере, вблизи. Такое ощущение, что это здание перенеслось сюда прямо из Древней Греции. Так странно, что у двенадцатифутовой ^[1] двери, перед которой я стою, нет ручки, и, насколько я могу разглядеть в темноте, на ней вырезаны замысловатые узоры, которые переплетаются друг с другом.

– Послушай, я знаю, что...

– Мне не нужны твои оправдания. Тебе придется вернуться в следующий раз и быть более пунктуальной.

Я заламываю руки и хмуро смотрю на него.

– Я опоздала всего на пять минут...

– Пять минут – это целая жизнь. Ты знаешь, что может сделать обычный человек за пять минут?

Потушив сигарету ногой, мужчина выпрямляется и неторопливо выходит прямо под луч лунного света. Теперь сквозь отверстия в маске я вижу, как его глаза будто сверлят меня.

– Ты хочешь победить систему? Хочешь прокрасться внутрь?

Это похоже на испытание или ловушку. Я пытаюсь выдержать его взгляд, хотя предпочла бы этого не делать. По моей коже бегут мурашки, когда я внезапно понимаю, что мы здесь совершенно одни: я и этот незнакомец. Может случиться все что угодно.

– Нет.

Он вздергивает подбородок.

– Что ж, ладно.

Что ж, ладно...

Мужчина усмехается и, повернувшись, уходит, исчезая за углом здания. Я же спускаюсь по мраморным ступеням к траве и тихо вздыхаю. Кажется, все мои грандиозные планы увидеть «Олимп» пошли прахом.

До меня доходили слухи об этом месте. Хотя это были не совсем слухи – скорее, сплетни, которые распускали девушки, живущие по соседству со мной. Когда я осторожно расспросила их, они упомянули лишь этот адрес, маски и то, как все одеваются, готовясь принять участие в здешних мероприятиях. Так как я больше ничего не узнала от них, у меня возникло ощущение, что все остальное должно оставаться тайной.

Как итог – я стою одна, в окружении припаркованных машин, в плохо сидящем на мне черном платье и неудобной золотой маске, пока люди внутри здания получают удовольствие от... что бы там ни происходило. Я вздыхаю и достаю свой телефон из клатча, размер которого позволяет вместить в него удостоверение личности, телефон и немного наличных, их мне должно было хватить для того, чтобы добраться до «Олимпа», а затем оплатить такси до дома. Только вот есть проблемка – в моем телефоне нет приложения службы такси.

Как я могла это упустить?

Снова посмотрев на «Олимп», я вижу склон слева от него. Заинтересовавшись тем, что может находиться за ним, я направляюсь туда, поглядывая на свой телефон через каждые несколько шагов. Мой единственный вариант попасть домой – это вернуться к главной дороге и надеяться, что кто-нибудь остановится. А так как любой выбранный мной путь слишком непредсказуем, я поправляю маску, снимаю туфли и, решив сойти с подъездной дорожки, ступаю на траву. Почувствовав прохладу травы босыми ногами, я заворачиваю за угол «Олимпа» и поднимаюсь на небольшой холм. На этом холме кажется, что луна

светит намного ярче. Огромная и желтая, она висит слишком низко в беззвездном небе и придает всему вокруг жутковатый вид. Что-то слева привлекает мое внимание, и я замечаю шесть человек, образующих маленький круг. Они стоят в стороне, и люди, входящие в «Олимп» или покидающие его, никак не могут их увидеть. Я делаю шаг вперед, собираясь окликнуть их, как вдруг один из мужчин бросается на другого. Никто не кричит – никто даже ничего не говорит. Кажется, они совсем не удивлены внезапной стычкой, но мужчина, на которого напали, наклоняется вперед, хватаясь за живот, а затем падает. Какое-то время остальные просто смотрят на него сверху вниз, а потом один из них пинает упавшего, переворачивая на спину, и я вижу, как что-то торчит у него из живота.

Это нож?

Я прикрываю рот, чтобы сдержать крик, в ужасе от того, что парня только что ударили ножом, а пятеро других кажутся абсолютно невозмутимыми. Ужас наполняет меня еще больше, когда один из них наклоняется и хватается парня за руки, а другой подходит и вытаскивает нож. На металле поблескивает влага, отражая лунный свет. Мой желудок скручивается узлом, и я борюсь с подступающей к горлу желчью, пока раненого оттаскивают в сторону. Остальные смотрят, как эти двое исчезают из виду за углом «Олимпа».

Теперь их стало четверо.

Мне срочно нужно сообщить об этом в полицию или хоть кому-нибудь. Я понимаю, что, скорее всего, выделяюсь на этом холме, как маяк, но все равно подкрадываюсь ближе, пригибаясь к земле. Я думаю о том, как полиция сможет поймать их, если я не смогу сообщить никаких правдивых подробностей. Поэтому, держась поближе к траве и упираясь одной рукой в землю, чтобы не упасть, я останавливаюсь всего в двадцати футах от четверки. Этого расстояния достаточно, чтобы разглядеть их лучше. Трое стоящих носят маски, будто они только что вышли из «Олимпа», а четвертый – кажется, постарше, более высокий и худощавый, с аккуратной бородкой – пришел без нее, но, похоже, его это несколько не беспокоит.

– Ты уверен в этом, Аид? – человек без маски качает головой. – Он был в моем кругу.

Тут я замечаю, что у двоих из них маски в виде черепов с рогами, но они заметно отличаются друг от друга.

Даже в лунном свете я могу разглядеть золотые полосы на обнаженной груди первого мужчины, а его маска – это череп оленя или какого-то другого животного с длинной носовой костью. Второй мужчина похож на самого дьявола. Его маска представляет собой бледный череп, похожий на человеческий, только без нижней челюсти, а из его висков торчат черные рога.

Мужчина с маской из человеческого черепа хмыкает.

Это Аид?

– Мы не ошибаемся.

– Конечно, – другой мужчина достает что-то из кармана и бросает третьему, в красной куртке.

Поймав пачку наличных, парень перебирает их большим пальцем и кивает.

– Приятно иметь с вами дело, – говорит человек без маски.

– Аполлон! – раздается голос у них за спиной, и я замечаю теплый свет, льющийся будто изнутри «Олимпа». – Они готовы.

Мужчина в маске животного поворачивается к дверному проему, расположенному в темной нише сбоку от мраморной стены, и машет новоприбывшему. Дверь, которую я не заметила ранее, со щелчком закрывается. Затем мужчина оборачивается, и его взгляд находит меня.

Вот черт!

– Да у нас тут зрители, – сообщает он двум другим.

Я выпрямляюсь, не обращая внимания на холод, пробегающий по моему позвоночнику, потому что... да, я облажалась. С таким же успехом я могла просто подойти к ним ближе и заглянуть каждому в глаза, верно? Я научилась терпеть подобные наказания, хотя знала, что мужчины ненавидят, когда ты продолжаешь смотреть на них даже после того, как они попытались тебя унижить. Я узнала это на собственном горьком опыте. Аид неторопливо приближается ко мне, сокращая расстояние длинными шагами. Глаза под его маской затенены, а полные губы поджаты, выдавая недовольство. Когда я смотрю на него, в моем животе будто извиваются змеи.

– Простите...

Мое дыхание замирает, когда он останавливается прямо передо мной. Расстегнутая рубашка демонстрирует идеальный пресс. Я смотрю на его ботинки, а затем снова на лицо. Даже в ужасной маске он великолепен и, совершенно очевидно, смертельно опасен. Уголки

губ Аида приподнимаются в ухмылке, будто он знает, какой эффект производит на женщин, однако за всем этим скрывается что-то жестокое. А вскоре к нам присоединяются двое других: человек в красной маске и Аполлон. Видимо, это имя ему дано в честь греческого бога солнца и света. Однако я не уверена, что оно ему подходит, потому что у него явно есть и темная сторона. И последний мужчина... в красном. По его груди стекает кровь, хотя я уверена в том, что она нарисована. Я не знаю, кто он такой, но его образ пропитан насилием. Я чувствую это своим нутром. А затем я снова смотрю на Аида – короля подземного мира.

Я пришла в это место, чтобы попасть в «Олимп», а теперь я стою перед богами, которые правят им.

Меня снедает любопытство.

Вдруг Аид поднимает руку, будто хочет коснуться моей щеки, но вместо этого он сжимает пальцами край моей маски и срывает ее. Атласные ленты легко рвутся, и золото спадает с моего лица. Я автоматически закрываю его руками. Мои щеки пылают, во мне борются смущение и страх.

Он роняет маску на землю и сминая ее ногой, а затем наклоняется вперед:

– Ты знаешь, кто мы такие?

– Догадываюсь, – отвечаю я, вздрагивая от грубости его тона.

Он улыбается. Но это не радостная улыбка – скорее, в ней можно прочесть: *«Хочешь, чтобы я сделал чего похуже?»* Такая улыбка предназначена противникам, а не друзьям.

– Что ты видела?

– Ничего, – я отступаю назад, но Аид следует за мной, вновь останавливаясь рядом.

– Почему я тебе не верю?

– Пожалуйста, – шепчу я, – я ничего не скажу.

– О чем? – он наклоняет голову. – О чем ты можешь сказать, если ничего не видела?

– Простите... – мое горло сжимается, и я продолжаю пятиться назад, крепко сжимая клатч и туфли.

Мне не следовало приходить сюда. Нужно было оставаться в своей квартире и пробовать завести друзей при дневном свете. Или

подождать, когда я выйду на работу, и подружиться с кем-нибудь из коллег.

Какая же я дура.

– Она собирается сбежать, – говорит третий.

Я смотрю через плечо Аида на человека в красной маске.

– Позволь ей, – говорит Аполлон.

В его руке все еще находится нож, лезвие которого окрашено кровью. Это он ударил ножом того мужчину. Убил его.

Их взгляды слишком пристальны, и они правы – я хочу убежать. Хочу убежать как можно дальше отсюда, но, дрожа всем телом, могу лишь стоять на месте. Однако мой самоконтроль лопается, будто мыльный пузырь, стоит Аиду отвести от меня взгляд и посмотреть на «Олимп». Развернувшись, я на всех парах мчусь вниз по склону, но вместо того, чтобы свернуть на дорогу, я лавирую между машинами, направляясь к лесу. Бежать босиком не лучшая затея, но у меня нет времени останавливаться, тем более на открытом пространстве.

К тому моменту, как я миную последний ряд машин, я уже тяжело дышу и на миг задумываюсь: отпустят ли они меня? А затем в ночи раздается вой. Мне совершенно очевидно, что это человеческий голос, будто один из троих объявил охоту на добычу, которой стала я. По моему позвоночнику пробегают мурашки, и я заставляю себя бежать быстрее. Мне кажется, что я слышу, как они мчатся за мной. Я слышу их смех и топот, хотя, возможно, это всего лишь игра воображения, потому что единственное, что я действительно отчетливо слышу, – это свое прерывистое дыхание. Я вижу просвет среди деревьев и бегу к нему с колотящимся сердцем, которое готово вырваться из груди. Лес погружает меня во тьму, и тропу, по которой я бегу, совершенно невозможно разглядеть. Кроны деревьев загораживают весь лунный свет, а камни впиваются в подошвы ног. Я вздрагиваю, когда что-то острое вонзается в мою стопу.

Нащупав кнопку фонарика в телефоне, я нажимаю на нее как раз в тот момент, когда в темноте раздается еще один вой. Вздрагивая, я роняю телефон, и яркий свет прочерчивает дугу в воздухе. Фонарик выключается, и мне приходится встать на четвереньки, чтобы найти телефон на тропинке. Паника сдавливают мое горло, пока я судорожно копаюсь в опавших листьях и сосновых иголках. Но вот мои пальцы касаются гладкого экрана телефона, и я быстро проверяю его на

наличие повреждений. Он цел. Поднявшись на ноги, я понимаю, что в лесу воцарилась тишина, из-за которой стало еще хуже. Потому что я понятия не имею, где они находятся. Я больше не слышу ни воя, ни шагов. Я изо всех сил пытаюсь отдышаться, успокоить сердцебиение, облегчить давление в легких, одновременно пытаюсь понять, преследуют ли они меня до сих пор или уже загнали в ловушку, и я оказалась там, где им нужно. Решив, что мне нужно продолжать двигаться, я освещаю телефоном тропинку и кричу, когда вижу силуэт Аида, шагающего ко мне. Отступая, я спотыкаюсь обо что-то и с шумом падаю. Игнорируя вспышку боли в позвоночнике, я пытаюсь отползти назад.

– Пожалуйста, не надо...

Я снова пытаюсь сбежать, но чьи-то руки хватают меня за плечи и поднимают с земли. Мое мужество мгновенно улетучивается, а боль в ноге затмевается страхом и адреналином. Фонарик моего телефона освещает сначала деревья, которые, кажется, наклоняются к нам, а затем Аида, остановившегося прямо передо мной. При свете телефона маска придает ему особо зловещий вид, и я чувствую себя странно уязвимой без своей. Пока он наклоняется, чтобы поднять мой клатч, я рискую оглянуться через плечо и вижу человека в красной маске, который крепко прижимает меня к себе. Ухмыльнувшись, он наклоняется и проводит носом по моему уху, отчего по всему телу пробегают мурашки, и я вздрагиваю.

– Кора Синклер, – Аид показывает мне мое удостоверение личности, а затем начинает просматривать его. – Зачем ты здесь?

– Я пришла посмотреть...

– Почему ты в моем городе, Кора Синклер? – спрашивает он, сузив глаза и сжав губы в тонкую линию. – Одеты ты, как обычно приходят в «Олимп», – подойдя ближе, он окидывает меня более критичным взглядом. – Поношенное платье и пластиковая маска. Ты знала, во что ввязываешься?

У меня складывается впечатление, что обычно ему достаточно задать вопрос один раз, и люди с готовностью повинуются ему. А в моей ситуации – с человеком в красной маске прямо за спиной и Аполлоном, одному богу известно где, – я должна быть одной из таких людей.

Но моей слабостью всегда была глупость. Глупость не сдаваться, когда следовало бы, поэтому я продолжаю хранить молчание. Кроме того, платье не такое уж и поношенное.

Я стискиваю челюсть, и человек в красной маске усмехается.

– Она мне нравится. Может, нам стоит оставить ее себе?

Похитить меня?

Аид качает головой и подходит ближе, дергая меня за прядь темных волос.

– Расскажи мне.

Я смотрю мимо него, радуясь, что изменила свою внешность перед отъездом из дома, потому что, если он так пристально разглядывает меня, чтобы запомнить, как я выгляжу, его ждет разочарование. Это не настоящая версия меня, а просто еще один слой, иллюзия, которую я создала, чтобы защититься.

Он тянет мои волосы сильнее, и я вздрагиваю.

– Я приехала ради стипендии в СФУ – университете Стерлинг Фолс.

Мне неприятно, что я признаюсь ему в этом, сдаваясь только потому, что он прикоснулся ко мне. Или возможно, я сдаюсь по другой причине? Например, потому что инстинкт самосохранения наконец-то дает о себе знать.

– В следующем году меня ждет полная стипендия.

– Слушай меня очень внимательно, – он наматывает мои волосы на пальцы, заставляя наклонить голову, почти причиняя боль. – Ты совершила ошибку, придя сюда, ведь мы не даем второго шанса. Итак, ты собираешься уехать из Стерлинг Фолс, потому что здесь тебе делать нечего.

Отпустив мои волосы, он засовывает мое удостоверение в передний карман своих брюк. Удостоверение личности, в котором указано мое имя и домашний адрес моих родителей. Части моей личности, которые я не могу изменить: рост, дата рождения, цвет глаз.

Мой желудок сводит, и я прикусываю язык. Рот наполняется медным привкусом крови, отчего тошнота усиливается.

– Я пока придержу это у себя, – ухмыляется Аид. – Просто на случай, если ты решишь кому-нибудь рассказать о том, что видела, хотя в любом случае тебе никто не поверит. На данный момент Кору Синклер не существует.

Человек в красной маске за моей спиной отпускает меня, когда Аид проходит мимо. Мои колени подгибаются, и я падаю на землю, пялясь на экран своего телефона. Их шаги постепенно удаляются, пока в лесу не остаюсь только я. Но его зловещие слова продолжают звенеть у меня в ушах.

На данный момент Кору Синклер не существует.

Часть меня хочет верить, что это шутка и их влияние не распространяется так далеко, но они убили человека, даже не дрогнув. И он забрал мое удостоверение личности. Он знает мое имя и то, что я в этом городе из-за учебы.

Экран на моем телефоне мигает, а затем гаснет. Я остаюсь в темноте.

Глава 1

Кора

Три месяца спустя

В кабаке темно и многолюдно. От этого места исходит дурная энергетика, которую я уловила только после того, как побывала здесь несколько раз. Каждый раз, когда я ухожу отсюда, мне кажется, что негатив, витающий в воздухе, прилипает к моей коже. Но тем не менее, никто не хватает меня, пока я пробираюсь между столиками. Молодые люди остаются сидеть на своих местах, игнорируя меня так же, как официантки и бармен.

Невидимка – моя новая профессия.

Охранник у дверей задней комнаты протягивает руку, преграждая мне путь, и я недовольно поджимаю губы.

– Он просил меня прийти.

– Он занят.

– Трахает очередную девку? Нашел чем удивить, будто я не видела этого раньше.

Мне безразлично.

Единственное, благодаря чему я выживала последние три месяца, – это безразличие. Я подавляла любую появляющуюся во мне эмоцию до тех пор, пока от нее ничего не оставалось. Я не поверила

Аиду, когда он сказал, что меня больше не существует, но нужно отдать ему должное – сработал он быстро. Мое будущее было тщательно продумано. Я собиралась приехать в Стерлинг Фолс летом, чтобы найти работу, познакомиться с городом и кампусом, а осенью начать учебу. Но когда я пришла устраиваться на работу, в отделе кадров вели себя так, словно меня не было на собеседовании и я не приезжала к ним в офис уже дважды. Мне указали на дверь и попросили не возвращаться, будто это была моя вина, что они потеряли бумаги. Если бы я не вложила все свои сбережения в съемную квартиру, возможно, я бы просто бросила все это и вернулась на лето домой. Но в моем арендном договоре было четко прописано, что, если я нарушу условия, плакала моя тысяча долларов. Но это были еще цветочки...

В первый же день летней ориентации меня вызвали в офис финансовой помощи СФУ – возникла проблема с моей стипендией. Вернее, данные о ней просто куда-то исчезли. Возможно, это была ошибка в системе, потому что очевидно они не знали, что я стипендиат, а так как я не знала об этой проблеме и не пришла разбираться раньше, это побудило их предложить стипендию другому студенту. Так я осталась без работы и без стипендии.

Аид хотел, чтобы я исчезла из его города, но он связался не с тем человеком, потому что я не собиралась никуда уходить. Я не могла. Не тогда, когда в Изумрудной Бухте меня ждало кое-что похуже. Назовите меня безрассудной, но к июню я была уже взбешена до чертиков. Первый месяц выдался самым тяжелым. Я подавала заявление о приеме на работу куда только можно, но мне никто не перезванивал. Мне следовало уйти из СФУ, потому что из-за всей этой неразберихи у меня не было никакой финансовой помощи, за исключением кредита, который я все-таки смогла получить. Он покрывал мое обучение за первый семестр и арендную плату за квартиру, потому что единственное, что могло стать более дерьмовым в моем положении, – это бездомность. Я выкроила пятьсот долларов наличными на еду, но они закончились слишком быстро, и теперь мне ничего не оставалось, кроме как попытаться выпросить еще немного времени у кредитора. Я знаю, как плохо звучит то, что мой кредитор ведет свои дела в баре, но послушайте – ни один банк в здравом уме не дал бы ссуду безработной девушке на мели. Моей первой ошибкой была попытка

скреативничать, найдя обходные пути. А второй – рассказать бармену о моем провале, тратя последние несколько долларов на водку, вместо, не знаю, хотя бы бургера или билета из города. Мне казалось, что я пропаду, если бармен не поверит мне, потому что я не собиралась плакаться по этому поводу родителям. Они знали, как упорно я боролась, чтобы попасть сюда, и для них у меня все было прекрасно. На прошлой неделе я приступила к занятиям, а учеба в этом университете – это все, о чем я мечтала. Благодаря ей я смогу найти себе достойную работу, пусть и не в этом городе. Я смогу устроить свою жизнь! Мои мечты так близки, что я могу прикоснуться к ним... если разберусь в сложившейся ситуации. Возможно, я смогу повторно подать заявку на стипендию на следующий год. Сделать хоть что-то.

– Он ни с кем не трахается, – усмехается охранник. – Он просто занят.

Я скрещиваю руки на груди, оторвавшись от гнетущих мыслей, которые не покидают меня последние три месяца, вновь и вновь закручиваясь в порочном круге. Мне кажется, что я и сама хожу по нему.

– Звонок, – напоминаю я. – Он просил меня прийти.

– Видимо, ты не очень торопилась сюда, – приподнимает бровь охранник.

Это правда, я задержалась, потому что нервничала из-за невозможности заплатить. Ведь это означает... В общем, я не уверена, что это означает, потому что мне едва удалось разделаться с первыми двумя платежами, а третий я должна была погасить еще неделю назад. Но у меня не было таких денег. У меня вообще не было никаких денег. Я попала в долговую яму и продолжаю закапываться в нее все глубже. Когда я призналась своему кредитору в том, что у меня не осталось денег, я ожидала, что он буквально выломает мою дверь и отрубит мне руку. За последний месяц я похудела на десять фунтов^[2]. Я все время чувствую усталость, но все равно не могу бросить учебу и признать поражение. Ни в коем случае. Мне приходится выполнять домашние задания в библиотеке, потому что у меня нет денег на учебники, и периодически прокрадываться в столовую, чтобы добыть себе немного еды, иначе я начну падать в обморок от голода. Хотя на данный момент я делаю это намного чаще, чем периодически.

– У него есть для тебя предложение, – охранник кивает головой в сторону бара. – Присаживайся и съешь что-нибудь, пока не свалилась. Он скоро выйдет.

Несмотря на мое молчание, я не могу отрицать, что умираю с голоду, и мой желудок подтверждает это спазмом. Поэтому я сажусь на барный стул и подзываю бармена, который принимает мой короткий заказ и быстро возвращается с полной корзинкой картошки фри и содовой.

– Ты ешь это дерьмо?

Я оглядываюсь через плечо на охранника:

– А тебе не плевать?

– Просто интересно, как ты остаешься такой худой?

– Я ем в рамках своего бюджета, придурок, – отвечаю я, закатывая глаза.

Быстро поглощая подостывшую и немного несвежую на вкус картошку, я чувствую себя диким животным, хотя всем вокруг наплевать на манеры.

– Твоя очередь, – зовет меня охранник.

Дверь за его спиной приоткрывается, и, прежде чем встать, я запикиваю в рот еще три картофельные палочки, забирая напиток с собой.

Охранник вздыхает, когда я прохожу мимо, и меня одолевает вопрос: нормально ли его поведение, и неужели я настолько неприятна? Хотя за три месяца пребывания здесь я вообще не знаю, что теперь может считаться нормальным. Этим городом правят две банды. Зоны их интересов варьируются от войны до денег, но, в конце концов, эти интересы сходятся в одном: во власти.

– Моя девочка-невидимка! – слышу я голос своего кредитора, когда вхожу в кабинет.

Он сидит за своим огромным металлическим столом, самодовольно ухмыляясь.

– Как тебе наша еда?

– Могло быть и лучше, – я пожимаю плечами и сажусь в кресло напротив него, скрестив ноги.

Совсем недавно я поняла, что мне стоит скрывать свой страх за смелостью, ведь он дал мне ссуду, только когда я этого потребовала. Хотя при первом разговоре он сказал, что не ведет никаких дел с

маленькими девочками. Я заставила его передумать и искренне сожалею об этом.

– Ну да, – хихикает он.

– Я для чего-то нужна?

В его глазах будто загорается искра, пока взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, хоть оно и скрыто под мешковатой футболкой.

– Ты знаешь, кто стер тебя с лица земли и объявил невидимкой?

Я молчу, стиснув зубы, потому что с той ночи я избегала «Олимпа», как чумы. Конечно, это не помешало мне попытаться выяснить, кто они такие. Однако что-либо разузнать мне не удалось. Я вообще не могу понять, откуда у него такая власть, ведь эти люди не входят в две враждующие банды Стерлинг Фолс. Но совершенно очевидно, что какой-то властью они все же обладают. Потому что до встречи с ними я жила своей обычной жизнью, пока в какой-то момент – «бах!» – она не исчезла. Несмотря на мои старания, я так и не узнала его имени. Для меня он оставался просто Аидом. Их лица были скрыты под масками, но они запечатлелись в глубине моего сознания. Аид, Аполлон и третий, в кроваво-красной маске. Это Аид был тем, кто решил, что я должна исчезнуть. Тем, кто потянул за ниточки своей власти и заставил это случиться. Я чувствую это нутром, поэтому у меня на него зуб.

– Что ж, по крайней мере, ты отважна, – кредитор наклоняется вперед, упираясь локтями в стол. – Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня, и тогда я спишу твой долг.

– Полностью? – от неожиданности я выпрямляюсь.

– Ага, и у тебя есть тридцать секунд, чтобы принять решение.

– Подожди, – замираю я. – А ты не расскажешь, чего именно ты от меня хочешь? Что я должна сделать?

Внезапно я чувствую, как комната начинает давить на меня тяжестью выбора. Я думаю о риске, сопровождающем ответы «да» и «нет». Я отчаянно хочу отомстить, но именно это отчаяние заставляет меня задуматься. Ведь он эксплуатирует мою же слабость. Я вообще нахожусь здесь только потому, что он воспользовался моей потребностью в деньгах.

– Тогда я испорчу все веселье, – подмигивает он, не обращая внимания на мою нерешительность.

– Тогда нет, – отвечаю я, прищуривая глаза.

– Отлично. Дай мне свою руку, – говорит он, подзывая меня.

– Зачем?

– Ты задаешь слишком много вопросов. – Я вижу, как в его взгляде плещется гнев.

Не дождавшись действий с моей стороны, мужчина резко встает и обходит вокруг своего стола. Когда он останавливается рядом со мной, и я поднимаю взгляд на его лицо, то чувствую дрожь и отвращение, будто вся негативная энергия бара исходит именно от него. Я знаю, что он всего на дюйм выше меня, но это не имеет значения, когда он возвышается над моим стулом. Он сложен как бульдог – приземистый и накачанный, с темными волосами с проседью.

– Вот в чем дело, моя девочка-невидимка. Ты должна мне денег, и, к несчастью для тебя, я не могу позволить тебе просто уйти от этого долга. Как это будет выглядеть? С каждым днем твой долг будет становиться все больше. А ведь у меня было к тебе предложение, связанное с моим бизнесом. А теперь дай мне свою руку.

Я тяжело сглатываю, меня колотит от нервозности. Я начинаю жалеть, что съела картошку фри до того, как вошла сюда, потому что теперь первое место в моих мыслях занимает тошнота. Я боюсь, что то небольшое, что я съела, окажется на его ботинках. Блеск в его глазах – это тест, и, в конце концов, я выбираю менее насильственный путь, поэтому делаю, как он говорит, и протягиваю ему руку в жалкой попытке успокоить его. Он берет меня за левое запястье и проводит пальцем по его внутренней стороне, а затем встает и кладет мою руку на свой стол. Меня душит внезапный страх, и я запоздало пытаюсь вырваться из его хватки, но он держит меня слишком крепко. Повернувшись боком, он застегивает на мне наручники, прежде чем я успеваю освободиться. Я оказываюсь прикованной к противоположной стороне стола, поэтому чуть ли не лежу на его поверхности, высунувшись из кресла. Цепь наручников настолько короткая, что не оставляет места для маневра, и мне приходится упираться в стол свободной рукой. Он подходит с другой стороны и хватает и ее тоже.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я с дрожью в голосе, хотя обещала себе никогда не показывать страха в присутствии таких людей, как он.

Не скрою, что я переживала вещи и похуже, но сейчас я нахожусь на грани слез. Он игнорирует мой вопрос и медленно подходит к

камину. Я снова дергаю руками, но металлические наручники не поддаются.

Этот ублюдок что, садист?

Взяв металлический прут, вытященный из пламени камина, он возвращается к моему креслу.

– У тебя такая красивая кожа, – говорит он, проводя свободной рукой по моему левому запястью. – Это последствия того, что ты не можешь заплатить долг.

– Клеймо? – я не могу отвести взгляд от светящегося бело-оранжевого конца металлического прута.

От отвращения у меня сводит живот, и я сжимаю губы, чтобы сдержать рвотный позыв.

– Ты что, серьезно? Я достану деньги...

– Ты можешь подумать, что я веду себя как пуп земли, и будешь права.

Мне не верится, что он сопровождает это издевательство чертовыми разговорами, а потом он показывает мне накаленный конец металлического прута, и я могу ясно различить на нем изображение песочных часов. По моей спине пробегает дрожь.

– Меня зовут Кронос. Я титан времени и эпох. Мы выбираем себе имена, когда вступаем в эту жизнь. Это своего рода перерождение или пробуждение, а я всегда был одержим временем. Особенно тем, как оно ускользает у нас из рук.

Я знала, что в одной из банд был участник с именем титана, но сейчас у меня появилось ощущение, что это не просто имя, а нечто большее.

Чувствуя стыд за свое поведение, я пытаюсь бороться с тошнотой.

– Пожалуйста, не надо! – я снова пытаюсь освободиться, хотя понимаю, что это бессмысленно.

Существует поговорка: глаза – зеркало души. Но когда он смотрит на меня, его взгляд становится каким-то безжизненным, и мои мольбы не смягчают его.

– Я оказал тебе услугу, а ты дерзишь мне и пытаешься избежать оплаты своего долга, не пошевелив и пальцем.

– Я не пытаюсь ничего избежать, – вздрагиваю я. – Мне просто нужна небольшая отсрочка...

Кредитор протягивает руку и хватает меня за щеку, пристально смотря мне в глаза, позволяя заглянуть в его зеркало. То, что я вижу, пугает меня до чертиков. В его глазах нет ничего, кроме порочности.

– Я надеюсь, ты закричишь.

Все плохое, что когда-либо случалось со мной, отзывается внутри ревом, но на этот раз страх уступает место ярости. Если он серьезно не собирался иметь со мной никакого дела, то ему следовало продолжать отказываться от ссуды.

– Пошел ты, старик! – я плюю ему в лицо.

Он ухмыляется и даже не вытирает слюну, стекающую по его щеке, а просто придерживает мою левую руку ладонью вверх и поднимает прут. Я не могу отвести взгляд от раскаленных песочных часов, пока он переворачивает прут, поднося его к моей руке. Жар обжигает кожу даже на расстоянии нескольких дюймов.

– Прекрати, я сделаю все, что ты хочешь! – я не могу сдержать слетающей с губ мольбы. – Я сделаю это...

– Твои тридцать секунд прошли, и я бы соврал, если бы сказал, что мне не понравится то, что будет дальше.

На мгновение я встречаюсь с ним взглядом, а потом его внимание возвращается к моему запястью. Тому самому, на котором больше синяков в виде отпечатков пальцев, чем я могу сосчитать. Это запястье было сломано не один раз, как и предплечье. А в месте, где кость прошла сквозь кожу, есть тонкий шрам. Мои руки перенесли много травм от других людей, поэтому, когда он отпускает мою руку и прижимает горячий металл к моей коже, мгновение я ничего не чувствую. Но только мгновение. А потом до меня доходит запах горячей плоти, и агония пронзает меня. Я сжимаю кулаки и зубы так крепко, что прикусываю кончик языка. Горячая кровь наполняет мой рот, но это помогает мне подавить крик, который так хочет услышать этот ублюдок. Когда он убирает прут, тело вспыхивает жаром. Боже, у меня такое чувство, будто вся моя кожа загорелась. Я падаю вперед на стол, упираясь лбом в свое предплечье. Паника нарастает, сдавливая горло и лишая возможности дышать. Но я знаю, что мне нужно отгородиться от пульсирующей боли в руке и обуздать свое отчаяние. Кредитор смеется, видя мои страдания, и возвращает прут обратно в огонь. Вероятно, для следующей ничего не подозревающей жертвы. Он возвращается в кресло и откидывается на спинку, скрещивая ноги и

не обращая внимания на то, что я продолжаю лежать на его столе. Он наклоняется вперед, пока мои скрюченные пальцы не оказываются в нескольких дюймах от его груди, и продолжает наблюдать за мной со слишком явным весельем на лице. Радуюсь своей власти над людьми, растянутыми на его столе. Победенными.

– Я предупреждал тебя, – в конце концов говорит он. – Предупреждал, что мы не имеем дело с такими маленькими девочками, как ты, но я буду рад нашей следующей встрече, если она будет хоть немного похожа на эту.

– Ты гребаный садист, – вздрагиваю я. – Отпусти меня.

– Тебе следует намазать руку мазью, когда вернешься домой, – говорит он, доставая ключи и отстегивая наручники – сначала с неповрежденной руки, потом с другой.

Я отшатываюсь назад, прижимая запястье к животу. Я даже не могу на него смотреть.

Мужчина продолжает внимательно изучать меня, пока я пячусь к двери.

– Девочка-невидимка, – говорит он. – Если ты не заплатишь в следующем месяце, ожидай повторения, или...

Этих слов достаточно, чтобы заставить меня задуматься над его предложением. Хотя я не уверена, как я должна его классифицировать, будет ли это работа или услуга. Возможно, он хочет предложить мне самоубийство, но я просто расходный материал, и мы оба об этом знаем.

– Хорошо, – выдавливаю я сквозь зубы, и он поднимает брови, когда я застываю на месте. – Меня могут убить?

– Только если поймают, – смеется он.

– А если я смогу сделать то, что ты хочешь? – слатываю я. – Я больше не буду твоим должником? Больше никаких долгов и никаких одолжений?

– А если ты потерпишь неудачу, то твои проценты по долгу удвоятся, – он открывает ящик стола, достает конверт и бросает мне его через стол. – Я даю тебе время до конца месяца. Это единственная отсрочка, которую я могу тебе предоставить.

Я в спешке хватаю конверт и уже направляюсь к выходу, как слышу что-то вроде хмыканья. Я замедляю шаг и останавливаюсь, скрипя зубами.

– И последнее, – широкими шагами он пересекает комнату и встает рядом со мной.

Хоть разница в росте у нас незначительная, он кажется мне великаном.

– Если ты хотя бы подумаешь о том, чтобы покинуть Стерлинг Фолс, все наши сделки отменяются, – говорит он, и легкая ухмылка кривит его губы. – Я не просто найду тебя и приду за тобой. Я найду твою семью: мать-бухгалтера, дорогого отца, который работает в газете Изумрудной Бухты. Возможно, даже твою очаровательную подругу Марли. Она бы так же хорошо смотрелась прикованной к моему столу, как и ты. Возможно, я сделаю с ними то же самое, что и с тобой, и посмотрю, чей крик будет самым сладким. Я возьму то, что мне причитается из их плоти, а остальное выплатишь мне ты.

Он снова гладит меня по щеке, а потом будто бы из ниоткуда в его руке оказывается фотография, которую мы сделали с Марли, когда приехали посмотреть на кампус нашего университета.

В ужасе я отступаю назад.

– Да-да, девочка-невидимка, у меня имеется досье на каждого, кто заходит в мой кабинет, поэтому знай: какой бы план побега ты ни придумала, я все просчитал заранее и предпринял шаги, чтобы предотвратить это. А теперь – беги!

Вырвавшись со скомканным в кулаке конвертом, я не могу думать ни о чем, кроме того, что он знает о моей семье и лучшей подруге. Но именно так и поступают все злодеи, не так ли? Они находят рычаги воздействия и используют их, как могут.

Едва оказавшись на тротуаре, я даю волю слезам. Какая же я идиотка. Худшая из идиоток. Одна из тех, кто даже не подозревает, во что влипла, пока не коснется дна долбаного океана. Мне требуется половина пути, чтобы осознать, что я могла избежать клейма, если бы сразу согласилась на сделку Кроноса.

Стоит мне подумать о клейме, как моя рука начинает пульсировать болью, начиная с запястья и заканчивая плечом. Вытащив ее из-под рубашки и увидев, как кожа сильно покраснела и покрылась волдырями, я тут же кладу ее обратно, убаюкивая.

Наверное, моя голова затуманилась от боли, потому что мне показалось, что центр города вокруг меня изменился – небоскребы будто бы прогнулись под давлением.

Этот город был построен, чтобы привлекать туристов и студентов колледжей. Людей, которые на самом деле не понимают Стерлинг Фолс. В дневное время он очень оживлен – рестораны, бары, магазины манят прохожих зайти в них, однако все это ловушка. Хорошо продуманная иллюзия. За каждым магазином и за каждым рестораном скрывается темная схема раздела власти местных банд. Это стало ясно, когда мне удалось заглянуть за занавес этого города. Теперь мои глаза открылись, но пути назад нет. Когда я впервые приехала сюда, Стерлинг Фолс был для меня сияющим маяком надежды. Я даже поссорилась со своими родителями, рискуя нашими отношениями, чтобы мне вообще позволили сюда приехать. Моя мама работает бухгалтером в небольшой семейной фирме. Она хорошо училась и строила свою карьеру еще со времен школы. А папа начинал как писатель в газете Изумрудной Бухты – в городе, где я выросла. Ему удалось подняться по служебной лестнице до должности редактора, даже не имея диплома. Мои родители были разумными людьми, но разумность может помешать осуществлению мечты.

Ах да, забыла упомянуть о моих кошмарах. Как ни странно, я переехала сюда, чтобы *спастись* от них. Но каким-то непонятным образом я попала из одного кошмара в другой.

Я спешу побыстрее пройти Уэст-Фолс и добраться до кампуса СФУ. Уэст-Фолс – территория Титанов, о чем я совершенно не знала, пока не получила кредит у человека, который называет себя Кроносом. Должно быть, он их лидер. И хотя Кронос никогда не говорил об этом напрямую, после сегодняшнего дня я практически в этом уверена. Теперь мне не терпится погасить свой долг.

Как я уже говорила, этим городом правят две банды – Титаны и Адские гончие. И я хочу узнать, как во все это вписывается Аид, и какое отношение к бандам имеет «Олимп». Чтобы удовлетворить любопытство, мне нужен план, ведь сегодняшний разговор с Кроносом подтверждает мою теорию о том, что это трио не является частью банды Титанов. Значит, они входят в состав Адских гончих или независимы от тех и от других. Добравшись до кампуса, я первым делом проскальзываю в столовую и терпеливо жду, пока служащий не отвлечется на свои дела. Пока никто не видит, я накладываю еду на тарелку, наполняю один стакан льдом, а другой водой и нахожу пустой стол. Мгновение я позволяю себе ни о чем не думать и просто

смотреть на темнеющее небо за окном, но затем, тихо вздыхая, я кладу немного льда на салфетку и прикладываю ее к обожженной коже. Меня накрывает паника, и, крепко зажмурив глаза, я шиплю от боли.

Раз, два, три, четыре... боль еще не прошла.

Но я осознаю, что я больше не в той комнате, и паника постепенно отступает. Устроив руку между своим телом и столом так, чтобы мне не приходилось держать лед, я принимаюсь за еду. Точнее, набрасываюсь на нее, поглощая с бешеной скоростью, будто меня могут вышвырнуть отсюда в любой момент, а ведь они и правда могут это сделать. Время от времени я замечаю сочувствующие взгляды, но, возможно, это просто говорит во мне паранойя. Мне следует приходить сюда, когда здесь больше студентов, чтобы слиться с толпой.

Макаронны тяжело оседают у меня в желудке, но я слишком голодна, чтобы останавливаться, и слишком нервничаю из-за того, что не знаю, когда мне удастся поесть в следующий раз, поэтому не могу насладиться обедом как следует. Каждый кусочек кажется пресным. Как только тарелка пустеет, я отодвигаю ее и залпом выпиваю воду. Лед в салфетке на моей руке тает, превращаясь в лужицу, и мое запястье снова начинает пульсировать, но я не обращаю на это внимания, доставая из кармана толстовки конверт. Я осторожно вскрываю его. В нем лежит один листок бумаги. Без каких-либо инструкций или наставлений. На листке написаны два слова – «маска Аида». Прочитав их, я расправляю плечи, чувствуя, как мой желудок делает сальто.

Он хочет, чтобы я украла маску?

Если я закрою глаза, то могу представить эту маску из белого черепа, но кроме нее я вижу жесткую линию губ под ней. Я напрягаюсь, понимая, что в моем соглашении с Кроносом ничего не говорилось о защите. Если я *не украду* маску, то мне уготовано еще одно клеймо на руке и *двойные* проценты, потому что я сильно сомневаюсь, что смогу собрать деньги для оплаты долга к концу месяца. Я могу только представить, насколько будет увеличиваться мой долг, пока я не могу его оплатить. И, как следствие, он взыщет его с моей семьи или с моей лучшей подруги.

Но если я попытаюсь сделать, что он просит... Если меня поймают, то, скорее всего, я умру. Закрыв глаза, я вспоминаю человека,

которого они буквально выпотрошили, и это сошло им с рук. Я знаю, что сошло, потому что в газете не было даже намека на это событие. А если я чему-то и научилась у своего отца, так это тому, что люди любят жуткие новости и мертвые тела, особенно с ножевым ранением в живот. Это стало бы отличным заголовком для газет, но в них ничего не было. Точно так же, как и меня больше не было.

Повернув руку, я смотрю на внутреннюю сторону запястья. Кожа вокруг клейма покраснела, а песочные часы стали яркими и выпуклыми. Внешние линии клейма были тонкими и изогнутыми, как два колокольчика. По моей коже бегут мурашки, когда я смотрю на замысловатый, но некрасивый узор. Я уже говорила про негатив, который чувствую на своей коже, находясь в том баре? Вот и сегодня, до того, как я попала в кабинет Кроноса, я испытывала те же самые ощущения.

Я набиваю карманы едой, которую могу взять с собой, убираю бумагу в конверт, а затем торопливо выхожу из столовой.

Моя квартира находится в нескольких минутах ходьбы от кампуса. Возвратившись в нее, я запираю за собой дверь, бросаю ключи на стойку и, вытащив все из карманов, иду в ванную. После душа я намазываю запястье антисептиком и перевязываю бинтом. Стоит мне посмотреть на него в течение нескольких секунд, как тело вновь покрывается мурашками.

Мной воспользовались. Снова. И на этот раз я позволила этому случиться. События моего прошлого произошли не по моей вине, но Кронос... это мое собственное упрямство привело меня в ту комнату.

Итак, у меня есть остаток месяца, чтобы добыть эту маску. Я проведу свое расследование и выясню, не оставляет ли он ее где-нибудь, когда не надевает, если, конечно, он не спит в ней. Этот засранец мог бы приварить ее к лицу, если бы она давала ему больше преимуществ. При этой мысли я хихикаю.

Из-за Аида я все лето жила в аду, и мне нужно было помнить об этом, чтобы ненависть подпитывала мою решимость. Прошло три месяца. Разве не говорят, что месть лучше подавать холодной? Я уже решила, что собираюсь это сделать, и успех будет зависеть от моей подготовки. Но я могу только надеяться, что они не заметят моего прихода.

Глава 2

Кора

– Угадай, что?

Моя лучшая подруга открывает дверь, входя в комнату без стука, и я отрицательно качаю головой.

Семестр только начался, сегодня пятница, и она застала меня сидящей на диване, так что, полагаю, возможно все: она могла найти нового парня, узнать про бар, в который мы могли бы сходить, хотя мне это не по бюджету.

– Понятия не имею.

– Ты даже не хочешь попробовать угадать?

Марли бросает на меня выразительный хмурый взгляд, встав прямо передо мной. Наша дружба длится, кажется, целую вечность, и ее выходки меня нисколько не смущают.

– Нет.

Всю последнюю неделю у меня было совершенно отвратительное настроение, потому что я откладывала неизбежное. Я выбросила листок бумаги, который вручил мне в конверте Кронос, чтобы перед глазами не маячило постоянное напоминание о том, что мне следует сделать. Конечно, мне нужно было строить планы по осуществлению этой задумки, но вместо этого я с головой ушла в учебу, продолжая представлять, как Кронос вырезает что-то на коже моей подруги.

Кошмары снились мне настолько часто, что я пожалела о том, что не могу вообще не спать. Домашняя работа возымела должный эффект, и я наконец смогла отвлечься. Я любила учиться, но теперь даже меня начинало тошнить от того, как много я читаю, чтобы быть впереди. По крайней мере, мой семестр оплачен, и мне не нужно беспокоиться об этом до конца декабря. Затем я либо что-нибудь придумаю, либо вернусь в Изумрудную Бухту, поджав хвост. Мое решение зависит от оплаты моего долга и того, что Кронос решит со мной сделать, если я его не возьму.

Просто укради эту чертову маску, Кора, и возвращайся домой.

Мои родители могли бы простить меня за внезапный отказ от учебы, но я знаю, что не смогу простить сама себя. Во всяком случае до декабря еще далеко, и у меня есть время. Марли кашлем возвращает меня из моих мыслей на землю, и мне приходится закрыть книгу и обратить внимание на нее, игнорируя ее презрительный взгляд. На ней смелое темно-розовое платье с коротким рукавом, подчеркивающее ее изгибы. Она нанесла макияж: темные тени на глаза и светло-розовый блеск на губы. Ее светлые волосы распущены и волнами ниспадают на плечи. По сути она выглядит как секс-бомба, но держит руки за спиной, что немного странно. Я не привыкла видеть ее в таком образе, особенно в платье, так как большую часть времени она носит блузку и леггинсы.

– Ты выглядишь сногшибательно. Зачем это?

– Серьезно? – она закатывает глаза.

– Почему ты прячешь руки за спиной?

– Ты здесь уже три месяца, Кора, – хмурится она. – За это время ты хоть когда-нибудь как следует веселилась?

Я опускаю взгляд на свою руку. На прилавке уличного торговца я нашла широкий браслет из светло-коричневой кожи, который теперь прикрывает мою повязку. Так мне удалось избежать вопросов и взглядов на мою изуродованную плоть. Но ожог все равно отзывается болью, если я думаю о нем или неосторожно поворачиваю запястье.

– Ты хочешь сказать, что я скучная? – я стараюсь, чтобы мой голос звучал поддразнивающее, но она права.

Трудно быть веселой, когда ты до смерти взволнована. Я не могу допустить, чтобы Кронос причинил ей боль, но понятия не имею, как я собираюсь украсть маску Аида. Кронос сказал, что хочет отомстить

Аиду, но я не понимаю, как к этому приведет кража его маски. Добавлю это к списку вещей, в которых я ничего не смыслю.

– Да, – смеется она, а затем показывает то, что прятала за спиной: две маски.

Я откидываюсь назад, подавляя нервозность и ощущение пустоты в животе.

– Что это? – спрашиваю я, будто ответ не очевиден.

– Маски, – она опускает взгляд.

Черт, я же еще не рассказала ей о своем первом путешествии в «Олимп» – и о том, как оно закончилось.

На самом деле в тот вечер Марли даже не было в Стерлинг Фолс. Она училась на курс старше меня, хотя мы были ровесниками, потому что я целый год провела в колледже своего города. И до тех пор, пока я не получила стипендию в СФУ, я думала, что останусь там и буду получать степень младшего специалиста в области бизнеса. Теперь, похоже, мне и правда придется доучиваться дома, если, конечно, я вообще смогу выбраться из Стерлинг Фолс.

Марли будто не видит того, что я колеблюсь. Она поднимает одну из масок, похожую на морскую раковину, и подносит ее к лицу. Маска закрывает верхнюю половину ее лица, а шелковые ленты, предназначенные для того, чтобы зафиксировать ее сзади, свисают вниз. Эта маска отлично подходит к ее беззаботному настрою.

– А это моя? – я указываю на вторую невероятную маску, одна сторона которой покрыта розовыми и белыми цветами, а другая – кружевом и серебристыми бусами.

Взяв маску из рук Марли, я провожу пальцем по узорам, почти разочарованная тем, что они сделаны из ткани и клея. Эта маска намного красивее золотой.

– Итак, это означает «да»?

– И куда мы в них пойдём? – спрашиваю я, потому что она ожидает этого вопроса, но в своей голове я уже представляю «Олимп».

Я вспоминаю человека в маске кабана, курившего у колонн, Аида, Аполлона и мужчину в красной маске.

– Это сюрприз, – Марли подпрыгивает от предвкушения. – Давай тебя оденем.

Час спустя мои темно-рыжие волосы завиты, губы покрашены помадой в тон волос, и мне удалось найти среди своей одежды белое

струящееся платье, достигающее до середины бедра.

После того как Аид забрал мое удостоверение личности, я решила, что мне пора вернуть свое прежнее я, поэтому вернулась к естественному цвету волос. В детстве он был ярко-рыжим, а со временем потемнел и стал темно-каштановым. Как только я это сделала, я почувствовала себя лучше. Я уже потеряла так много частичек себя, но, по крайней мере, сейчас я могла узнать себя в зеркале. А еще я проколола себе нос. Это произошло спонтанно. Проходя мимо какого-то салона, я просто решила зайти внутрь. Марли взбесилась, когда увидела серебряное кольцо, плотно прилегающее к моей носовой перегородке, а затем потребовала объяснить, почему я не взяла ее с собой.

Пока я наношу макияж, Марли стоит и улыбается, глядя на меня. Она думает, что поступает хорошо, стремясь развеселить меня. Поэтому она ждет, когда я закончу, то входя, то выходя из ванной, отмечая мои успехи.

Пока я заканчиваю краситься, погруженная в свои мысли, Марли находит золотые туфли с ремешками, те самые, которые я надевала, чтобы отправиться в «Олимп» три месяца назад. Мне потребовалась целая вечность, чтобы найти их, потом я искала выход из леса, и еще больше времени у меня ушло, чтобы добраться домой. От воспоминаний в горле встает ком. По возвращении я бросила туфли в шкаф и с тех пор к ним не прикасалась.

– Готова? – Марли поправляет на мне платье и откидывает волосы назад, внимательно вглядываясь в мое лицо. – Ты что-то мне не договариваешь. – Она наклоняет голову.

Я нервно сглатываю. Вот сейчас я могла бы выложить ей все, что было у меня на душе. Но как я могла так поступить с ней? Ведь сегодня одна из тех ночей, когда нам положено веселиться.

Потом я вспоминаю, что Кронос угрожал не только моей жизни, но и ее. Поэтому я лгу.

– Все в порядке, просто нервничаю из-за твоего сюрприза.

Марли кивает, принимая мою ложь за чистую монету, и берет меня под руку, пока мы спускаемся вниз. Мы забираемся в ее машину – старую, потрепанную «субару», которая еще до Марли сменила четырех владельцев. Тем не менее, она на ходу, и этого нам достаточно.

Выехав на дорогу, Марли проезжает мимо кампуса СФУ и направляется в центр города, который является нейтральной территорией для банд. Когда мы выезжаем наверх и едем мимо холмов, дорога начинает сужаться, но Марли, кажется, это не беспокоит. Этот путь казался мне гораздо менее опасным, когда я ехала на заднем сиденье такси, чем сейчас, в маленькой машине Марли, мчащейся со скоростью света. Нервно, я кладу ладонь на дверную ручку и сжимаю ее так, будто от этого зависит моя жизнь.

– А ты уже была там, куда мы направляемся? – я чуть ли не произношу слово «Олимп», едва не разрушив мою собственную ложь.

– В прошлом году, – признается она. – Мне не хотелось идти туда одной и пытаться с кем-то познакомиться, поэтому я согласилась на предложение Джанет. Прости, что не рассказала раньше.

Ей не стоило извиняться, ведь я не могу ожидать, что моя лучшая подруга будет тусоваться только со мной. Кроме того, мы никогда не думали, что у нас получится учиться вместе. Совместное обучение в университете было мечтой, от которой мы отказались задолго до того, как началась средняя школа. Марли вернулась в Стерлинг Фолс несколько недель назад и нашла меня... потонувшую в собственных проблемах. Я не знаю, как я умудрилась наделать столько ошибок за три месяца после приезда сюда, и я ни в коем случае не собиралась сваливать все свои проблемы на Марли, но с ее возвращением мне стало легче.

Внезапно в мою голову приходит вопрос.

– Нам нужно платить за билеты?

Марли поворачивается ко мне, улавливая мое беспокойство. По крайней мере, она знает, что с деньгами у меня туго.

– О боже мой! Прости! Я должна была тебя предупредить, но я заплачу за тебя.

Я вздыхаю. Финансовые трудности для меня не в новинку. Мне пришлось привыкнуть к жесткой экономии и расчету каждого пенни. А с предложением Марли выручить меня в некоторых расходах ситуация только усугубилась. Я могла бы позволить себе эти вещи, будь у меня работа или стипендия. Или жизнь, которую у меня отняли. Сейчас мое благосостояние буквально висит на волоске.

Внезапно дорога между холмами выравнивается, и Марли замедляет ход. Перед нами стоит вереница машин, и все они

направляются в одно и то же место – к огромному мраморному зданию под названием «Олимп». Колонны перед входом кажутся мне такими же впечатляющими, как и в прошлый раз. «Олимп» похож на серебристого зверя, который сидит в тени на небольшом возвышении. На этот раз парадные двери открыты, и изнутри исходит золотистое сияние. Свет просачивается на главный двор, эффект от этого получается просто волшебный. Мы сворачиваем на территорию «Олимпа» и находим место для парковки.

Глядя на «Олимп», я делаю глубокий вдох, уговаривая себя, что на этот раз все будет по-другому. Во-первых, я смогу зайти внутрь, а во-вторых, рядом со мной Марли. Даже если я встречу с теми мужчинами – а я полагаю, мне придется с ними встретиться, раз я решила украсть маску Аида, – моя внешность изменилась. Теперь у меня есть пирсинг, мои волосы рыжего цвета, и вдобавок ко всему я похудела.

Марли указывает на цветочную маску, лежащую у меня на коленях, и, опустив зеркало, я завязываю ее на лице. Маска странным образом сочетается с моей темной помадой, рыжими волосами и белым платьем. Образ очень смелый, хотя я не уверена, что хочу, чтобы мой внешний вид заявлял об этом. К моей радости, Марли не указывает на неуместный браслет на запястье.

Несмотря на то, что для начала сентября погода стоит очень теплая, что-то в атмосфере вокруг вызывает у меня дрожь, и я бросаю взгляд через плечо в сторону леса, а потом быстро отворачиваюсь обратно. Я так и не узнала, что на самом деле происходит в «Олимпе», за исключением того, в чем туда нужно приходить. После своей первой ужасной попытки я больше не интересовалась этим местом.

Мы присоединяемся к толпе, которая направляется к особняку. У огромной двери стоит мужчина в маске черного ворона и собирает наличные за вход. В прошлый раз я видела здесь мужчину в маске кабана. Мне интересно: это разные сотрудники или просто разные маски?

– Я плачу за тебя, помнишь? – говорит Марли, толкая меня локтем.

Я киваю и прикусываю щеку. То, что кто-то платит за меня, только усиливает чувство вины, но я стараюсь не позволить этому испортить мое и без того скверное настроение.

– Я верну тебе деньги.

Очередь продвигается очень медленно, и я вытягиваю шею, чтобы заглянуть внутрь, но не вижу ничего, кроме еще одних распахнутых дверей. Резьба на них более выпуклая, и мне сразу хочется подойти поближе, чтобы провести по ней пальцами. Толпа вокруг нас пестрит разнообразием. Все носят причудливые маски, некоторые мужчины и женщины одеты весьма официально: в длинные платья и смокинги, а на других простые рубашки с открытым воротом, юбки и укороченные топы. Я никак не могу взять в толк, как должны быть одеты мы? Потому что наш стиль – это середина между первыми и вторыми.

Наконец мы подходим к дверям, и человек в маске ворона некоторое время пристально смотрит на нас. Моя лучшая подруга открывает сумочку и достает две купюры, но, как ни странно, темные глаза мужчины впиваются в меня. Я прищуриваюсь, глядя на него и пытаюсь понять, узнаю ли я в нем того курильщика, который бросил меня у этих дверей три месяца назад. Хотя это просто смешно: я не смогла бы его узнать точно так же, как и он не узнал бы меня. Спустя такое количество времени некоторые детали того дня просто размылись в моем сознании. Например, я не могла вспомнить, на сколько минут опоздала или к какой колонне прислонился тот мужчина. Но от некоторых воспоминаний я до сих пор не могла избавиться, хотя мне очень этого бы хотелось.

– Бесплатно, – голос мужчины хриплый и тихий, но мурашки снова бегут по моему телу.

Не испытывая никакого дискомфорта, Марли радостно благодарит его и тащит меня внутрь. Быстро оборачиваясь на дверь, я различаю изогнутый венок из листьев, прикрепленный к ней на уровне моих глаз. И вот мы уже внутри.

Судя по размерам двери, я подозревала, что нас ждет что-то грандиозное, но понятия не имела, что именно. Пройдя через большой атриум, мы подошли к огромной лестнице, которая через несколько пролетов разделяется надвое. На втором этаже, высоко над нашими головами, площадки окружены открытыми перилами, откуда, должно быть, открывается прекрасный вид. По бокам от атриума стоят мраморные колонны, скрывая затененные ниши, а по обе стороны от лестницы я вижу арочные дверные проемы, ведущие дальше. Это похоже на выбор между раем и адом. В нише стены над лестничной

площадкой стоит статуя. Возможно, она тоже когда-то была мраморной, но теперь переливается черным и золотым. Недвижимый мужчина обладает неземной красотой, а его золотая корона сияет.

– Выпей, – Марли передает мне фляжку. – Может, тогда ты перестанешь так сильно дергаться.

Я замираю. Напиться, чтобы приступить к своей задаче с притупленными чувствами – последнее, что мне нужно. Не могу отрицать, что каждое случайное прикосновение заставляет меня вздрагивать. Это симбиоз моего прошлого и недавних событий с Кроносом. Мужчины, появлявшиеся в моей жизни, сначала казались мне добрыми, но потом быстро доказывали, что мои суждения неверны, а инстинкты подводят. Но Марли – человек, которому я действительно доверяю, поэтому я откручиваю крышку фляжки и делаю небольшой глоток. Джин – ее любимый напиток с тех пор, как мы были еще подростками, оставляет у меня во рту отчетливый сосновый привкус. Я морщусь и пихаю ей фляжку обратно, из-за чего Марли тихонько смеется.

– Зачем мы сюда приехали?

Комната полна народу, но некоторые ведут себя так, будто вокруг никого нет. Некоторые объединяются в группы и болтают с друзьями, другие стоят поодиночке. Однако мы все находимся так близко, что не имеет значения, кто именно с кем общается.

У меня возникает непреодолимое желание подняться по этой лестнице и исследовать каждый дюйм этого места. Мы будто бы перенеслись в другой мир. В Древнюю Грецию, судя по мрамору, резьбе и золотым вставкам. Этот контраст еще больше подчеркивается масками, которые, как сами люди и их наряды, варьируются от непритязательных до показных.

Мимо нас проходит женщина в ярко-фиолетовой маске, закрывающей большую часть ее лица, а гигантские фиолетовые перья создают эффект короны.

– Они никогда не впускали меня бесплатно, – сообщает Марли мне на ухо. – Думаю, ты мой талисман. Просто подожди – скоро начнется.

– Начнется что?

– Лучшей частью моего вечера будет наблюдение за тем, как ты во всем разбираешься, – подмигивает она.

Я вздыхаю, а потом кое-что привлекает мое внимание. Вернее, не кое-что, а *кое-кто*. Он спускается по лестнице и останавливается на площадке. С появлением этого человека гигантские двери позади нас с шумом закрываются. Я стараюсь не дрожать, когда понимаю, что это Аполлон. При свете он выглядит одновременно великолепно и пугающе, хотя я думаю, что второе связано с моими страхами из-за нашей последней встречи.

Ты знаешь, на что он способен.

Его обнаженная грудь разрисована золотыми полосками и отпечатками ладоней, спускающихся по коже и исчезающих в коричневых кожаных штанах, а его маска – тот же самый золотой череп животного. Золотистые рожки торчат из висков и закручиваются вверх и назад, а кожаная бахрома с перьями и бусинками свисает по бокам, касаясь плеч. Он похож на воина из древних мифов. Когда вокруг нас воцаряется тишина, пристальное внимание зала переключается на него, чего он и хотел. Его темные глаза скользят по толпе, и я немного отступаю назад. Приглядевшись, я вижу, что кожа вокруг его глаз выкрашена в черный цвет, что усиливает контраст с маской. Едва все замолкает, он разводит руки в стороны. Будто не удержавшись, толпа синхронно наклоняется вперед в предвкушении. Мне же хочется убежать.

– Добро пожаловать, – негромко произносит он, одаривая нас дикой ухмылкой, но его голос разносится по всему залу и проходит прямо через меня. – Добро пожаловать в «Олимп».

Люди вокруг топают ногами, включая Марли. Я оглядываюсь, хмуря брови. С тех пор как я стала девушкой-невидимкой, я поняла, что слишком отличаюсь от людей вокруг меня и, находясь здесь, я ощущаю это еще более остро.

– Я Аполлон – ваш ведущий на этот вечер, – он делает шаг вниз, ближе к нам. – На прошлой неделе мы определили избранных, на этой они вступят в бой. Кто выиграет схватку и выйдет из этого зала, сохранив достоинство? А кого придется соскребать с пола?

Толпа ликует, воодушевившись обещанным насилием. Шум вокруг меня похож на звук взлетающей стаи птиц, он внезапный и хаотичный, и я пытаюсь унять дрожь. Не знаю почему, но я чувствую, будто Марли предала меня, ведь я не люблю кровь. На моем пути ее было слишком много, и я больше не хочу иметь с этим ничего общего.

Наблюдая за подругой, я понимаю, что она так же увлечена, как и все остальные. Я же одинока в своих принципах, поэтому снова обращаю внимание на Аполлона. С ужасом я понимаю, что его взгляд прикован ко мне. По спине пробегают ледяные мурашки, будто меня только что окатили холодной водой. Я напоминаю себе, что выгляжу по-другому: у меня другая прическа и пирсинг, но лицо краснеет под маской и макияжем. Он не может знать, что это я, но мое тело определенно реагирует на его взгляд. Он долго смотрит мне в глаза, а затем продолжает говорить:

– Дверь открыта, друзья мои, скоро увидимся.

Он поднимает руку, и резкий хлопок эхом разносится по комнате. Из мрамора под его ногами вырывается дым. Поднимаясь вверх, он скрывает Аполлона от наших глаз, и, когда через несколько мгновений дым рассеивается, мужчины уже нет на лестничной площадке.

– Разве это не эпично? – восклицает Марли, хватая меня за руку. – Пошли, нам нужен хороший обзор.

Толпа вокруг нас редет. Некоторые остаются на первом этаже, но огибают лестницу, проходя через арки, остальные поднимаются повыше.

– Бой? – уточняю я. – Правда?

– Нет, это нечто большее, – говорит Марли, закашлявшись. – Это... это катарсис. Эти люди совершают безумные поступки, чтобы стать избранными. Для них это большая честь.

– Сколько раз, говоришь, ты бывала здесь?

Мне не следовало бы злиться, но она никогда не упоминала об этом раньше. Так же, как и я. А это означает, что мы обе лгуньи.

– Мы с Джанет ходили сюда несколько раз, – морщится Марли. – Может, раза четыре или пять.

Вздохнув, я сжимаю ее руку.

– Прости, я была ужасной подругой, и мне не стоит тебя судить. Ты поступила очень мило, что решила вывести меня из ступора.

– Что ж, хорошо, – отвечает Марли, поправляя свою маску и улыбаясь. – Спасибо. Я бы не привела тебя сюда, если бы думала, что тебе не понравится. К тому же мы можем просто поглазеть на красавчиков.

Что ж, это не самое худшее, что есть на свете.

– Ладно, пошли.

Марли первая поднимается по лестнице, прокладывая себе дорогу локтями через толпу. Поднявшись по левой стороне, мы видим, что путь перекрыт веревкой, поэтому идем направо. Правая сторона соединяется с частью атриума, где сходятся лестницы.

– Какое странное место, – говорю я себе под нос, и Марли кивает.

– Определенно, это часть его магии.

Разве не так я думала об этом месте раньше? Что оно волшебное. Тем не менее магия такого рода точно имеет свою цену.

Я снова вспоминаю о конверте, оставленном мне Кроносом, и о том, что время, которое он мне выделил, ускользает как песок сквозь пальцы.

Греческая мифология всегда представляла для меня особый интерес. Я читала, что Аид – это правитель подземного мира, брат Зевса и Посейдона. И он опасен. Кроме Аида, здесь есть Аполлон и человек в красной маске, у которого тоже должно быть имя бога. Интересно, помимо этих троих, в «Олимпе» есть еще мужчины с именами греческих богов?

Широкий коридор, по которому мы идем, имеет с правой стороны арочные проемы, расположенные через каждые несколько ярдов. Там установлены барные стойки, вокруг которых слоняются люди. За стойками работают мужчины в масках воронов – они не только разливают напитки, но еще и принимают ставки, раздавая позолоченные карточки в обмен на наличные.

Игнорируя бар, мы продолжаем идти и, пройдя еще несколько проемов, оказываемся на балконе, который очень похож на старую театральную ложу. Некоторые балконы больше других, но большинство вмещают от семи до десяти человек, если стоять у поручней. Тут нет сидений – может, потому что они не хотят, чтобы гостям было слишком удобно. Или, возможно, в такой атмосфере люди просто не думают о том, чтобы присесть.

С нашего балкона хорошо виден расположенный внизу ринг. Места рядом с ним быстро заполняются, как и балконы. Я чувствую витающее в воздухе возбуждение и слышу громкую болтовню. В отличие от обстановки на бойцовских рингах, здесь не ощущается запаха кислого пота и страха. Я не вижу никакой крови. Просто сладкий аромат женских духов и чего-то пряного.

– Как часто они это делают? – спрашиваю я Марли.

На приподнятую платформу поднимается Аполлон. Теперь я замечаю, что ринг покрыт песком. Аполлон хлопает в ладоши.

– Каждую вторую пятницу, – отвечает Марли.

Я подсчитываю в уме: в сентябре четыре пятницы, это вторая. Либо я смогу вернуться сюда через четырнадцать дней и украсть маску Аида, либо я потерплю неудачу, и у меня будет чуть меньше недели, чтобы придумать другой план. Внезапно я стала воспринимать все гораздо более серьезно, будто из Кору Синклер превратилась в кого-то другого. В преступницу.

– Сейчас мы познакомимся с новичками, – ухмыляется Аполлон.

Он воистину один из греческих богов. Бог солнца и света – не хватает лишь лука и стрел. У меня снова возникает чувство, будто он смотрит на меня, но я не осмеливаюсь это проверить. Мое внимание переключается на обстановку в зале, и я крепко хватаюсь за поручень.

– Сегодня вечером состоятся три боя избранных. Три победителя уйдут отсюда, – его губы опять кривятся в усмешке, – с милостью богов.

Даже мысли об этом кажутся мне кощунственными, но, должно быть, это все католическое воспитание, привитое родителями.

– И, как всегда, я представляю вам моих братьев, – Аполлон указывает на одну из лож на нашем уровне, где стоят два богато украшенных кресла, больше похожие на троны.

У меня перехватывает дыхание, когда я вижу, что мужчина, вставший на одно из них, одет во все красное, словно облит кровью. Его маска сделана из черных и красных перьев и закрывает верхнюю половину лица. Красная кожаная куртка на нем распахнута и обнажает грудь и пресс, как у Аполлона, поблескивающие в тусклом свете. Его черные штаны похожи на замшевые – это тот мужчина, чье имя для меня было загадкой.

– Арес, – шепчет Марли мне на ухо.

Арес.

Я беззвучно произношу это имя, пробуя его на своих губах. Бог войны. Насилие и кровь. Теперь все понятно.

– И... Аид – зверь сражений!

Кто-то шаркает с другой стороны от меня, и я бросаю взгляд на мужчину, стоящего рядом. Его маска фиолетово-черная, с маленькими полосками молний. Видно, он достаточно смелый, если пытается быть

похожим на Зевса. Но потом я улавливаю, что он только что сказал, и снова поворачиваюсь к ложе богов с их тронами.

Второй трон... От узнавания у меня сводит желудок. Маска этого мужчины белого цвета, она похожа на череп без нижней челюсти. Знакомые изогнутые рога из черного металла поднимаются из висков. Я видела эти рога, надвигающиеся на меня из темноты, в своих кошмарах. Черный пиджак Аида распахнут точно так же, как у других, обнажая идеальную грудь. Подобно золотым прожилкам на теле Аполлона или крови на теле Ареса, грудь и шея Аида вымазаны древесным углем, на груди виднеется темная татуировка. На его маске нет никаких украшений и драгоценностей. Смотри на него, я чувствую, как где-то под ребрами возникает странное чувство.

– Ходят слухи, что маска Аида – настоящий человеческий череп, – комментирует человек, косящий под Зевса.

– Я тоже это слышала, – кивает мне Марли, слегка отступая от перил.

– Он сражается? – спрашиваю я, когда у меня в очередной раз сводит желудок.

– Он уже давно этого не делал, но, возможно, нам повезет, и мы увидим это шоу. Ты в порядке? – Она подталкивает меня локтем.

– Все отлично, – выдавливаю я.

Возможно.

– Вы готовы? – обращается Аполлон к зрителям, подогревая их интерес, а его голос снова звучит негромко, но эхо разносит его по всему залу.

– Видимо, готовы, – говорю я, когда толпа вокруг начинает вопить и топтать ногами.

Я хватаюсь за полированный латунный поручень перед собой, пытаюсь отогнать дурноту. Аполлон продолжает говорить, представляя бойцов – избранных, но я не слышу этого. Мне все равно, кто сегодня будет драться, мое внимание сосредоточено на Аиде, чтобы запомнить его настолько, насколько это возможно. Он откинулся на спинку своего трона, расставив ноги и подперев подбородок кулаком. От него исходит равнодушие, которое, кажется, совсем не соответствует атмосфере в зале. На руке Аида татуировка, она спускается по предплечью и исчезает в рукаве. Пока я рассматриваю его, в моей голове назревает вопрос. Как же я собираюсь украсть его маску?

Просто сорвать ее с его лица, как он сорвал маску с моего, и надеяться исчезнуть?

Меня оглушает новый рев толпы, и Марли тычет меня локтем в бок, возвращая мое внимание на ринг, куда уже поднялись два бойца. Их маски гораздо практичнее остальных – просто ткань, повязанная вокруг головы. Двое вышедших мужчин обнажены по пояс, их кожа скользкая от масла, а черные шорты мало что скрывают. Без лишних слов Аполлон отходит в сторону, и начинается драка. После первого удара кулаком и хруста хряща я отшатываюсь назад, чувствуя боль в собственном носу. Кровь капает на песок и быстро исчезает в нем. Я продолжаю отодвигаться подальше от этого зрелища, думая, что с шумом я еще смогу справиться, если не буду ничего видеть. Я выхожу в коридор и закрываю глаза, надеясь убедить себя, что крики толпы вызваны чем-то другим.

– Жалеешь, что пришла?

Мгновенно насторожившись, я оборачиваюсь и вижу перед собой Ареса. Вблизи его красная маска выглядит еще более гротескно, и похоже, что жидкость, разбрызганная по ней и окрашивающая перья в красный цвет, на самом деле является кровью.

Бог войны.

Я вспоминаю, как его руки удерживали меня в то время, как Аид объявлял меня невидимкой. Похоже, сейчас он видит меня насквозь, хотя, возможно, это из-за маски. Кажется, я ценна только тогда, когда за мной не закреплено имя.

– Я... – горький привкус наполняет мой рот, и я жалею, что поехала с Марли. Как оказалось, жажда насилия у моей лучшей подруги намного сильнее, чем у меня.

Она думала, что мне это понравится из-за того, что случилось с моим бывшим, но именно этот факт вызывает у меня тошноту. А это место – реальное напоминание о том, что произошло три месяца назад.

– Не думаю, что понимаю, – я слегка приподнимаю плечи, пожимая ими.

– Давай посмотрим, что мы можем с этим сделать. – Он протягивает руку. – Пойдем со мной.

Я встречаюсь с ним взглядом, и мое сердце замирает, когда я вижу, что его глаза красного цвета. В отличие от Аполлона, сквозь отверстия в маске Ареса не видно макияжа, затемняющего кожу. Как

будто он хочет, чтобы люди знали, что он человек и монстр одновременно. Когда мы встречались в последний раз, я не могла заметить этого в темноте.

Должно быть, что-то случилось на ринге, потому что толпа раздражается дикими аплодисментами.

Подбородок Ареса чуть приподнимается, и я воспринимаю это как вызов. Возможно, он не привык к сопротивлению или к тому, что люди могут брезгливо относиться к дракам, но по иронии судьбы именно бог войны заметил мое отношение к происходящему, когда никто другой даже не оглянулся.

Я беру предложенную им руку, и мои пальцы сжимаются вокруг теплой кожи его куртки на сгибе локтя. Я позволяю ему увести меня по коридору. За нами наблюдают только люди в масках воронов, все остальные находятся на балконах и сосредоточены на схватке внизу. Такое ощущение, будто мы оба невидимы, и на этот раз по-настоящему. Свернув за угол, мы останавливаемся у черного занавеса, который Арес отбрасывает в сторону. Он показывает на два трона, которые они с Аидом занимали ранее. К моему счастью, Аид ушел с их балкона. Мне не нужно, чтобы он узнал меня. Арес тоже мог бы меня узнать, но, видимо, я остаюсь для него незнакомкой. Сейчас мне следует хорошо осмотреться и выяснить, как и когда я смогу снять маску с Аида. Подведя меня к своему трону, Арес садится на него, а затем... берет меня к себе на колени. Я тихонько вскрикиваю, когда его руки сжимают мои бедра.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Можете судить меня, но мой голос дрожит.

– Тебе будет приятнее наблюдать за боем, если ты будешь знать, что происходит, – говорит он прямо мне на ухо. – Большой парень приходил в «Олимп» несколько месяцев подряд, иногда он проигрывает, иногда выигрывает. Он Титан, но здесь об этом никто не знает.

Я ловлю себя на том, что киваю Аресу. Титан внизу выглядит очень грубым. Двое мужчин кружат друг вокруг друга, тяжело дыша. Судя по бою, более крупный соперник предпочитает левую стойку. Тут до меня доходят слова Ареса, и в груди все сжимается.

Титан, подобный Кроносу.

Ожог на моем запястье снова пульсирует, едва мне стоит вспомнить о моем кредиторе, и я радуюсь, что Марли не заставила меня снять браслет.

Арес проводит пальцем по моей руке, ненадолго задерживаясь на браслете. Возможно, он хотел, чтобы эффект от его прикосновений был успокаивающим, но тыльная сторона моих рук покрывается мурашками.

– А другой? – спрашиваю я, не зная, на что надеюсь: хуже он или лучше.

– Студент колледжа, но у него есть яйца, – рука Ареса сжимается на моем бедре, а я с новым интересом разглядываю невысокого мужчину.

– Ты находишь это захватывающим? – в его голосе слышится горечь, но разве он не сам хотел, чтобы я заинтересовалась происходящим на ринге?

Я отвожу взгляд, когда два бойца снова встречаются в центре, обмениваясь быстрыми ударами. Мой взгляд блуждает по балконам, пока я рассматриваю костюмы и наряды пришедших гостей, но затем два пальца на моем подбородке возвращают мое внимание к лицу мужчины, на коленях которого я сижу.

Моя кожа горит от его прикосновений и взгляда. Похоже, его тоже на самом деле не волнует бой, потому что он внимательно рассматривает мое лицо, линию шеи и белое платье. Его взгляд не кажется мне унижительным, скорее увлеченным, а затем его внимание задерживается на моих губах.

– А ты любопытная штучка, – его голос такой тихий, что я едва могу его расслышать. – Слишком невинна, чтобы находиться в подобном аду.

– Поверь мне, в аду я уже бывала, – говорю я, напрягаясь. – «Олимп» не идет с этим ни в какое сравнение.

Арес начинает что-то тихо напевать, но звук мелодии не столько слышен, сколько отдается вибрацией в его груди, и я чувствую, как мое сердце колотится в ответ. Внизу что-то происходит, потому что уровень шума толпы взлетает до небес, однако мы вовлечены в борьбу совсем другого рода.

Я не могу отвести взгляд от его красных глаз и не перестаю лгать себе, что он и это место меня не пугают, что он не узнает меня, что я

еще не разобралась в Титанах.

Арес улыбается и проводит пальцем по моему подбородку.

– Я с нетерпением жду возможности познакомиться с твоей версией ада.

Я пытаюсь встать с его колен, и он отпускает меня.

Арес выглядит именно так, как я представляла себе греческих богов – высокомерный и изысканный. Внешне он кажется безразличным ко всему вокруг, но в глубине его глаз будто горят угольки. И он не соответствует той кошмарной версии, которая осталась в моих воспоминаниях. Все это слишком притягательно. Мне нужно убираться подальше отсюда для моего же блага.

– Скоро увидимся, – говорит он мне вслед, и каким-то волшебным образом я все еще слышу его – даже посреди визжащей и аплодирующей толпы.

Глава 3

Кора

– Ты хочешь вернуться? – Марли изумленно смотрит на меня, прижимая к моему лбу тыльную сторону ладони. – Ты что, заболела?

Я прячу в сумке проваленный тест по химии, игнорируя ее руку.

– Это было интересно.

Последние дни я никак не могла выбросить Ареса из головы. Он постоянно возвращался ко мне во снах. Я видела его красные глаза и то, как его руки сжимали мои бедра. Может быть, я проклята, поэтому эти сны терзают меня, но последние несколько дней Арес в них казался менее пугающим и более соблазнительным. Когда же я бодрствую, все, о чем я могу думать, – это о том, как я, черт возьми, собираюсь улизнуть с маской Аида. А еще о моем долге и моем голоде.

Все эти мысли так сильно отвлекали меня от занятий, что я совершенно забыла подготовиться к одному из первых тестов, пропустив, по крайней мере, половину вопросов. Единственная «хорошая» вещь – это то, что я не стипендиат и не могу лишиться стипендии, если завалю учебу. Все близкие мне люди, включая мою лучшую подругу, находятся в неведении касательно моих проблем. Слава богу, она не считает странным, что я стала чаще просить ее проводить меня в столовую, чтобы поужинать вместе. Думаю, она списала мою потерю веса на диету, а я просто не мешала ей делать

выводы. Хотя сейчас внешне я совсем не похожа на ту пятнадцатилетнюю первокурсницу, которая приехала в кампус.

– Мне казалось, что твое лицо под маской было чуть ли не зеленым, – она прищуривает глаза.

– Ну ты же сама думала, что мне понравится, – справедливо напоминаю я.

Без лишних вопросов Марли проводит меня в столовую.

– Я думала, что тебе понравится, потому что попасть в «Олимп» – это как оказаться в другом мире. Но потом я увидела, что тебе не по себе, и мне самой стало плохо от того, что я решила привести тебя туда.

Если вдруг она и видела меня на коленях у Ареса, то, конечно, не упомянула об этом, потому что по возвращении к Марли я придумала какую-то ложь о том, что искала туалет. Я не люблю хранить секреты, но, оказывается, храню их слишком много.

Мы с Марли дружим с первого класса. Она приехала со своей матерью в Изумрудную Бухту после развода родителей, но родом была из Стерлинг Фолс и всегда говорила, что хочет вернуться в этот город. Думаю, ее отец все еще живет где-то здесь, хотя я с ним не встречалась и не знаю, видела ли она его больше нескольких раз за последний год, а их отношения нельзя назвать хорошими. После средней школы она сразу поступила в СФУ, а мне пришлось посещать занятия в местном колледже и устроиться на работу. Из-за того что я поздно пошла в детский сад, я была на год старше своих одноклассников в средней школе, и общественный колледж должен был стать для меня лучшим выходом, пока я не получила стипендию. Ее получение мы праздновали вместе с Марли. Несмотря на то, что она уже решила жить в кампусе со своей соседкой по комнате с первого курса, Марли пообещала, что мы обязательно найдем совместное жилье в следующем году. Мир возможностей, открывавшийся мне с получением стипендии, казался в равной мере пугающим и захватывающим. Но за одну-единственную ночь у меня из-под ног выбили почву.

Декабрь уже на носу, и, если я уеду отсюда, не погасив свой долг, Кронос использует Марли и моих родителей как рычаг давления на меня. Да, черт возьми, он может даже их убить. Моя решительность

растет, и я понимаю, что единственный выход из этой ситуации – украсть эту чертову маску.

– Теперь, когда я знаю, чего ожидать, я хочу туда вернуться. Если, конечно, ты сама хочешь еще раз туда сходить.

Я понимаю, что в том, что происходит в наших отношениях с Марли, есть моя вина – я была дерьмовый подругой, хотя всегда знала об этом. Я пришла учиться в ее колледж и сразу же превратилась в маленького испуганного отшельника, а у Марли уже была своя жизнь. Несмотря на то, что мы были лучшими подругами, здесь у нее были другие друзья. И я еще никогда так ясно не ощущала, что мы находимся на разных игровых полях, по крайней мере, в социальном плане.

– Ладно, не переживай, все в порядке, – говорю я ей.

И это действительно так, ведь последние полторы недели я набиралась смелости, чтобы хотя бы подумать об этом. Сегодня четверг, и отведенное мне время на то, чтобы украсть маску, неуловимо истекает. Я до сих пор не придумала, как собираюсь это сделать, но хотя бы определилась с «когда». Я решила, что сделаю это во время боя или после того, как он ее снимет. Я могла бы проследить за ним и посмотреть, куда он кладет маску, а потом выбрать время, просто подбежать и схватить ее.

Звучит относительно просто.

– Некоторые из ребят планировали туда сходить, так что ты можешь просто пойти с нами, в компании будет веселее.

Я пытаюсь улыбнуться, но в глубине души нервничаю. Не думаю, что я очень понравлюсь ее друзьям. Возможно, причина этого – мой статус отшельника, или я просто кажусь им пугающей. Ведь наша первая встреча была просто катастрофической... Пролитый напиток, случайное оскорбление. Они вели себя так, будто я убила их кошку.

– Потрясающе, спасибо! И на этот раз я сама куплю себе билет.

Думаю, я смогу наскрести на него денег, потому что мысль о том, что она снова попытается заплатить за меня, мне не нравится.

После ужина я возвращаюсь к себе домой и на полпути начинаю чувствовать, будто кто-то наблюдает за мной. Волосы на затылке встают дыбом, и я оглядываюсь через плечо.

Веди себя естественно.

Не доходя примерно половину квартала до дома, я вижу лысого мужчину в черной кожаной куртке, в которой очень легко спрятать оружие. Он кажется таким опасным, будто от него стоит держаться подальше или лучше вообще убежать. Скорее всего, это игра моего воображения, но я не могу избавиться от беспокойства, даже если это кажется просто совпадением, поэтому делаю несколько ненужных поворотов, чтобы проверить, не следует ли он за мной.

Скоро я обнаруживаю, что улица позади меня пуста, и выдыхаю с облегчением. Но когда я подхожу к своему многоквартирному дому и, поднявшись на крыльцо, вставляю ключ в замок, этот же мужчина появляется, кажется, прямо из воздуха. Я мельком замечаю его краем глаза, но уже слишком поздно – он хватается меня за запястье и резко выкручивает его так, что я роняю ключи. Другой рукой он берет меня за волосы. Я визжу и пинаю его, пытаюсь освободиться, но его безучастное выражение лица совершенно не меняется. Он даже не вздрагивает, когда я бью его в колено, а просто толкает меня лицом к двери. Когда моя щека ударяется о стекло, его хватка на волосах усиливается, и он запрокидывает мою голову назад. Глаза наполняются слезами, когда голову пронзает резкая боль.

– Время уходит, девочка-невидимка, – он наклоняется ко мне, и я чувствую его смрадное дыхание, пропитанное чесноком и сигаретным дымом. – У тебя осталось шесть дней.

Я пытаюсь пристально посмотреть на него хотя бы одним глазом, потому что половина моего лица впечатана в стеклянную панель двери. Он никак не реагирует, просто скользит взглядом по моему телу. Эффект, которого я хотела добиться, теряется.

– Кронос передает тебе привет.

Когда он отпускает меня и уходит, засунув руки в карманы, я отталкиваюсь от двери, тяжело дыша, и борюсь с дрожью, которая охватывает все мое тело. *Они хотят, чтобы я боялась.* Страх должен быть моим стимулом выплатить долг, который становится все больше, а мой небольшой запас наличных истекает.

Я достаю ключи и спешу отпереть дверь квартиры. Встав в коридоре, я оглядываю полупустое помещение. Наверное, я могла бы сделать его более домашним, и мне должно быть стыдно за такое малое количество вещей, но мне вполне хватает подержанного дивана, приставного столика, лампы в гостиной и матраса на полу в спальне.

На кухне достаточно посуды для одного, может, для двух человек (если я смогу купить продукты на двоих).

Но это... грустно.

Я ненавижу это место. У меня возникает желание разбить эту чертову лампу и обрушить на это здание весь свой гнев. Но мой банковский счет не может себе этого позволить. Прямо сейчас на нем лежат скудные остатки кредита, к которым я не хочу прикасаться. Ведь каждый пенни, который я трачу на еду или электричество, увеличивает мой долг Кроносу. Так что я не могу заниматься разбоем и уничтожать вещи в своей квартире. Вместо этого я могу сделать кое-что еще... Вернуться в «Олимп». По идее сегодня там ничего не происходит, и он должен быть пуст. Если кто-то застанет меня там, то я могу соврать, что две недели назад потеряла в этом месте какую-то вещь.

Отличная идея.

Отправив сообщение Марли с просьбой одолжить ее машину, я проверяю свой шкаф в поисках самого неприметного наряда. Черная толстовка с капюшоном и брюки кричали бы о том, что я воровка, поэтому я надеваю джинсовые шорты и белую блузку. Благо, погода за окном остается стабильно теплой, так же, как у меня дома. Девять месяцев в году погода стоит отличная, а три месяца или, если повезет, два – беспокойная.

К тому времени, когда я забираю машину Марли, мои нервы уже на пределе. Она опаздывает на занятия, поэтому безо всяких вопросов и церемоний чмокает меня в щеку и кладет ключи от машины мне на ладонь. По дороге я обдумываю, как украсть маску Аида, потому что на самом деле это мой последний шанс. Если, конечно, я не хочу устроить слежку за этим мужчиной, чтобы выяснить, куда он деваает маску, когда не строит из себя властелина подземного мира. Иначе я столкнусь с другим клеймом на своем запястье.

Подумав об этом, я вздрагиваю. *Нет уж, спасибо.* Что-то подсказывает мне, что между стычкой с Кроносом и встречей с Аидом стоит выбрать Аида, потому что, похоже, Кронос из тех мужчин, которым нравится отщипывать плоть у ничего не подозревающих людей. Таких, как я, наивных и глупых.

Выехав на длинную подъездную дорожку, ведущую к «Олимпу», я останавливаю машину. На этот раз я замечаю детали, которые упустила в предыдущие два визита, а именно скалы за гигантским

мраморным зданием. При дневном свете я отчетливо вижу обрыв с простирающимся внизу океаном, хотя сейчас это не кажется таким волшебным. Это место все больше напоминает мне Древнюю Грецию. Как будто из всех мест на земле кто-то выбрал именно это для возрождения храма для трех богов.

Приближаясь к «Олимпу», я чувствую себя очень маленькой. Дрожа, я едва ли не разворачиваю машину, но, взяв себя в руки и игнорируя зарождающуюся тревогу, я паркуюсь и выхожу. Я направляюсь к скалам, которые почему-то привлекают мое внимание больше, чем «Олимп». Я не впервые поднимаюсь по ним, и, когда воспоминания начинают мелькать перед глазами, как вспышки фотоаппарата, мне приходится бороться с желанием сбежать отсюда.

Я дохожу до места, где заметила трех богов в прошлый раз и остановилась, сняв туфли. Здесь был ранен тот мужчина. Избегая этого участка, я продолжаю подниматься на холм и добираюсь до ровной площадки на его вершине. Я подхожу почти к краю обрыва высотой в двадцать – тридцать футов^[3] и смотрю вниз, вытягивая шею так далеко, как только осмеливаюсь. Подо мной простирается океан. Его волны гипнотизируют меня, разбиваясь о грубые камни с шумом, похожим на раскаты грома. Всего в двух милях^[4] к северу отсюда начинается длинная полоса пляжей, а на юге расположены леса. Стерлинг Фолс находится будто в собственном маленьком пузыре, окруженный деревьями и водой со всех сторон.

Внезапный порыв ветра отбрасывает меня почти на несколько футов назад, и в мое сердце пробираются щупальца страха. Последнее, что мне нужно, – это упасть в воду, потому что до ближайшего берега ох как далеко. В прошлый раз они легко могли бы привести меня сюда, столкнуть вниз и вернуться к своей жизни.

– Вы напрасно тратите время, – слышу я позади себя женский голос.

Обернувшись, я вижу, что примерно в десяти футах^[5] от меня, скрестив руки на животе, стоит девушка. Темные волосы развеваются вокруг ее угловатого лица. Она похожа на мою ровесницу, возможно, немного старше. Она хмурится, глядя на меня.

– Простите, что? – Я подхожу к ней ближе, отойдя от края обрыва.

– Их здесь нет.

Я снова оглядываюсь на «Олимп», гадая, что правильнее называть «Олимпом» – само мероприятие или место его проведения? Я так этого и не узнала.

– Парней, – нетерпеливо отвечает девушка. – Если ты прыгнешь, это будет напрасно, никто тебя не увидит.

– Кроме вас? – замечаю я, и она улыбается.

– Да, но я не собираюсь прыгать за тобой.

– Я не думала прыгать, – говорю я, засовывая руки в карманы.

– Ты что, дурачишь меня?

– Конечно, я не стала бы прыгать для того, чтобы привлечь внимание «парней», кем бы они ни были.

Кем бы они ни были, когда не притворяются богами.

Я не могу не задаться вопросом, скольким отчаявшимся девушкам она помешала броситься с обрыва и сколько раз она смотрела сложа руки на то, как они умоляют о внимании.

– М-м-м... Ну если ты здесь не для того, чтобы за что-то расплатиться, и не для того, чтобы посмотреть, спасут ли они тебя из воды, тогда зачем ты здесь?

– Мне было любопытно, я хотела осмотреть это место до завтрашнего вечера.

Полуправда, но я останавливаюсь перед ней и поднимаю подбородок, желая, чтобы она мне поверила.

Ее губы на мгновение складываются в тонкую линию, а затем ее лицо снова разглаживается, и она понимающе кивает.

– Прежде чем очарование этим местом овладеет тобой?

– Вот именно.

Она жестом приглашает меня пройтись с ней, но я не могу понять, откуда она взялась, ведь на обширной лужайке нет другой машины, кроме моей. И зачем она вообще сюда пришла? Если только не беспокоилась о прыгающих с обрыва.

– Ночь боев всегда пробуждает в людях кровожадность, которая лишь подогревается тем, что они носят маски. В этом нет ничего магического, но парни усердно создают в головах у людей эту иллюзию. В некотором смысле маски позволяют жителям Стерлинг Фолс быть самими собой.

Я ловлю себя на том, что киваю в такт ее словам, представляя, как это происходит. Конечно, людям нравится, что за этим не стоит

никаких последствий, и они соблюдают полную анонимность. Хотя все это может привести либо к ощущению свободы, либо к безрассудству.

– Вы посещаете эти мероприятия?

Она улыбается, но ее улыбка больше похожа на оскал.

– Иногда, но только если мне выпадает возможность бороться, потому что мне не нравится просто наблюдать.

Я снова смотрю на нее, но на этот раз оценивающим взглядом. Эта девушка выше меня и стройнее, в ней действительно проглядывается определенная беспощадность, так что я легко могу представить ее на ринге избивающей кого-то вдвое крупнее себя.

– А завтра ты будешь сражаться? – спрашиваю я.

– Да, как и Аид. Наконец-то настоящее удовольствие.

Мы проходим мимо входа в «Олимп», одна из массивных дверей которого приоткрыта, но, думаю, мне не удастся заглянуть внутрь.

– Он что, главная достопримечательность «Олимпа»?

– Ох, – она пристально смотрит на меня, а потом смеется. – Мне нравится твоя наивность. Ты была здесь в ночь последнего боя, верно? – она фыркает, глядя на выражение моего лица. – Ой, не смотри на меня так, я всегда могу узнать нового наркомана. Что ж, ожидай завтра удвоение толпы. Я уверена, что уже поползли слухи о том, что Аид решил вступить в бой. Все просто жаждут увидеть его без маски.

– Он не сражается в ней?

Хотя, если другие бойцы надевали обычные черные маски, то почему Аид должен выглядеть как-то по-другому?

Спрашивая это, я думаю о том, что продолжать прикидываться дурочкой не такой уж и плохой план.

– Нет, маска находится в целости и сохранности в его комнате и дожидается окончания боя, – женщина закатывает глаза. – Не поддавайся на эти уловки, хорошо? Ты мне кажешься порядочным человеком.

– Не волнуйся, – усмехаюсь я. – Я вообще сомневаюсь, что задержусь в Стерлинг Фолс до следующего боя.

Я все еще цепляюсь за надежду, что добьюсь успеха и смогу погасить свой долг и уехать из этого проклятого города.

– Ты не останешься? – девушка прищуривает глаза.

– Я не знаю. Я пока еще не приняла решение, я просто здесь учусь.

– Стерлинг Фолс не похож ни на один другой город.

В этом я не могу не согласиться с ней.

– Да, он хорош, – я заставляю себя пожать плечами. – Но, к сожалению, я не могу контролировать некоторые вещи в своей жизни.

Все зависит от завтрашнего вечера. Если у меня все получится, я могу соврать родителям, что мне не понравилась учеба в СФУ и переехать обратно в свою комнату в их доме. Я найду себе работу в Изумрудной Бухте и буду жить дальше, хотя моя жизнь станет немного мрачнее. Потому что, даже если мне удастся погасить свой долг перед Титанами, я не знаю, захочу ли я остаться здесь и посещать занятия. Конечно, я могла бы повторно обратиться за финансовой помощью в виде стипендии следующей осенью и начать все сначала, но это такая огромная головная боль, что я не хочу об этом думать.

– Ты кажешься немного взвинченной, – она приподнимает бровь, молчаливо провоцируя меня не согласиться с ее словами.

Но я не могу этого сделать, ведь я и правда взвинчена.

Мы останавливаемся у машины Марли, и девушка поворачивается ко мне лицом. Наверное, это тонкий намек на то, что мне пора уходить, но я ценю ее доброту и протягиваю руку.

– Спасибо тебе за... за этот разговор.

Она пожимает мою руку и одаривает меня еще одной широкой улыбкой.

– Если тебе когда-нибудь захочется с кем-нибудь поговорить, просто спроси Артемиду. До скорой встречи.

Я киваю, не утруждая себя тем, чтобы уточнить, кого я могу спросить о ней. Полагаю, что я скоро это выясню. Ее имя – это имя еще одной греческой богини, и если бы я не была знакома с этим городом, то подумала бы, что это совпадение, но у нее должна быть какая-то связь с мужчинами «Олимпа».

Я завожу машину Марли, глядя, как Артемида широкими шагами направляется обратно к мраморному зданию. Мгновение я наблюдаю за ней, а затем понимаю, что, даже если сегодня я не смогла зайти внутрь, она дала мне ценную информацию. Аид сражается, и, когда он это делает, он снимает свою маску, чтобы надеть такую же, какую носят избранные. Все, что мне нужно, – это найти его комнату и не попасться. Я посмеиваюсь про себя, хотя бы для того, чтобы не

расплакаться. Я никогда в жизни ничего не крада – и вот пытаюсь разыгрывать из себя криминального гения.

Но что-то подсказывает мне, что все пройдет отнюдь не гладко... совсем.

Глава 4

Кора

Нервничая весь день, я не могла усидеть на месте. Поэтому в моей квартире вы не найдете ни пятнышка. Я отговаривала себя от поездки в «Олимп» больше раз, чем могу сосчитать, но все-таки надела ту маску с цветочками и кружевами и решилась выйти. Когда я садилась в машину к Марли, мне пришлось тесниться с двумя ее подругами, имен которых я не знаю, на заднем сиденье, потому что переднее уже было занято Джанет. Я понимаю, что не принадлежу к этой группе ее друзей, поэтому мне неинтересно знать их имена. Соответственно, я их даже не спрашиваю, хотя подозреваю, что должна бы.

– Так мило с твоей стороны было пойти с Ли, ведь мы были заняты ночью прошлого боя, – говорит мне Джанет.

Другими словами: Марли никогда бы не взяла меня с собой, если бы ее друзья не были заняты. Марли смотрит на меня в зеркало заднего вида, и я заставляю себя улыбнуться ей, ведь она попросила вести себя хорошо. Скорее всего, она просила о том же самом и подруг, но этот маленький подкол перешел все границы. На лице Джанет надета красная маска с рубинами, закрывающая ее лоб и скулы, а ее губы накрашены алой помадой в тон драгоценным камням. Эта красная маска напоминает мне об Аресе.

– Немезида, – говорит она, когда ловит мой пристальный взгляд.

– Извини? – я наклоняю голову.

– Ой, прости, разве ты не знала? Маски и костюмы, в которых люди приходят в «Олимп», подбираются в честь греческих богов. Хотя, конечно, есть и такие маски, которые запрещены, – она постукивает себя по подбородку. – А что означает твоя?

Яжимаю плечами. Джанет определенно нравится выводить меня из себя. У меня возникает непреодолимое желание ее ударить, но это не вписывается в мое обещание вести себя хорошо. К тому же я не люблю насилие, поэтому отвечаю сквозь зубы:

– Без понятия.

Джанет разворачивается на сиденье, и я рада, что мы уже почти на месте. Нам осталось подняться на холм, где нас ждет «Олимп». В этот раз мы паркуемся немного дальше, потому что, кажется, запоздали с прибытием. У двери уже выстроилась длинная очередь.

– А что означает твоя? – спрашиваю я шепотом у Марли по пути в конец очереди.

– Афродита, – отвечает она, убирая ключи в свой маленький клатч. – Легенда гласит, что она родилась в море и добралась до берега в раковине.

Интересно. Я рада, что маска и темнота скрывают мои пылающие щеки. Марли могла бы предупредить меня о том, что все маски были подобраны в честь греческих богов или богинь.

– Джанет нравится Немезида, потому что она олицетворяет праведный гнев, – лучшая подруга берет меня под руку. – Она пойдет на что угодно, лишь бы ее гнев был оправдан. Верно же?

– Верно, – усмехаюсь я.

– Если ты приглядишься, то заметишь много масок в честь одних и тех же богов. Некоторые делают смелый выбор и одевают маски в честь Зевса или Посейдона. Когда я вижу их, то думаю, не пытаются ли эти люди привлечь внимание Аида другим способом, помимо борьбы.

– Давай, Ли, – Джанет зовет нас встать в очередь перед ней.

Ее маска отлично подходит к ее красному облегающему платью.

– Не могу поверить, что ты позволяешь им так себя называть, – морщусь я нос.

– Это произошло прежде, чем я смогла это остановить, – фыркает Марли. – Но меня это не смущает, и, кстати, ты сегодня хорошо выглядишь.

– В моем платье таинственной богини?

Я опускаю взгляд на то же самое платье, в котором я была в прошлый раз. У меня нет других платьев, кроме этого и плохо сидящего на мне черного, но я ни за что на свете не собиралась надевать его и рисковать тем, что Аид меня *узнает*. Особенно после того, что он сказал про то платье. Сегодня я изменила прическу, и теперь завитые локоны волнами падают мне на плечи. На этом мои попытки отличиться закончились. Я еще думала о том, чтобы сменить свое кольцо в носу на что-нибудь другое, но решила этого не делать.

– А где ты купила это? – спрашиваю я Марли, похлопывая себя по маске.

– Я купила ее вместе со своей. Она выглядит невинной и очень тебе подходит.

– Я не невинна, – толкаю я ее локтем.

– Да, это правда, но иногда мне кажется, что ты слишком невинна, – Марли останавливается и берет мои руки в свои. – Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Кора. С тех пор как ты приехала в Стерлинг Фолс, наши отношения изменились, и мне жаль, если я заставила тебя почувствовать себя на обочине.

Я быстро моргаю, чтобы не обронить слезы, которые жгут мне глаза.

– Я... спасибо за то, что тебе не все равно. Для меня это очень много значит. Я была... я не знаю, как это объяснить, но я обещаю, что мы вернемся к нашей привычной жизни.

Очередь движется настолько быстро, что мы уже подходим к двери, и мужчина в маске ворона протягивает нам руку, ожидая платы за вход. Но, глядя на меня, он моргает, а его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу.

– Она тебе не услада для глаз, – говорит Марли, хмуро глядя на него.

– Нет, – он улыбается и наклоняется к ней. – Она определенно не моя услада.

Взгляд Марли не смягчается, и она чопорно протягивает мужчине наличные за вход. Он берет их, проводя пальцем по ее запястью, и она

ахает, быстро отстраняясь. От удивления я приподнимаю брови, и мой взгляд мечется между ними, пока мужчина, не сводя с Марли глаз, машет рукой, чтобы она проходила.

Ты опоздала.

В моей голове раздается мужской голос, но, игнорируя его, я пытаюсь сделать то же самое, что и Марли: быстро заплатить и покончить с этим. Однако мужчина в маске ворона не протягивает ко мне руку.

– Я не приму твоих денег.

– Почему?

В прошлый раз вход для меня был бесплатным, но я подумала, что это одноразовая акция.

– В чем задержка? – спрашивает нас Джанет, стоящая за моей спиной. – Кора, у тебя не хватает наличных?

Я смотрю на маску ворона на лице охранника, которая кажется мне довольно своеобразной. Пурпурно-черные перышки вокруг его глаз такие крошечные, все детали идеальны. Когда мужчина выпрямляется, кажется, что перья сливаются с его черными волосами и колышутся на ветру, а блестящий черный клюв вытягивается вперед, загибаясь книзу и сужаясь в острый кончик.

Это не может быть просто обычной маской.

– Проходи, – говорит он, кивнув головой в сторону двери.

Я складываю купюру, которую протягивала ему, и засовываю в бюстгальтер, надеясь, что он не сможет рассмотреть мой взгляд сквозь кружево и цветы моей маски. Трудно выглядеть крутой или смелой, когда ты вся в цветах.

Игнорируя собственные мысли и шум за спиной, я проскакиваю мимо него и через несколько минут нахожу Марли, стоящую рядом с лестницей.

Как и предсказывала Артемида, сегодня «Олимп» переполнен, и с каждой минутой людей в нем все больше. Марли подпрыгивает на месте от возбуждения, на ее лице сияет широкая улыбка. Маска Афродиты из ракушек отлично сочетается с ее нежно-голубым платьем. Мы с ней выглядим как две белые вороны в море темных тонов.

К сожалению, Джанет и две ее подружки находят нас слишком рано. Подходя ко мне, она сразу начинает тыкать меня в плечо.

– Что, черт возьми, это было?

– Ты о чем? – я отшатываюсь назад.

– Почему он впустил тебя бесплатно? – требует она ответа. – Они никогда так не делают.

Я скрещиваю руки на груди в шоке от ее грубости.

– Возможно, они не делают так для тебя?

И твоего высокомерного отношения.

– Они делают так время от времени, – говорит Марли, смотря на Джанет. – Джанет, почему тебя это так волнует? Не похоже, что у тебя нет денег на вход, ведь трастовый фонд твоего папы покрывает все твои развлечения.

А мои мысли о том, что у меня нет даже пары лишних центов на еду, остались невысказанными.

– Ты слышала, что сегодня сражается Аид? – одна из подруг Джанет подталкивает ее локтем.

Возможно, ее зовут Эрика, но, честно говоря, я не могу точно вспомнить.

– Сегодня будет отличный вечер.

Марли достает из клатча свою маленькую фляжку, и, к моему удивлению, три другие девушки повторяют за ней. Думаю, здесь не очень-то следят за безопасностью, раз такое возможно. Или всем просто насрать, ведь и сами мероприятия в «Олимпе» не совсем легальны.

Достаточно скоро мне кажется, что огромный атриум больше не может вместить в себя людей. Нас с Марли окружают одни незнакомцы, которые кажутся чем-то обеспокоенными или возбужденными. Когда я делаю глубокий вдох, я будто вдыхаю едва уловимый запах пота и предвкушения чего-то масштабного.

Наружные двери с грохотом закрываются, и на ринге вновь появляется Аполлон. Как и в прошлый раз, его грудь обнажена и покрыта узорами из золотой краски, а на его лице маска в виде черепа животного.

– Добро пожаловать в «Олимп», – говорит он. – Сегодня нас ждет особая ночь с особыми бойцами.

Все вокруг издают радостный возглас. Я тоже приоткрыла рот, изображая воодушевление, но с появлением Аполлона в моей груди зародился страх, текущий по венам, будто ледяная вода. Я не могу

просто стоять сложа руки и наблюдать за боями, притворяясь, что все в порядке. Я не могу при этом присутствовать. Сегодня я должна сделать то, чего раньше никогда не пробовала.

– Сегодня вечером у нас пройдет пять боев, – объявляет Аполлон. – Между нашими восемью избранными, один из которых сразится с моей дорогой сестрой Артемидой.

У меня отвисает челюсть от удивления, пока толпа продолжает вопить. Даже Марли и ее друзья кричат и хлопают в ладоши, хотя я сомневаюсь, что они знакомы с этой девушкой. Почему, встретив ее, я не додумалась о том, что она сестра Аполлона? Ведь так сказано в мифах.

Они близнецы?

– Один из избранных храбро бросил вызов самому Аиду, – тон Аполлона стал серьезным, а атриум заполнил гул со свистом.

Я удивленно оглядываюсь по сторонам, не веря в то, что Аид так любим этими людьми.

– Согласен, – усмехается он. – Для тех, кто не знает, меня зовут Аполлон, я ваш ведущий на этот вечер. – Он оглядывает атриум, а затем делает широкий жест руками. – Дверь открыта, друзья мои, скоро увидимся.

Вместо трюка двухнедельной давности с исчезновением, на этот раз он подходит к перилам и перепрыгивает через край ринга, приземлившись на мраморный пол гораздо легче, чем я могла бы себе представить, и быстро проходит через темную арку.

– Пойдем, – говорит Марли, сжимая мою руку.

Сначала я думаю отказаться, ведь, в конце концов, я должна быть внизу, чтобы найти комнату Аида, но потом решаю плыть по течению. Я не смогу ничего сделать просто так, с ходу, и готова поспорить, что Аид будет биться последним. Я смогу украсть маску только в момент его сражения.

Как и в прошлый раз, мы поднимаемся на второй этаж и заходим в одну из лож, занимая места у перил. Держа руки прижатыми к бокам, пока нервы, точно змеи, клубятся в моем животе, я оглядываюсь в поисках выхода, просто на случай, если меня и правда стошнит. Через некоторое время Аполлон снова запрыгивает на платформу, толпа начинает давить со всех сторон, и меня охватывает приступ клаустрофобии. Все это время Марли стояла рядом со мной, но Джанет

сумела незаметно проскользнуть и встать между нами, сбивая меня с толку. За нами стопилось так много людей, что они заглядывают между телами в поисках хоть какого-нибудь проблеска, надеясь увидеть происходящее на ринге. Обстановка на первом этаже еще хуже: толпа ведет себя грубо и борется за места. Они прижимаются так близко к платформе, что, если бы она не была другой высоты, они практически вывалились бы на нее.

Богатые и обычные люди, пришедшие в «Олимп», оказались в одних и тех же условиях. Мы одинаково прячемся за своими масками, подавляя свой страх. Этой ночью правит жажда крови.

Внезапно я чувствую, как мой локоть обхватывает чья-то рука, отгаскивая меня назад. Пробравшись через давящие тела, я чувствую, что снова могу дышать, но мое место у поручней немедленно занимает кто-то другой, будто толпа – это море, которое поглощает цепочку следов человеческих ног.

Обернувшись, чтобы посмотреть, кто же взял меня за локоть, я отшатываюсь назад. Рядом со мной, улыбаясь, стоит Арес. Единственное, что в нем осталось неизменным, – это его маска и красные глаза. В запоздалом шоке я рассматриваю его новый костюм. На нем расстегнутая белая рубашка с воротом, но она вся в крови – будем надеяться, что в фальшивой. Будто он жестоко убил кого-то, а потом пришел сюда. В тусклом свете рубашка кажется темной, на его груди и животе также есть пятна.

Ну, в этом нет ничего необычного, верно? Однажды я уже видела, как они убивали мужчину, и они вполне могут сделать это снова.

Прежде чем я успеваю себя остановить, я протягиваю руку и дотрагиваюсь до одного из темных пятен на ткани. Я почти ожидаю, что мои пальцы попадут во влажное пятно, но они сухие.

– Я надеялся, что увижу тебя снова, – говорит он, слегка улыбаясь, и я оглядываюсь по сторонам.

– Ты пропустишь представление.

Глаза Ареса блестят, и он наклоняется ко мне до тех пор, пока наши лица не оказываются на одном уровне.

– Нет, не пропущу.

Прикусывая губу, я размышляю о том, что в нем есть такого, что вызывает у меня любопытство? Прямо за моей грудной клеткой поселилось невероятное напряжение и отчаянное желание раскрыть

все его секреты. Секреты таинственного Ареса. Конечно, прежде всего мне стоит узнать того, чья маску я намереваюсь своровать. Но эта кража – акт не против Аида, а против их всех. И я хочу знать, что скрывается за этой маской.

– Ты вернулась, чтобы посмотреть на Аида?

– Нет, – я удивленно наклоняю голову. – Это все, о чем ты хотел меня спросить?

Арес выпрямляется во весь рост, и я понимаю, что он выше меня, но его рост меня не пугает. Даже несмотря на то, что в моей памяти еще свежи воспоминания о его руках на моих плечах, а в ушах периодически звучит тот вой, я все равно не боюсь. Просто мне следует быть осторожнее и остерегаться симпатичных мужчин в масках с недобрыми намерениями. Арес – бог войны и кровожадной ярости – берет меня за руку, не спрашивая разрешения, и притягивает к себе.

– Пойдем со мной, маленький цветочек, – его губы касаются моего уха. – Твои друзья даже не заметили твоего исчезновения, и разве в прошлый раз тебе не было веселее со мной, чем с ними?

От его соблазнительно хриплого низкого голоса по рукам бегут мурашки, и я ловлю себя на том, что подхожу к нему еще ближе.

Маска.

– Я хочу увидеть больше, – мои щеки немедленно вспыхивают от заинтересованного выражения его лица. – Больше этого места, я имею в виду.

– Конечно, – ухмыляется он и перекладывает мою ладонь на сгиб своей руки.

Когда мы проходим мимо, люди отступают с нашей дороги. На самом деле им наплевать на меня, но не на него.

Арес не ведет меня вниз, как я себе представляла. Вместо этого мы проходим мимо раздвоенной лестницы, которая спускается в атриум, и он приподнимает веревку, которая преграждает вход в другой зал. Я прохожу вслед за ним, и мы словно оказываемся на запретной стороне. Мое тело охватывает холод, потому что *это* похоже на точку невозврата. Потому что я позволила увести себя в центр «Олимпа».

Мы вдали от толпы, и, в отличие от его почти бесшумных шагов, каблуки моих туфель громко стучат по мраморному полу. Мы

проходим мимо закрытых дверей, но Арес не делает ни малейшей попытки объяснить или рассказать мне, где мы находимся.

Мы подходим к другой, более скромной лестнице, которая изгибается и исчезает из виду наверху. Но прежде чем мы ступаем на нее, Арес отводит меня в сторону и прижимает к стене. Я знаю, что он хочет поцеловать меня, ведь между нами есть притяжение, которое будто проникает под мою кожу, и происходящее доказывает, что он чувствует то же самое. Его тело прижимается к моему, а лицо находится так близко, что я тут же нахожу миллион причин, почему я должна оттолкнуть его прямо сейчас.

Если бы сейчас я была самой собой, его властные действия напугали бы меня.

Но это происходит даже несмотря на то, что я притворяюсь кем-то другим, ведь я не могу стереть свое прошлое. Все тело напрягается, и у меня возникает ощущение, будто страхи проявляются на моей коже, словно шрамы. Я прижимаю руки к окровавленной рубашке Ареса, пытаюсь оттолкнуть его, и он немедленно убирает свои руки и отступает – недалеко, но достаточно для того, чтобы я снова могла дышать.

– Кто-то причинил тебе боль, мой маленький цветочек? – спрашивает он, пристально глядя на меня своими красными глазами.

– Я не хочу говорить об этом, – я заставляю себя улыбнуться и отодвигаюсь в сторону лестницы.

Арес издает низкий горловой звук в знак протеста.

– Я бы сказала, что это было давно, но...

Шесть месяцев я была вдали от Паркера. *Шесть месяцев* я наслаждалась своей свободой, а потом совершила непростительную ошибку, попытавшись попасть в «Олимп», и Аид заставил меня исчезнуть.

Арес изучающе смотрит на меня, и я расправляю плечи, потому что ход моих мыслей меня пугает. Я не могу раскрыть ему все свои карты. На самом деле мне лучше вообще ему ничего не рассказывать.

– Сегодня вечером я не та девушка, разве не в этом привлекательность этого места? Быть кем-то другим?

Арес осторожно кивает и снова предлагает мне свою руку, которую я с радостью принимаю, потому что, кажется, мне начинает нравиться прикасаться к нему.

Он ведет меня вниз по лестнице, и мраморные стены коридоров из светло-золотистых переходят в серебристые с угольными прожилками. Время от времени мы проходим мимо темных ниш, в которых я замечаю какое-то движение. По сторонам коридора на уровне глаз стоят почерневшие канделябры с зажженными свечами. Свечи отбрасывают тени и мерцающие отблески на стены и пол, еще немного освещения добавляют бра, висящие на стене.

Я вдыхаю запах специй, который уже чувствовала, когда пришла сюда в первый раз. Мои нервы на пределе, и чертовы каблук стучат по мрамору все громче при каждом шаге.

Конечно, меня не должно это раздражать, ведь мы не крадемся тайком, но в итоге мне придется красться, и я должна была спланировать предстоящую кражу.

– Куда мы направляемся?

Несмотря на то что я спросила это тихим голосом, мне показалось, что он настолько громкий, что долетает до конца коридора. Я пытаюсь взять себя в руки, когда вижу луну в одной из длинных, узких оконных рам, которые высечены в мраморе с одной стороны зала.

Я поднимаю свой взгляд на сопровождающего меня мужчину, так как не слышу ответа на свой вопрос, но его лицо находится в тени.

– Арес?

Кому я решила довериться в этой темноте?

– Куда...

Я понимаю, что его пристальный взгляд прикован к моему лицу.

– Ты не любишь сюрпризы, – заявляет он, и я морщусь.

Неудивительно, что он улыбается. Он переключается между богом войны и улыбающимся парнем слишком быстро, чтобы я могла за этим уследить, это раздражает меня и выбивает из колеи. Я не должна доверять ему или чувствовать себя рядом с ним спокойно. Я должна быть настороже, быть такой же твердой, как маска на моем лице.

– Хочешь знать, почему я выделил тебя из толпы? – его голос такой низкий, кажется, будто он рассказчик, очаровывающий свою аудиторию. – Из-за отчаяния в твоих глазах, которое я увидел в прошлый раз.

Я вздрагиваю.

– Знаю, – продолжает он. – Считается, что маски скрывают все эмоции, но разве ты не видишь, что они, наоборот, заставляют людей показать свое истинное лицо? Я не осуждаю твое отчаяние, по какой бы причине оно ни возникло. Остальные жаждут того, чего у них нет – либо воли к борьбе, либо мужества, либо экстравагантности «Олимпа», и каждое чертово желание завораживает меня. Я вижу все, что происходит, и принимаю это. Это истинная плата за вход, и оно ценится больше, чем наличные, которые мы собираем.

Черт.

Когда мы останавливаемся в одной из ниш, Арес отпускает мою руку и поворачивается ко мне лицом.

– Ты знаешь, насколько ты очаровательна, таинственная незнакомка? – он поднимает руку и проводит пальцами по моей щеке.

– Я не такая, – усмехаюсь я.

Пальцы Ареса скользят по моей коже, и, когда он проводит вверх по моей руке, кажется, что он так близко от меня, но в то же время так далеко.

– Я хочу прикоснуться к тебе.

После недолгой внутренней борьбы мой мозг проигрывает сердцу, и я бросаю ему вызов:

– Тогда сделай это.

Взгляд Ареса настолько пристальный, словно он пытается заглянуть сквозь мою маску, и я чувствую пьянящую смесь бесстыдства и страха разоблачения. Я понимаю, что красные глаза Ареса всего лишь часть его костюма, но внимание мужчины полностью сосредоточено на мне, а я настолько долго была девушкой-невидимкой, что почти начала привыкать к этому. Я чувствовала, что моя личность будто раздавлена под их ботинками. Использую ли я это прямо сейчас, чтобы подобраться ближе к маске Аида?

Мне нужна эта маска. Но, что бы ни случилось дальше, Арес не позволит мне просто выйти с ней за дверь. Это задача, которую я не смогу решить простым флиртом. И хотя, закрывая глаза, я представляю свирепый взгляд Аида, когда он срывает маску с моего лица, я не думаю, что Арес сделает то же самое.

Как он сказал, маски заставляют людей показать свое истинное лицо.

Меня охватывает беспокойство, а затем его губы касаются моих, причем так мягко, с такой нерешительностью, которую я никак не могу сопоставить с Аресом. Маски должны делать нас смелее, а не более уязвимыми или нежными.

Я удивленно вдыхаю, и дикий запах специй наполняет мой нос.

Арес отступает.

Нет.

Я хватаю его за запястье и кладу его руку себе на шею. От этого контакта по моей коже будто проносятся искры, и я резко втягиваю воздух. Другая моя рука сжимает его рубашку, и я притягиваю Ареса к себе, приподнимаясь на цыпочках. С жаром я припадаю к его губам, и он стонет в ответ, подчиняясь моему желанию и вторгаясь в мое пространство. Я упираюсь спиной в стену, увлекая его за собой. На вкус он как виски, и именно такой вкус я представляю, когда думаю о разрушении.

Арес не убирает руки с моей шеи, но его большой палец потирает мой подбородок, и в груди порхают бабочки. Он продолжает скользить пальцем по моей шее, даже когда отстраняется. Мы тяжело дышим в нескольких дюймах друг от друга, и в этой темноте ко мне начинает медленно возвращаться разум. Я чувствую стыд от того, что на самом деле я нахожусь здесь, чтобы обмануть их, а этот поцелуй сделал ситуацию в сто раз хуже. Мне нужно найти комнату Аида, украсть его маску и убраться к черту из этого города.

Тонкая маска из кружева и цветов – единственное, что скрывает мою личность. Темно-рыжие волосы, как и девушки, с которыми я пришла сюда, не принесут мне пользы, если меня станут искать.

Все это неправильно, меня слишком легко выследить.

Я отодвигаюсь в сторону, и Арес отпускает меня. Но как только я освобождаюсь из его объятий, боль в груди усиливается. *Но почему?* Ведь я видела этого мужчину всего три раза, и он пугает меня больше, чем следовало бы. Почему у меня возникает желание вернуться в его объятия, если это в корне неправильно?

– Сюда, – быстро говорит он, проходя мимо меня, и волшебный миг разрушается.

Я направляюсь вслед за ним по коридору, но мы больше не прикасаемся друг к другу.

Глава 5

Кора

Через открытые двери я мельком вижу бойцов, каждый из которых ожидает начала в отдельной комнате. С противоположной стороны в коридор входит Аполлон, за ним следуют мужчины в масках воронов. Между ними я вижу тело обмякшего бойца, которого они тащат по коридору, подхватив под руки, а его ноги скользят по мрамору.

– Эй, Безумная! – слышу я женский голос и автоматически поворачиваюсь на него, сама не зная почему.

К нам направляется женщина-боец. Ее длинные темные волосы зачесаны назад, часть их заплетена в две косы, обрамляющие лицо, а остальные локоны спадают на спину. На ней спортивный бюстгальтер и шорты коричневого цвета, всего на несколько тонов светлее ее бронзовой кожи, а на шее свободно болтается тканевая темно-коричневая маска.

– Артемида! – приветствую ее я.

Сестра Аполлона. Так странно – я не замечаю их сходства, хотя я никогда не видела его без маски.

– Я так и знала, – улыбается она. – Из-за этих рыжих волос у тебя будут неприятности. Ты не смогла остаться в стороне?

Я пожимаю плечами, хотя она только что подтвердила то, чего я опасалась. Если кто-то захочет меня найти после этого вечера, это будет нетрудно сделать.

– И я уже вижу тебя в бойцовской яме? – присвистывает она. – А ты быстрая.

Я мельком смотрю на Ареса, который увлеченно разговаривает с Аполлоном в дальнем конце коридора, поэтому возвращаю свое внимание к Артемиде. Мне кажется, что в ней бурлит неугомонная энергия, хотя девушка стоит совершенно неподвижно. Я не могу этого объяснить, но я понимаю, что она пытается сдержать свою силу, не тратя ее попусту, потому что собирается высвободить ее в определенный момент.

– Когда ты сражаешься? – спрашиваю я. – И с кем?

– Я могу показать тебе. Хочешь, проведу небольшую экскурсию? Поскольку твой гид, похоже, занят.

– Конечно.

Мы уходим, проскальзывая мимо Ареса и Аполлона, и я замечаю, что рев толпы здесь намного громче, так что, должно быть, мы приближаемся к рингу.

– Аид сейчас здесь, – Артемида указывает на закрытую дверь. – Готовится.

– Что это значит? – спрашиваю я, приподнимая бровь.

– Не знаю. Вероятно, медитирует или занимается чем-то таким же ужасным.

Я смеюсь, потому что, судя по тем эпизодам, когда я встречалась с Аидом, я не могу представить, что это человек, посвятивший себя йоге. Однако есть что-то интригующее в том, чтобы представить, как он выполняет какие-нибудь упражнения на глубокое дыхание.

– Самсон, – внезапно говорит Артемида, указывая на открытую дверь, за которой крупный мужчина с обмотанными бинтами костяшками пальцев колотит боксерскую грушу.

– Он сражается с Аидом, как *Геркулес*.

– Он огромный, – удивляюсь я.

– Ага, – ухмыляется Артемида в ответ.

Мы проходим дальше, и ее шаги замедляются, когда мы приближаемся к открытым двойным дверям в конце коридора. Из них

льется свет и слышны крики из главного зала. Но Артемида указывает на последнюю закрытую дверь.

– Никс. Моя противница, – ее голос становится едва слышен. – Когда она дерется, то становится чертовой сукой.

– Ты сможешь ее победить, – толкаю я Артемиду локтем.

Ее подбородок с гордостью поднимается.

– Я знаю, но она стала одной из любимиц публики не из-за своих слабостей.

Выживают только сильнейшие.

– Вот и ты! – Арес останавливается рядом со мной и, сузив свои красные глаза, исподлобья смотрит на Артемиду. – Ты знаешь правила, Тем.

Она корчит ему рожицу, а потом игриво толкает меня локтем.

– Увидимся, Безумная.

Я хмурюсь, но она не объясняет данное прозвище ни мне, ни Аресу, а потом времени на расспросы не остается, потому что мимо нас проходят два бойца во главе с Аполлоном. Арес берет меня за руку – мы снова прикасаемся друг к другу – и ведет меня вслед за ними.

Один из бойцов останавливается, а другой идет на ринг. После того, как Аполлон представляет его публике, за ним выходит второй. Мы входим в главный зал вслед за ними, и за считанные секунды толпа перекрывает нам обратный путь в коридор. Арес отходит в сторону, давая мне возможность лучше разглядеть бойцовский ринг. Ступеньки, по которым поднимаются бойцы, всего в футах^[6] передо мной, но толпа не сжимает меня со всех сторон, и у меня такое чувство, что я должна благодарить за это Ареса.

Подняв глаза, я встречаюсь взглядом с Аполлоном, который рассматривает меня, и по телу разливается нервозность. Его темные глаза скользят по моим губам, по кольцу в носу, а затем снова по маске. Это продолжается несколько мгновений, а потом он объявляет бой и встает рядом с Аресом. Они почти одного роста, хотя маска Аполлона в виде черепа животного с длинными рогами создает иллюзию того, что он выше. К тому же мне кажется, что он более мускулистый. Золотая краска на его коже блестит в свете ламп, как и капельки пота. Я стараюсь не таращиться на него. Переключая свое внимание на ринг, я заставляю себя наблюдать за боем, потому что во мне развивается паранойя. Меня преследует чувство, будто все вокруг на меня смотрят.

На ринге сражаются двое мужчин, и отсюда я могу видеть вибрацию их кожи и мышц после каждого удара. Когда один из бойцов пропускает сильный удар и кровь брызжет у него изо рта, у меня сбивается дыхание. Он падает на четвереньки и сплевывает кровь, а толпа ликует, сходя с ума. Второй боец прыгает вперед и пинает своего противника, а я заставляю себя держать глаза открытыми, наблюдая за этим варварством. Это своеобразный урок терпения. Мне нужно уметь проглатывать свой ужас. Уметь надевать невидимую маску, скрывающую эмоции, и верить в собственную ложь.

Я оглядываюсь на Ареса и обнаруживаю, что он все это время наблюдает за мной.

– Тебе это противно?

Его вопрос звучит риторически, и я не утруждаю себя ответом.

– Любопытно, – говорит он, напевая что-то себе под нос.

Я же продолжаю страдать, наблюдая сначала за одной битвой, потом за другой.

На четвертый бой выходит Артемида, и люди сходят с ума, когда видят ее. Затем на ринг поднимается Никс, и шум толпы возрастает до оглушительного уровня. Противница Артемиды – полная ее противоположность почти во всех отношениях. В отличие от поджарого тела Артемиды, на котором явно виден рельеф тренированных мышц, Никс более гибкая. Она высокая и худая, а ее иссиня-черные волосы заплетены в косу, которая доходит до середины спины. Под ее сетчатым топом с длинными рукавами виден черный спортивный бюстгальтер, а также татуировки, которые покрывают почти все ее тело, выглядывая из-под черных шорт и рукавов. Это дает ей некоторое преимущество с точки зрения внешности. Ей подходит имя Никс – имя богини ночи. Мне кажется, она могла бы поглотить тьму целиком и даже не заметить этого.

Бойцы кружат друг вокруг друга, пока Артемида не бросается в Никс песком, но та даже не вздрагивает. Она просто кидается вперед и молниеносно атакует. Ну она и быстра. Если я думала, что прошлый бой был скучным, то этот определенно отличается от него. Напряжение нарастает, и на мгновение во всем «Олимпе» воцаряется тишина, которая разрушается после того, как Никс наносит первый удар Артемиде в челюсть. Кто-то дергает меня назад, и я наталкиваюсь

на Ареса, который свирепо смотрит по сторонам, ища моего обидчика. Он выглядит настолько взбешенным, что в горле образуются комки.

Тем временем противники на ринге обмениваются ударами и блоками, то прижимаясь друг к другу на несколько мгновений, то отступая. Внезапно Артемида попадает в горло Никс локтем и, не давая ей никакого шанса прийти в себя или передохнуть, наносит несколько ударов прямо в лицо. Никс падает на спину, поднимая руки, чтобы закрыть его, но Артемида издает дикий звук и продолжает наносить удары по рукам противницы. Каким-то непостижимым образом Никс удаётся сбить Артемиду с ног, и она падает навзничь на песок. Миллисекунду Артемида смотрит вверх, а затем вскакивает и, пошатываясь, отходит от противницы. По лицу Никс струится кровь, она сплевывает, а затем улыбается окровавленной улыбкой Артемиде, которая с осторожностью кружит возле нее.

Это слишком ужасно, и я снова украдкой бросаю взгляд на Аполлона и Ареса. Несмотря на то, что на ринге находится сестра Аполлона, оба наблюдают за происходящим с невозмутимыми лицами.

Я осматриваю толпу, и мой взгляд натывается на один из балконов, где стоит Марли. Рядом с ней Джанет, которая что-то шепчет ей на ухо. Две другие девушки хлопают и подбадривают бойцов, стоя у перил.

Я делаю шаг назад, потом еще один. Арес, видимо, не замечает этого, а если и замечает, то ему все равно. Кто-нибудь обязательно займет мое место, потому что сейчас идет первый из двух боев, которые никто не хочет пропустить, а мне нужно снова стать невидимой. Всего на мгновение.

Прижимая руку к груди, я смотрю на затылок человека, который стоит прямо передо мной. Я сосредоточиваюсь на дыхании. Пять секунд на вдох, одну на задержку, четыре на выдох. Это ни в коем случае не надежная система для успокоения, но периодически она работает. Ведь опасность того, что я собираюсь сделать, все еще висит надо мной, как гильотина. Вокруг меня что-то происходит, и люди начинают подпрыгивать, а я борюсь с очередным желанием заткнуть уши и уйти подальше. Делая несколько шагов назад, я натываюсь на нескольких человек и вижу, как Аполлон запрыгивает на платформу и поднимает в воздух татуированную руку. Руку Никс.

Дело дрянь.

Не позволяя никому дотрагиваться до Артемиды, Аполлон уносит ее с ринга на руках. Никс выходит вслед за ними, а я оказываюсь зажатой между людьми. Толпа остается стоять в предвкушении, ожидая, когда Аполлон вернется.

– Дстойные противники! – говорит он. – Никс – одна из наших лучших бойцов, и она радует нас своим шоу каждый раз, когда участвует в боях. Но сейчас нас ждет главное событие вечера. Вы готовы? – Толпа ревет в знак одобрения и топает ногами.

– Тогда давайте продолжим! – кричит Аполлон. – Представляю вам избранного, который достаточно безумен, чтобы осмелиться сразиться с самим правителем – *Геркулес!*

Я недоверчиво фыркаю, но затем на ринг, пригнувшись, чтобы не удариться головой о дверной косяк, выходит мужчина, которого я видела ранее бьющим боксерскую грушу. Даже в таком пространстве он кажется чудовищных размеров, и вовсе не Геркулес, а одним из монстров, с которыми герою легенд пришлось сражаться. И еще я почти уверена, что Геркулес – персонаж римской мифологии, но, кажется, это никого не волнует.

– А теперь я представляю вам легенду, – продолжает Аполлон, и толпа немедленно замолкает. – Родившуюся прямо здесь, в Стерлинг Фолс. Несмотря ни на что, он выжил, и теперь он тут, чтобы сразиться для вас, жалкие людишки, – Аполлон улыбается, смягчая свое оскорбление. – Наши сотрудники уже проинформировали вас, что делать ставки на Аида запрещено, потому что ублюдок из этого города никогда не проигрывает, но кто знает, может быть, Геркулесу повезет.

У этой толпы явно есть любимчик.

Прежде чем я успеваю хотя бы моргнуть, в атриуме гаснет свет. Ничего не видя, я чувствую, как люди толкают друг друга, и ощущаю себя некомфортно в темноте. Пытаясь вслепую отойти назад, я ощупываю пространство за своей спиной, пока не касаюсь прохладного мрамора. Здесь и раньше были тусклое освещение и мрачная атмосфера, но они словно хотят показать нам, насколько мы будем чувствовать себя потерянными без света. Внезапно вспыхивает один-единственный прожектор, озаряя боевой ринг.

И вот он стоит там, словно иллюзия, созданная для того, чтобы запутать наши умы, как трюк Аполлона с дымом. По моему телу

пробегают мурашки, и я знаю, что я не единственная, кто так реагирует.

Аид движется по рингу, но на его лице нет тканевой маски – всего лишь искусно нарисованный прямо на коже череп. Узоры черной краской начинаются под его челюстью и тянутся вниз по шее. Они выполнены в том же стиле, что и узоры Ареса и Аполлона. Верх его тела обнажен, а на бедрах низко сидят черные джоггеры. Я не могу перестать смотреть на рельеф его мышц, широкие плечи и узкие бедра, которые создают эффект буквы V, исчезающей за поясом брюк.

Я сглатываю.

Походка Аида похожа на движения животного, а его взгляд – это взгляд хищника. Геркулес намного крупнее Аида, но Аид кажется более ловким и проворным.

Аполлон больше ничего не говорит и не произносит никаких объявлений, он просто отходит в сторону с Аресом, а я почти забываю, что я здесь для того, чтобы украсть маску.

Это мгновение моей удачи. Мне нужно выбраться отсюда, пока все отвлеклись. Оглядываясь по сторонам, я замечаю Артемиду, которая стоит, прислонившись к стене, с пакетом льда у лица. Раз она держится на своих ногах, это уже что-то значит, верно? Да, Никс одержала сегодня победу, такое случается, но здесь нет ничего непоправимого.

Подсовывая палец под кожаный браслет, я непроизвольно сжимаю клеймо, и меня переполняет отвращение к собственному телу. Я быстро отбрасываю все мысли прочь, проскальзывая к двери, а затем выходя в коридор.

– Эй! – окликает меня мужской голос.

От неожиданности я подпрыгиваю.

– Ты пропустишь бой, – подходит ко мне один из прежних бойцов.

– Я уйду по поручению Ареса, – я заставляю себя нахмуриться. – Ты же знаешь, каким он бывает.

– Облом, – смеется мужчина. – Поторопись. Аиду нравится немного поиграть с ними, а ты можешь пропустить все веселье.

Он проходит мимо меня, а я стремглав уйду прочь, прижимаясь к стене, хотя вряд ли это спасет, если меня снова застукают. Одна выдуманная ложь долго не продержится.

Я останавливаюсь перед закрытой дверью, почти уверенная, что эта комната Аида, и дергаю дверную ручку, которая чудесным образом плавно открывается. Переступив порог на цыпочках, я оглядываюсь по сторонам. Здесь не так уж много вещей, с помощью которых его комнату можно было бы отличить от комнаты другого бойца.

Стены сделаны из мраморных блоков, на них висят светящиеся бра. У стены стоит мебель: кресло для отдыха, обтянутое черным бархатом, черный кожаный диван с тремя подушками, а в стороне – стол и стулья. В комнате также два окна из матового стекла.

Но я нигде не вижу маски.

Осторожно закрыв за собой дверь, я отваживаюсь пройти дальше, потому что у меня нет выбора. Увидев еще одну дверь, я направляюсь к ней и обнаруживаю, что она ведет в большую ванную комнату, в которой на столешнице лежит искомая маска-череп. Черные металлические рожки загибаются вверх, но они короче, чем казались мне прошлой ночью, и острее. Кость, из которой сделана маска, гладкая, в ней просверлены отверстия, позволяющие продеть по краям черные ленты и закрепить маску на лице.

Все оказалось намного легче, чем я ожидала, и я оглядываюсь по сторонам, убеждаясь в том, что комната по-прежнему пуста. Я приподнимаю край своего платья и привязываю маску к бедру так, чтобы череп был обращен в сторону, а затем опускаю ткань, которая едва скрывает маску. Рога загибаются назад и прижимаются к моей коже, но с этим я вполне могу справиться. Моя юбка достаточно объемная, и маска под ней практически незаметна, но я все равно боюсь, что ее увидят. Подавляя свой страх, я спешу к двери, а затем выскальзываю в коридор, надеясь, что меня никто не обнаружит. Прерывисто дыша, я продолжаю идти по коридору к лестнице, по которой мы спускались с Аресом, только вот я ее не нахожу. Дойдя до конца коридора, я медленно оборачиваюсь.

Неужели я ее пропустила?

Я возвращаюсь назад, а мой пульс неуклонно набирает скорость. В этой части «Олимпа» темно, бра не горят, а стены покрыты тенями. Но здесь точно была лестница, которой больше нет. Конечно, я могу вернуться через главный зал, но проталкиваться сквозь толпу кажется мне рискованным занятием. Я не могу понять, как лестница могла

просто исчезнуть, и на всякий случай открываю несколько дверей, мимо которых прохожу. Это комнаты бойцов, и они пусты.

Черт.

В нерешительности я возвращаюсь в главный зал, где толпа все еще окружена темнотой и свет от прожектора падает на ринг, на котором в центре внимания находятся Аид и его противник. Совершенно очевидно, что бой приближается к концу. Геркулес покачивается на ногах, и его удары становятся очень небрежны. Как сказал мне тот парень, Аиду нравится играть со своими соперниками, и теперь я это ясно вижу. Он кружит, обходя Геркулеса, даже не вспотев. На нем нет ни царапины. Я начинаю пробираться сквозь толпу, осторожно расталкивая людей, но затем слышу грохот, и волна из людей подхватывает меня и несет вперед.

На бойцовском ринге лежит гигант. Аид свирепо смотрит на него сверху вниз, а затем его взгляд скользит по скандирующей толпе. Я прячусь за высокую женщину, ища открытый дверной проем. Отчаяние будто взяло мои легкие в заложники, ведь теперь, когда бой окончен, они обязательно пойдут в моем направлении. Наконец мне удается вырваться в темный коридор и сделать глубокий вдох. Тело сводит от нервного напряжения, и я знаю, что не должна излишне на что-то надеяться, пока не окажусь далеко от этого места или, еще лучше, пока не передам маску Кроносу и не погашу свой долг.

Когда я достигаю атриума, то вижу, что он пуст. На страже не стоит ни одного человека в маске ворона, а также нет ни одного гостя. Я чуть ли не спотыкаюсь о собственные ноги, спеша к двери.

Она гигантских размеров, но я ожидаю, что она... не знаю.
Откроется.

Но этого не происходит. Я толкаю ее изо всех сил, навалившись всем своим весом, а потом отступаю назад и смотрю на изогнутый венчик из листьев в греческом стиле.

Ты опоздала.

В этот странный момент я будто могу увидеть отсюда события четырехмесячной давности и человека в маске кабана, предупреждающего меня об опоздании.

Низкий вой прорезает воздух, и моя кровь превращается в лед, а волосы на затылке встают дыбом. Я поворачиваюсь лицом к Аполлону. Он выходит из коридора рядом с лестницей, из того самого, из

которого только что вышла я. Взгляд его темных глаз останавливается на мне и пронзает насквозь. У меня возникает ощущение, что я могу рассыпаться на части под его пристальным взглядом.

– Уже уходишь?

Я расправляю плечи и стараюсь вести себя спокойно. У меня были месяцы, чтобы выработать безразличие к Кроносу, но теперь все зависит от моей актерской игры.

– Чрезвычайное происшествие, семейные дела.

– Да ладно? – он склоняет голову набок. – Происшествие какого рода?

– Наверное, кровавого, – говорит Арес, который спускается сверху, медленно направляясь к нам.

Последний раз я видела его на первом этаже, как он оказался наверху?

– Нет, они...

– Они – кто? – к нам присоединяется третий голос, и из тени выходит Аид.

Я ненадолго задумываюсь, закрыв глаза на то, что это последний гвоздь в крышку моего гроба – быть пойманной так близко к выходу и сразу всеми тремя.

В Стерлинг Фолс Коры Синклер больше не существует.

Аид останавливается прямо передо мной, и я могу видеть, что краска на его лице потекла от пота, а губа разбита. Наверное, я пропустила эту часть и не заметила, когда вернулась к рингу. Удивительно, что Геркулес вообще смог нанести ему удар, учитывая шумиху вокруг Аида и его боевых способностей. Возможно, они просто были раздуты, но вблизи это тот же самый человек, который разрушил мое будущее. Даже если на нем другая маска. У него тот же рост, тот же голос, тот же сердитый взгляд.

Я отодвигаюсь назад, и мои лопатки ударяются о резную дверь, а Аид смотрит на Ареса.

Три бога и я. Кто я для них?

Аид кивает головой, и Арес покидает нас. Из них троих я считала Ареса самым... не знаю, добрым. Раньше он обращался со мной довольно-таки нежно, хотя с моей стороны смешно думать, что он был милым.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Конечно, мой вопрос – это ложная бравада, которую я надела на себя, как броню.

Аид усмехается и, положив руку на мою ключицу, мягко толкает меня, прижимая к двери. И хотя мне не нужен еще стимул, чтобы бояться его, прикосновение Аида наполняет меня новым страхом. Я ерзаю в тишине, готовясь к тому, что сейчас произойдет что-то ужасное, но тут возвращается Арес, волоча за собой бойца, которого я встретила в коридоре. Схватив бойца сзади за шею, он швыряет его на пол к нашим ногам.

– Это она? – спрашивает Аид, растягивая слова.

– Д-да... – заикается тот, пытаюсь встать.

– Повтори, что она сказала?

– Она сказала, что уходит по поручению Ареса, и это мне показалось подозрительным, учитывая, что она так одета, находясь в секции бойцов, – он указывает на мое платье.

Я снова закрываю глаза, потому что *блин*, сколько раз из-за своей лжи я оказывалась в полной заднице, но я уверена, что хуже, чем сейчас, быть не может.

Аид смеется, и его смех холодный, точь-в-точь как у Кроноса.

Я должна была догадаться, что из-за этого ужасного плана меня поймают, но сейчас я уже ничего не могу с этим поделать. Кроме как принять наказание и надеяться, что меня не убьют.

– Ты хотела ограбить нас в нашем собственном доме?

Я открываю глаза. Часть меня знает, что грядет, но я отказываюсь отвечать. Я сомневаюсь, что они придерживаются презумпции невиновности. Ничего из того, что я могу сказать, мне уже не поможет, особенно если они поднимут юбку моего платья.

Взгляд Аида наполняет неподдельное любопытство, и он осматривает меня сверху вниз.

– Что это было? – спрашиваю я и поджимаю губы.

Он хихикает и, качая головой, поворачивается к Аполлону.

– Держи ее.

С моих губ срывается лишь писк, когда Аполлон делает шаг вперед, но Арес преграждает ему путь.

Мое сердце колотится громче, пульс отдается грохотом в ушах.

– Просто скажи ему, – говорит Арес, пристально смотря на меня, будто пытаюсь донести какую-то мысль, например: *если ты не*

подчинишься – я не буду нести ответственность за их дальнейшие действия.

Он раскусил меня за считанные секунды и отступил, когда я испугалась, но моя интуиция подсказывает мне, что Аид не будет так благосклонен к моему ужасу. Я тереблю пальцами подол своего платья и медленно приподнимаю его. Я ненавижу сдаваться, и часть меня все еще хочет продолжать прикидываться дурочкой, но это так наивно, и эти парни никогда бы не позволили мне уйти отсюда, по крайней мере, не обыскав меня.

Как только я поднимаю подол платья достаточно высоко, чтобы из-под него показалась маска, рука Аида обхватывает мое горло и сжимает его. Он прижимает меня к стене, не давая вдохнуть, и меня охватывает паника. Я царапаю его запястье и предплечье, пытаюсь освободиться. Может, он и не пытается убить меня, но я не могу дышать. Внезапно мне кажется, что передо мной стоит не Аид, а мой бывший парень. Он смотрит на меня сверху вниз и сдавливая мне горло, желая, чтобы я потеряла сознание. Стараясь не показывать свой испуг, я смотрю в его голубые глаза, похожие на лед, они напоминают мне о холодной воде или утоплении.

– Она... – Арес делает шаг вперед.

Я не могу дышать и пытаюсь предупредить об этом незнакомца с лицом моего бывшего, но не могу издать ни звука. Он не понимает собственной силы, а мне не привыкать падать в обморок, который приближается ко мне, как океан, устремляющийся к песку. Мои уши будто бы заполняет шум воды, пока я не перестану концентрироваться ни на чем другом, кроме давления на мое горло.

Мой рот открывается и закрывается снова и снова, а комната перед глазами вращается. Затем мое зрение гаснет, как задутая свеча.

Глава 6

Кора

В сложных ситуациях я всегда обдумываю худший сценарий развития событий. Размышления о худшем помогают подготовке и выстраиванию общего реалистичного, даже склонного к оптимизму, взгляда. Я знаю, кто-то может подумать – как можно размышлять о худшем и при этом быть оптимистом? Но я считаю, что даже если у вас все плохо, все равно есть немалый шанс разрешить ситуацию в свою пользу. Поэтому, придя в себя, я не сразу открываю глаза, а лежу и обдумываю варианты.

Вариант первый: я все еще в «Олимпе», и они заставят меня бороться за свою свободу. Это было бы отстойно, ведь я отнюдь не боец.

Вариант второй: я не в «Олимпе», они обнаружили мое клеймо и, собрав пазл, планируют немного позабавиться, оставив меня у порога Титанов. Хотя это было бы самой легкой формой наказания.

Вариант третий: возможно, я вообще не очнусь, потому что Аид утащил меня в ад.

Хотя третий вариант определенно исключается, потому что я могу приоткрыть глаза. Из всех сил я пытаюсь определить, где нахожусь. Я лежу на кровати, а подо мной расстелены стеганое одеяло и плед, которые кажутся очень дорогими, а еще мягкими на ощупь, как облака.

Матрас на полу в моей квартире не идет ни в какое сравнение с этим ложем. Более того, сейчас я одна и, осознав это, я сажусь на кровати и усиленно моргаю, пока комната перед моими глазами не прекращает наклоняться.

Насколько сильно я ударилась головой?

Неужели они позволили Аиду расправиться со мной? Вздрагивая, я выкидываю это предположение из своих мыслей. Мне нужно быть хладнокровной и придумать путь к отступлению.

Осматриваясь вокруг, я вижу темно-синие стены, белый ковер, положенный по диагонали на деревянный пол, черную лампу и серый комод, все его ящики закрыты. Здесь слишком аккуратно, но это явно мужская комната. Хоть обставлена она дорого и со вкусом, но даже белое одеяло на кровати кажется опасным.

Когда я осматриваю свое тело, меня захлестывает волна благодарности за то, что я все еще в платье. Я провожу по нему руками, одергивая юбку вниз, однако благодарность довольно быстро рассеивается, когда я понимаю, что мои туфли и маска исчезли. Мои волосы распущены, и пряди волнами падают мне на плечи. Я провожу по ним пальцами, а затем дотрагиваюсь до кольца в носу. Следующее, о чем я думаю, – это горло. Решив проверить свое состояние после удушения, я сглатываю слюну, но глотаю я легко, и горло даже не болит.

Хорошо, сосредоточься, Кора.

Дверь распахивается, и из дверного проема на меня смотрит мужчина с темными глазами. Я не уверена, откуда я знаю, кто он, но, возможно, из-за его карих глаз и теплого оттенка кожи, которому так идут золотые узоры, я решаю, что это Аполлон. Назовите это интуицией.

Я не знаю, какое лицо я ожидала увидеть под его маской, но реальность превзошла мои ожидания, потому что он *красив*. У Аполлона короткие черные волосы, высокие скулы и полные губы, которые скрывала маска, как и слегка отросшую темную щетину на подбородке.

Делая глубокий вдох, я отодвигаюсь назад, пока мои плечи не упрутся в спинку кровати, потому что я не знаю, как реагировать на его появление. В моем сознании внезапно вспыхивает противоречие между его лицом и маской в виде черепа оленя.

– Суп? – спрашивает он, протягивая миску.

– Что?

Войдя в комнату, он закрывает дверь ногой.

– Когда случалось что-то плохое, моя мама всегда приносила нам в постель суп. Вот такая утешительная и вкусная еда.

Отодвинув мою ногу в сторону, он садится на край кровати, а затем практически всовывает мне в руки теплую миску супа. Я аккуратно беру ее за края, чтобы не расплескать, не переставая пристально смотреть на мужчину.

– Аполлон?

– Ты угадала, – гордо отвечает он.

– Это твое настоящее имя?

– Да, – улыбается он.

– Артемида – твоя сестра? И ее имя тоже настоящее? – я хмурюсь. – Где я нахожусь?

– Так много вопросов, – в его голосе появляются нотки серьезности.

Аполлон смотрит будто сквозь меня. Так же, как и когда он нашел меня в толпе в «Олимпе», или когда они поймали меня с поличным, с маской Аида на бедре. Его взгляд выбивает из колеи, разрывая на части, но я пытаюсь его игнорировать и поднимаю подбородок.

Внезапно настроение Аполлона меняется, и серьезность в голосе улетучивается.

– Давай заключим сделку? – ухмыляется он. – Если ты доешь этот суп, я отвечу на три твоих вопроса.

– Шесть, – возражаю я.

Я рискую посмотреть на миску, потому что вдруг в ней окажется гороховый суп, который я просто ненавижу? Хотя я, наверное, все равно съела бы его, чтобы получить хоть какие-то ответы. К тому же мой желудок сводит при мысли о еде. К счастью, в миске оказывается не гороховый суп, а томатный – один из моих любимых. Не такая уж ужасная сделка, но поторговаться стоит.

– Три, – непреклонно говорит он.

– Пять.

– Может, вообще ни одного? – Аполлон приподнимает бровь, и я свирепо смотрю на него в ответ.

Полагаю, я не в том положении, чтобы пялиться на него, но они же меня похитили, и мне позволено раздражаться. К тому же я действительно хочу получить хоть какие-то ответы, так что...

– Ладно, – выдавливаю я.

Аполлон ждет, многозначительно уставившись на миску, пока я не подношу ее ко рту. Он не дал мне ложки, но я не собираюсь превращаться в дикарку и есть руками. Я делаю глоток, и божественный вкус томатов взрывается у меня на языке. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не застонать. Последний раз я полноценно обедала в столовой СФУ вместе с Марли, и кажется, это было не вчера днем, а целую вечность назад.

Пока я допиваю суп, Аполлон пристально наблюдает за мной. Он не прикасается ко мне, но я практически кожей чувствую его заинтересованность. Конечно, я ему любопытна. Я та, кто украл маску Аида без всякой видимой на то причины.

От этой мысли у меня сводит живот.

Я потерпела неудачу.

Ставя миску на колени, я вытираю рот, чтобы скрыть дрожь.

Я так облажалась.

Сейчас все даже хуже, чем три месяца назад, когда они резко перевернули мою жизнь с ног на голову.

Я могу гарантировать, что Кронос взыщет долг с моего тела.

Аполлон подтягивает миску к себе, чтобы посмотреть, сколько супа в ней осталось, а затем цокает языком.

– Ты не особо старалась.

Я глубоко вдыхаю и двумя глотками допиваю остатки супа, а затем, показав ему пустую миску, откидываю голову назад. Я не доверяю этому мужчине, но почему-то мысли о бегстве вызывают у меня еще большую тошноту.

– Где я?

– В нашем доме, – улыбается Аполлон.

– И что со мной будет?

– Ты ждешь своего суда.

Черт возьми, этот день выдался просто на славу.

– Это не один из моих трех вопросов, – предупреждаю я, смеясь. – Но ты можешь не говорить загадками?

Его улыбка становится шире, превращаясь практически в оскал.

– Мы не забываем лиц, Кора Синклер, даже если кто-то пытается поменять внешность, – он встает с кровати и забирает миску. – И не тебе решать, как я буду с тобой общаться. Мне нравятся загадки и нравится твой растерянный хмурый вид, когда сказанное не сразу приобретает для тебя смысл.

Он знает мое имя, и, конечно, рыжий цвет волос совершенно не изменил мою внешность. На самом деле этот оттенок мог усугубить ситуацию. Ведь я не могла сказать Аполлону, что это мой естественный цвет волос. Несмотря на то, что рыжий близок к моему натуральному, краска из коробки все же нанесла моим волосам некоторый ущерб, да и протестовать против слов этого парня не стоит.

– Пойдем со мной, – кивает Аполлон в сторону двери.

Я осторожно выбираюсь из постели, и мне требуется некоторое время, чтобы восстановить равновесие, потому что мои колени стучат друг о друга, а лицо пылает жаром. Аполлон с невозмутимым выражением ждет, пока мое состояние нормализуется.

– Это твоя комната? – спрашиваю я, но, не дождавшись ответа, выхожу вслед за ним.

Что еще я могу сделать?

На Аполлоне серая футболка, а его темные волосы влажные. Я должна была заметить это, когда он только вошел. Но теперь, когда у меня есть возможность смотреть на его спину, пока он ведет меня по широкому коридору, я вижу за его ухом немного золотой краски, которую он пропустил, когда мылся. Я невольно улыбаюсь абсурдности ситуации.

– Не-а, – все-таки отвечает он.

Я замолкаю, не зная, что еще спросить. Я до сих пор даже не знаю настоящих имен Аида или Ареса, моего красноглазого демона.

Тем временем мы подходим к широкой лестнице и идем по ней вниз, а ковровая дорожка кремового цвета смягчает звук наших шагов. Мы спускаемся в парадный холл, и справа от двойных входных дверей я замечаю гостиную, но мы направляемся в противоположную сторону. Мои глаза внимательно осматривают этот огромный дом, который слишком велик для троих парней. Когда мы проходим мимо кухни, у меня создается впечатление, что эта часть дома, кажется, полностью состоит из окон.

Наконец мы проходим по длинному коридору и заходим в комнату, в центре которой останавливается Аполлон. Я в нерешительности встаю рядом с ним. Мужчины, которых я так боюсь, находятся здесь. Один из них встает, когда видит меня, а другой откидывается в кресле, положив ноги на мягкую банкетку. Когда тот, что встал, смотрит на меня, мои плечи автоматически приподнимаются в целях самозащиты, ведь глаза выдают его с головой – они голубые и леденяще холодные.

Аид, каким бы ни было его настоящее имя, смыл со своего лица нарисованную маску в виде черепа и сейчас он такой же, каким я помнила его в своих кошмарах. Во всяком случае, энергия от него исходит абсолютно та же – властная и грубая. Я представляю, как он отдает приказ, когда наступает мой так называемый суд, и все, что он говорит, – закон. При этом у него светло-каштановые волосы, и без маски-черепа его лицо так же потрясающе красиво, как и тело. Это нечестно! Такой злой человек, как он, не должен быть таким красивым.

Пока я сетую на красоту Аида, с кресла встает Арес. Подойдя ближе, он останавливается в нескольких футах от меня.

Он пристально осматривает меня с головы до ног, а когда его взгляд встречается с моим, он на миг смягчается, однако я даже не успеваю зацепиться за это мгновение. Раз – и его взгляд снова становится холодным, только вот цвет его глаз больше не красный, а ярко-зеленый.

И я поцеловала его?

Он мне не пара, причем совершенно. Я должна была догадаться об этом, как только увидела его пресс и чертовски привлекательное лицо.

Переведя взгляд с лица Ареса, я осматриваю большую комнату, в которой оказалась. Она кажется вполне обжитой, в отличие от других.

Мы зашли сюда через застекленные двери во французском стиле. Эта комната не уступает парадному холлу в количестве окон, а ее стены выкрашены в черный цвет. Здесь есть даже долбаная винтовая лестница, которая ведет в заставленный книжными шкафами коридор. Комнату опоясывают ряды книжных стеллажей и полок, хотя они не заполнены книгами. Такое ощущение, будто этот дом был куплен как есть у риелтора, или они наняли дизайнера по интерьеру, но им было

все равно, что ставить на полки. В центре комнаты на кремовом ковре стоит красный диван, рядом с ним – еще одно кресло, обращенное к огромному телевизору, висящему на стене. Справа от нас с Аполлоном находится дверной проем, который, по всей видимости, ведет в кабинет.

– Ну? – наконец нарушает тишину Аид, подходящий ближе.

– Что ну? – спрашиваю я, прежде чем подумать о том, что мне бы стоило хранить молчание.

Они знают, кто я, а я все еще нахожусь в неведении относительно того, кто они. Мне начинает казаться, что у этого города есть секреты, о которых я и не подозревала последние три с половиной месяца, и только сейчас начала приоткрывать занавес тайны, не обнаруживая там ничего хорошего.

– Итак, ты выжила, – говорит Аид, и я пожимаю плечами.

Что я могу на это сказать? Я пережила многое.

– Скажи мне, Кора Синклер, почему ты так сильно хотела вот это?

Он берет с подлокотника кресла маску-череп и бросает ее мне.

Я автоматически ловлю маску, едва не потеряв равновесие.

– Я...

Насколько я понимаю, моя истинная цель сотрудничества с Титанами до сих пор остается тайной. Кожаный браслет надежно закреплен на моем запястье, хотя нет никакой гарантии, что они поняли бы, что это за клеймо, если бы увидели его.

Я могу солгать, и, возможно, они меня отпустят.

– Это был вызов.

Что, строго говоря, не является ложью.

– А можно поконкретнее? – спрашивает Аид, поднимая брови.

Внезапно у меня пересыхает горло, и я слышу, как где-то позади меня Аполлон и Арес меняются местами. Я снова чувствую себя пойманной в ловушку. Удушающее чувство с ревом возвращается, и я постукиваю пальцами по бедру, считая свои вдохи, но это не работает. Я отодвигаюсь в сторону, пытаюсь держать их обоих в поле зрения, и сосредоточиваюсь на маске в руке.

– Ну, украсть что-нибудь из «Олимпа», – говорю я первое, что приходит мне в голову. – Самый креативный побеждает.

Аид неторопливо подходит ко мне, а я отступаю назад, пока не наткнулась на стену. Но он не прикасается ко мне, а просто берет маску

из рук и подносит ее к своему лицу. Его голубые глаза встречается с моими, и я не знаю, какой эффект он хотел произвести, но у меня перехватывает дыхание.

– У нас никто не ворует, – его голос смертельно тих.

Он бросает маску на одну из полок.

– Ты знаешь, какова цена за это деяние?

Я поджимаю губы и качаю головой. Какова бы ни была цена – я не смогу заплатить.

– Ты! – говорит он, и боковым зрением я замечаю какое-то движение.

– В смысле я? – Я напускаю на себя ложную браваду и каким-то образом остаюсь невозмутимой. – Это же просто маска.

Он усмехается, и я могу себе представить, о чем он думает: *бедная маленькая девочка ни хрена не понимает.*

И я действительно не понимаю. Я не знаю, почему эта маска может погасить мой долг. Я не знаю, что она символизирует и кто этот парень, стоящий передо мной. Я знаю только то, что видела, как они зарезали человека. Он без всяких угрызений совести гнался за мной по лесу, а потом просто стер меня из Стерлинг Фолс.

– Когда бойцы побеждают на ринге, им положен выигрыш, но этот раунд выиграли *мы*, солнышко, а это значит, что ты у нас в долгу.

– Я? В долгу? – уточняю я.

– Вот именно, – он снова поднимает на меня взгляд. – Уведите ее отсюда.

Не став ждать, когда меня начнут избивать, я разворачиваюсь и выхожу тем же путем, которым мы пришли сюда с Аполлоном.

– Гараж в этой стороне.

Я останавливаюсь, не дойдя до парадных дверей, слыша голос Ареса, кем бы он, черт возьми, ни был. Его взгляд снова смягчился – значит, это не мое воображение.

– Давай я отвезу тебя домой, Кора, – вздыхает он. – Иначе это будет очень долгая прогулка.

– Просто отвези меня в кампус СФУ, – у меня уже болят ноги, когда я представляю обратную дорогу в свою квартиру, но моя гордость не приемлет ничего другого.

Арес кивает, и я направляюсь следом за ним в гараж, заполненный машинами. Наверное, это не должно вызывать у меня удивление, но я

удивлена. Весь их дом выглядит очень современно, но некоторые модели машин, стоящие у дальней стены гаража, кажутся старыми. Видимо, они их коллекционируют. Я смотрю на мотоциклы, а затем на черный «мерседес», рядом с которым останавливается Арес.

Он открывает пассажирскую дверь и кладет руку на крышу.

– Машина тебя не укусит.

– А ты?

– Только если тебе это нравится, – ухмыляется он.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я после некоторого колебания.

– Аполлон тебе не сказал?

Я качаю головой.

– Вульф Джеймс, – он протягивает руку, и несколько секунд я просто смотрю на нее. Потом его прохладная ладонь скользит по моей горячей.

Его пальцы крепко и уверенно держат мою руку, а затем, прежде чем отпустить ее, он слегка сжимает мою ладонь.

– А я...

– Я знаю, кто ты. Садись в машину, Кора, – он наклоняет голову в сторону открытой дверцы автомобиля.

Морщась, я сажусь на пассажирское сиденье.

Машина напичкана высокотехнологичной электроникой, а салон отделан черной кожей. Конечно, это намного круче, чем ржавое ведро, на котором я ездила в старших классах. Если бы моя машина окончательно не сломалась в начале лета, я бы, наверное, ездила на ней до сих пор. Вульф поворачивает ключ зажигания, и двигатель «мерседеса» оживает. Дверь гаража открывается, и, когда мы выезжаем, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на дом.

У меня отвисает челюсть. Это вовсе не простой дом, и я знала это, когда проходила через все эти коридоры, но видеть его изнутри и снаружи – две большие разницы.

– Впечатляет, правда?

Я думаю, что Аполлон провел мне экскурсию лишь по маленькой части их жилища. В том смысле, что, должно быть, там живет еще кто-то, кроме этих троих, ведь это гребаный гигантский особняк. И он больше любого особняка, который я когда-либо видела, а, возможно, самый большой во всем городе. Четыре колонны перед входом

напоминают мне «Олимп», как и цветовая гамма внутри – серебристый и темно-серый цвета с белыми и золотыми акцентами.

Мы выезжаем из гаража на дорогу, обрамленную живой изгородью. Я вижу, что главная подъездная дорожка раздваивается и огибает фасад здания, заканчиваясь круглой площадкой.

– Как «Олимп» приносит такие деньги?

Могу себе представить выражение ужаса на лице моей матери, если бы она узнала, что я размышляю о том, как эти ребята смогли позволить себе такой огромный дом.

Да ладно тебе, в Стерлинг Фолс ни за что не приобретешь такую недвижимость, не потянув за какие-нибудь серьезные ниточки.

– У нас есть связи.

Арес нажимает на кнопку пульта дистанционного управления, и створки ворот задвигаются в живую изгородь. Он не отвечает на мой вопрос, что доказывает мою правоту. Как только ворота открываются, Арес сворачивает на главную дорогу.

Видимо, я должна сделать свои собственные выводы, и чем больше я об этом думаю, тем сильнее у меня сжимается желудок.

Как, черт возьми, я могла забыть?

Как позволила гламуру «Олимпа», маскам и псевдонимам затмить то, что они сделали со мной? Конечно, они могущественны. Аид просто щелкнул пальцами, и я лишилась не только стипендии, но и своего будущего.

Упрямая Кора.

Мне следовало вернуться домой, когда у меня была такая возможность. Краем глаза я смотрю на Вульфа. Он тоже не невинен, черт возьми.

Мои щеки горят, когда я вспоминаю наш поцелуй. Зная то, что он один из них, я все равно сделала это. При этих мыслях грудь наполняет боль, и я впиваюсь ногтями в свои голые бедра, стараясь запомнить это чувство.

– Что ты изучаешь? – внезапно спрашивает Вульф, и я смотрю на него с немым удивлением на лице.

Несколько секунд спустя он снова сосредоточивается на дороге.

– Это что, такой странный вопрос? Удовлетвори мое любопытство.

– Что ж, мне тоже любопытно, какого черта вы трое стерли в порошок мою жизнь. И я сомневаюсь, что кто-то из нас уйдет удовлетворенным после этого светского разговора.

Я скрещиваю руки на груди, наслаждаясь работающим на полную мощность кондиционером, охлаждающим мою кожу.

– Я бы ничего так не хотел, как удовлетворить тебя, – голос Вульфа чертовски соблазнительный, он низкий и хрипловатый, как тогда в темноте. – Но ты права, я не буду отвечать.

Мы добираемся до СФУ за рекордно короткое время, и я буквально выпрыгиваю из машины, едва она останавливается. Но жужжащий звук опускающегося стекла за моей спиной заставляет меня замереть.

– Кора! – зовет Вульф. – Не думай, что ты сможешь так легко отделаться. Тебе предоставили лишь временную отсрочку.

Отсрочку от чего?

Я прикусываю губу и спешу убраться подальше от Вульфа. Думаю, я узнаю, что он имеет в виду, только когда, черт возьми, он сам этого захочет.

Ну а до тех пор... Как обычно, меня оставили в неведении.

Глава 7

Кора

В течение следующих четырех дней я, слава богу, не столкнулась ни с Титанами, ни с Вульфом, ни Аполлоном, ни с самим Аидом. Конечно, эта отсрочка была мне только на руку, но я подозреваю, что Кронос уже должен был узнать, что я провалила его задание. Хотя он должен был понимать заранее, что у меня не было ни малейшего шанса украсть маску. Сейчас я думаю, что, вполне возможно, это задание было просто хитрой уловкой Кроноса, и маска ему не нужна. И теперь он так же, как и я, считает дни до нашей встречи. И я могу гарантировать, что он ждет ее с большим нетерпением, потому что такие парни, как он, наслаждаются причиненной болью.

Эти четыре дня я жила почти нормальной жизнью: посещала занятия, общалась с однокурсниками, притворяясь, что я в порядке. Только мне по-прежнему приходилось просить Марли провести меня в столовую, чтобы вместе поужинать. Но я больше не могу отрицать, что мои дни сочтены, и предстоящая расплата висит у меня над головой, как гильотина. Я пыталась принять меры, чтобы избежать встречи с кем-либо, кто может за мной следить. Я приходила домой в разное время, а если Марли была свободна, я умоляла ее подвезти меня или цеплялась за какую-нибудь группу студентов, направляющихся в ту же сторону, что и я.

Клеймо с песочными часами на моем запястье стало блестящим и розовым, словно обычный шрам, с которым мне теперь придется жить. И мне необходимо по крайней мере постараться к нему привыкнуть, хотя это клеймо было постоянным напоминанием о моем провале. Я провожу по нему пальцем и выдыхаю. Одна часть меня сожалеет о том, что я вообще приехала в Стерлинг Фолс, а другая – о том, что я отважилась пробраться в «Олимп».

Сегодня Марли, ее друзья и я, прицепившись к ним, как хвостик, направляемся на пляж в северной части города. Он расположен выше по побережью и находится севернее утесов, на которых стоит «Олимп». Вода там более спокойная. Это место часто посещают туристы, ведь рядом с пляжем есть небольшой парк, маленькие ресторанчики, веранда под открытым небом и даже старые американские горки. За это лето я несколько раз посещала это место, но без машины добираться туда слишком дорого, да и к тому же там всегда слишком многолюдно. Но сейчас, когда наступил октябрь и температура воздуха снизилась, посетителей должно быть меньше.

Ходят слухи, что Норд-Фолс – еще одна нейтральная территория для банд. Никто не претендует на этот шикарный район, который больше похож на пляжный городок, чем на то, чем, черт возьми, является Стерлинг Фолс на самом деле.

Я застегиваю браслет на своем запястье, подумывая о том, что мне пора его сменить, иначе Марли что-нибудь заподозрит. Поправив свободный сарафан, который я надела прямо на бикини, я застегиваю изрядно поношенные босоножки и хватаю холщовую сумку, в которую уже положила полотенце, воду и почти пустой флакон солнцезащитного крема.

Я чувствую себя усталой. Возможно, потому, что ограничиваюсь одним приемом пищи в день, а мой желудок сводит спазмом при любой мысли о еде.

Как только я собираюсь снова порыться в своих шкафчиках в поисках какой-то еды, телефон оповещает меня о входящем сообщении.

Марли: Мы внизу.

Я выхожу из кухни и последний раз смотрю на себя в зеркало. Найдя большую соломенную шляпу, которая должна защитить мое лицо и плечи от солнца, я запикиваю ее в сумку, собираясь выходить.

Марли припарковалась на обочине, не став глушить двигатель. Стекла в машине опущены, поэтому я четко слышу, как она говорит:

– Джан, ты не возражаешь, если Кора сядет спереди?

Джанет на мгновение замолкает, а затем распахивает дверцу и пересаживается на заднее сиденье к двум своим подружкам. Мне действительно следовало бы выучить их имена, но теперь мне даже не нужно произносить их. Я на девяносто процентов уверена, что одну из них зовут Эрика, и для меня этого вполне достаточно.

Я забираюсь внутрь и посылаю Марли благодарный взгляд, а она улыбается в ответ. Марли одета так же, как и я – сарафан поверх бикини и босоножки. Однако ее беззаботность совсем не наиграна.

– Мы ведь остановимся у Марши? – спрашивает Джанет.

– А кто это? – интересуюсь я, сдерживаясь от того, чтобы не обернуться и не спросить ее прямо.

Я не хочу, чтобы она распространяла на меня свою негативную энергию.

– Это гастром на набережной, – отвечает на мой вопрос Марли, а затем смотрит в зеркало заднего вида и кивает. – Да, таков план. У них же потрясающие сэндвичи.

Люди даже не осознают, какое место в их жизни занимает еда, пока не почувствуют, что она им не по карману. Я открываю рот, чтобы сказать это, но тут же захлопываю его. Деньги на моем банковском счету на исходе, но я, наверное, смогу позволить себе купить пакетик чипсов или что-нибудь в этом роде. В моем полупустом бумажнике осталась горсть мелочи, и, кроме того, я скорее умру, чем признаюсь им в таких проблемах.

От моей квартиры в восточной части СФУ до пляжа примерно двадцать минут езды на север. Похоже, вокруг университета тоже образовался своего рода пузырь независимости от банд, а я так и не смогла понять – является ли это просто совпадением или чьим-то преднамеренным решением. Ведь если это сделано специально, то в чем суть? Вокруг университета находится так называемый студенческий городок с кучей квартир, магазинов и ресторанов. Это процветающий молодой район, населенный студентами и молодыми специалистами, проехав который мы оказываемся в финансовом районе, но он проносится мимо нас быстрой вспышкой.

Затем мы въезжаем в страну богачей. Обычные здания сменяются особняками и ухоженными лужайками. Возможно, это просто психологический трюк, но здесь даже солнце кажется ярче. Выехав за город в прошлый раз, чтобы отправиться на восток к «Олимпу», я не чувствовала ничего подобного. Здесь же солнце пробивается сквозь облака и ярко светит в окно. Я наклоняю к нему голову, позволяя согреть мое лицо, и закрываю глаза. Оно отвлекает меня от невеселых мыслей, в чем я так нуждалась последний месяц.

Нет, зачеркни. Последние четыре месяца.

Мы все выходим из машины после того, как Марли находит место для парковки на набережной, прямо возле пирса. На другой стороне улицы находится маленький гастроном, о котором говорила Джанет. Поперек его крыши красуется вывеска, нарисованная от руки – «У Марши». Девушки направляются прямо туда, и я следую за ними, подняв повыше свою сумку.

– Паула, – говорит Джанет. – У тебя есть с собой удостоверение личности?

Паула, запоминаю я имя брюнетки.

Она кивает и отступает назад, позволяя остальным войти в магазин первыми. Большую часть пространства внутри занимают стеллажи и прилавки с товаром, вдоль стены стоит стойка для приготовления сэндвичей, а сзади – ряд холодильников с напитками. Мы разделились. Марли с Джанет идут к прилавку с деликатесами, Эрика направилась к закускам, а я, чувствуя себя полной идиоткой, иду по проходу, заполненному консервированными супами. Мне просто нужно убить немного времени, а потом я придумаю какую-нибудь отговорку. Возможно, я скажу им, что уже съела ланч или второй завтрак.

Я вздыхаю с облегчением, когда понимаю, что посещение магазина не занимает много времени, и Марли с Джанет уже двигаются на выход со своими сэндвичами. Эрика идет прямо за ними, а когда мы выходим из магазина, в него входит Паула и, взяв упаковку пива из шести банок, подходит к кассе, чтобы расплатиться. Сотрудник магазина едва взглянул на ее удостоверение личности, прежде чем вернуть его хозяйке.

Я присоединяюсь к девушкам на тротуаре до того, как Паула выходит из гастронома.

– Что ты купила? – спрашивает меня Марли.

– Взяла! – объявляет Паула, направляясь к нам. – Давайте повеселимся!

Внезапно Эрика отводит Марли в сторону, и у меня пропадает шанс опробовать на ней свою ложь. Это тоже хорошо, ведь, вероятно, она бы меня расколола, и мне бы пришлось признаться в своих финансовых проблемах прямо перед Джанет. Нет уж, спасибо.

Мы выбираем более тихое место на пляже, где и расстилаем наши полотенца. Я вынимаю из сумки любовный роман, который взяла с собой и, ложась на живот, открываю книгу. Краем глаза я смотрю на остальных девушек. Джанет и Эрика заняты наблюдением за парнями, играющими в футбол чуть дальше от нас, а Паула предлагает всем пиво.

– Будешь? – спрашивает она меня, но я качаю головой.

– Пока не хочу, спасибо.

– Как знаешь.

Марли опускается рядом со мной, заглядывает через мое плечо и морщит нос.

– Что ты находишь в этих любовных романах? По сути, это просто непристойность.

– В них гарантирован счастливый конец, Марли, – закатываю я глаза. – С этим ничего не сравнится.

– А секс?

– Что ж, это определенно преимущество романов, – соглашаюсь я, и она смеется.

– Наслаждайся чтением, а я собираюсь помочить ноги.

Джанет следует за Марли к воде, а через пару минут к ним присоединяется и Эрика. Я слышу, как вдалеке по деревянным американским горкам катится тележка, и до меня доносятся слабые крики то ли радости, то ли страха. Паула, расстелив сразу несколько полотенец, растягивается на спине, надев солнцезащитные очки и развязав бикини, полагаю, чтобы избежать белой линии на загаре.

Полчаса спустя я чувствую, что больше не могу оставаться на месте, ведь я не привыкла сидеть без дела. Марли, Джанет и Эрика плескаются в воде, явно решив привлечь внимание парней, перебрасывающих друг другу мяч. Вероятно, то, что наши компании

объединятся, – только вопрос времени. А Паула с таким же успехом могла просто спать. Она почти не двигалась с тех пор, как легла.

Закрыв книгу, я встаю и, отряхнув песок с ног, надеваю босоножки, чтобы вернуться в прогулочную зону. Я захожу в один из маленьких магазинчиков, полный туристических безделушек с напоминанием о Стерлинг Фолс: кружок с логотипом города, футболок и толстовок, окрашенных в цвета городского герба. Я останавливаюсь у логотипа на футболке с надписью «Стерлинг Фолс». Он выглядит как модернизированная колонна, обрамленная греческими ветвями. Тот же самый символ я видела на дверях «Олимпа».

Я провожу пальцами по ткани, думая над тем, что город и «Олимп» как-то связаны. Нечто, подобное такому зданию, не появляется просто так. Должно быть, его построили примерно в то же время, когда был основан город. Но это тайна, которую я разгадаю в другой раз. Поэтому я не торопясь продвигаюсь к задней части магазина, держа в руках футболку.

– Так вот чем занимается Кора Синклер в свободное время, – последний человек, которого я ожидала увидеть, встает прямо передо мной и забирает футболку у меня из рук.

– Я куплю ее... – Аполлон морщит нос. – Ты собиралась ее брать?

– Нет, – мое лицо обдаёт жаром, и я выхватываю футболку из его рук, убирая ее на полку. – Я просто... А что ты здесь делаешь?

– Я был неподалеку, – улыбается он, следуя за мной.

Аполлон одет в угольного цвета шорты и светло-голубую футболку. Его солнцезащитные очки сдвинуты на макушку, а на ногах надеты сандалии. Удивительно, но я *могу* поверить, что он просто провел день на пляже. Но я не должна верить его словам только потому, что он так одет. Вся их игра построена на иллюзии.

– Угу.

Мне нужно убираться отсюда.

Аполлон ловит меня за запястье и мягко разворачивает к себе.

– Ты не купила ланч, когда заходила в магазин со своими друзьями.

Я прищуриваю глаза.

– И ты ела суп так, словно это был твой первый прием пищи за неделю, – продолжает он.

– К чему ты ведешь?

– С нашей последней встречи ты очень похудела, – говорит он, скользя взглядом по моему телу, и я вырываю запястье из его рук.

– Еще три месяца назад у меня была работа и деньги, но благодаря твоему другу...

– Джейс думал, что ты уйдешь, – Аполлон трет глаза, явно выглядя расстроенным. Быть может, мной? – Насколько все плохо?

Джейс.

Я цепляюсь за это имя. Я сняла еще один крошечный слой загадки, покрывающий образ Аида, хотя не уверена, что эта информация достоверна. И его вопрос: *насколько все плохо?* Что ж, я не собираюсь признавать, что иногда у меня возникает вопрос, не умру ли я от голода. В любом случае это немного драматично, и, если бы мне пришлось больше нескольких дней обходиться без еды, я могла бы попросить Марли о помощи. Но до этого пока не дошло.

– Пойдем со мной, – говорит он.

– Я не могу, – упираю я руки в бока. – Я здесь с людьми.

Он ухмыляется, и мой желудок делает сальто. Он не имеет права быть таким красивым! Возможно, сначала я не заметила этого сквозь маску, но его улыбка делает что-то со мной. Она кажется искренней. А я точно знаю, какой бываю, когда парень притворяется милым по отношению ко мне.

– Ты с теми людьми, с которыми приходила на бои? – спрашивает он. – Они знают, что ты украла маску Аида и тебя поймали с поличным?

Я качаю головой.

– Вряд ли это их волнует.

– Возможно, волнует, – в его голосе сквозит сарказм. – Значит, ты заключила пари не с ними?

Не реагируй на его подколы.

Так вот почему он здесь! Чтобы выяснить правду о том, почему я пыталась украсть маску.

– Я не могу пойти с тобой, – говорю я более твердым тоном и снова качаю головой. – И не только потому, что я тебе не доверяю. Я приехала сюда, чтобы попытаться расслабиться, и ты мне мешаешь.

– Ладно, – фыркает он. – Продолжай расслабляться.

Подняв голову, я гордо прохожу мимо него. И несмотря на то, что он позволяет мне выйти за дверь, у меня складывается впечатление,

будто он наблюдает за тем, как я иду обратно к своему полотенцу.

– Вот ты где! – Марли поднимает взгляд, когда я возвращаюсь к ним, а затем смотрит на что-то за моим плечом. – О-о-о...

– Мисс! – зовет кто-то.

– Кор, он обращается к тебе.

Задержав дыхание, я смотрю на подошедшего мужчину, но им оказывается не Аполлон, а служащий из гастронома.

– Вы забыли это, – он подходит ко мне с пакетом в руке.

– Я?

– Ты все-таки решила что-нибудь перекусить? – спрашивает Паула.

Мой желудок выбирает именно этот момент, чтобы заурчать, и я беру упакованный сэндвич у служащего гастронома.

– Именно так, – я удивлена, что мой голос звучит ровно.

Краем глаза я замечаю надпись на пакете, и мне приходится перевернуть его, чтобы прочитать ее.

«Увидимся».

У меня перехватывает дыхание, когда я понимаю, что это написал Аполлон, а под надписью он оставил номер своего телефона.

Оторвав эту часть упаковки, я засовываю ее в сумку. Над тем, что Аполлон дал мне свой номер телефона, я подумаю потом, а прямо сейчас я так проголодалась, что могу упасть в обморок. Я заставляю себя откусывать маленькие кусочки индейки, надеясь, что этот ланч будет длиться вечно. Другие девочки тоже достают свои сэндвичи. Конечно, разумнее всего мне было бы съесть половину, а остальное приберечь на потом. Однако моя сила воли – слишком хрупкая штука, и, прежде чем я успеваю опомниться, я съедаю все до последней крошки и облизываю пальцы.

У меня такое чувство, будто Аполлон все еще наблюдает за мной, скрываясь из виду, но я не знаю почему.

Он следит за мной? Или Джейс приказал ему присматривать за мной?

Джейс! Это имя очень ему подходит.

– Марли, ты знаешь, кто такой Аид?

Огорошенная внезапным вопросом, она роняет свой сэндвич на газету, лежащую у нее на коленях.

– Нет, это одна из самых больших загадок Стерлинг Фолс. Никто не знает, кем на самом деле являются хозяева «Олимпа».

Кивнув ее ответу, я напеваю мелодию, ложась на полотенце.

– Ты что, влюбилась? – спрашивает Паула. – Неужели в его череп?

– Или в его пресс? – вставляет Эрика. – Пресс, достойный слюней.

Марли молча наблюдает за мной, а Джанет не упускает случая усмехнуться.

– Это притяжение. Те, кто находится в самом низу социальной лестницы, всегда ищут легкие способы подняться по ней.

Унс.

– Может, хватит? – говорит ей Марли. – Тебе обязательно все время быть по отношению к ней такой сукой?

Я резко встаю, чувствуя, как во мне поднимается ярость.

– Все в порядке, Мар. В любом случае мне здесь не нравится, прости.

Чтобы смягчить удар от моего внезапного ухода, я наклоняюсь и целую ее в щеку, а потом просто собираю вещи и ухожу, потому что я действительно не хочу дальше находиться в этой дерьмовой ситуации.

Как только я ухожу достаточно далеко и ступаю на набережную, я достаю свой мобильный и листок с номером Аполлона. Мгновение я обдумываю, что собираюсь делать, а затем отправляю ему сообщение.

Я: *Зачем ты это сделал?*

Спустя мгновение телефон вибрирует в моей руке.

Аполлон: *Я знаю, каково это – быть единственным, кто голодает. А ты кажешься слишком гордой, чтобы попросить о помощи.*

Хорошо.

Я: *Значит, ты просто...*

Внезапно рядом со мной останавливается мотоцикл, водитель которого одет в знакомые шорты цвета угля и голубую футболку. Аполлон поднимает забрало шлема и улыбается мне.

– Проще будет попросить прощения. Ты бросаешь своих друзей?

– Среди них у меня лишь одна подруга, – я корчу гримасу и продолжаю идти вперед. – С остальными отношения у меня не ахти. Все могло бы быть по-другому, если бы я начала год в лучшем настроении, но я...

Но я была сварливой и замкнутой, а друзья Марли, вероятно, задавались вопросом, какого черта она постоянно пытается вывести меня из плохого настроения. А все потому, что мы знакомы друг с другом слишком долго, чтобы кто-то из нас мог бросить другого. Двигатель мотоцикла гудит, а Аполлон продолжает медленно ехать со мной рядом.

– Какой у нас план? Ты собираешься идти домой пешком?

– Возможно.

– Ты знаешь, откуда Стерлинг Фолс получил свое название? – внезапно спрашивает он.

Я останавливаюсь и смотрю ему в лицо. Очевидно, он так просто не сдастся.

– Нет.

– Хочешь узнать? – он отстегивает второй шлем и протягивает его мне.

Я смотрю на свой сарафан и бикини под ним, у которого еще не было шанса окунуться в воду. Аполлон ставит мотоцикл на подножку и плавно спрыгивает с него, меняя шлем на мою сумку. Пока он убирает сумку в отделение под сиденьем, я засовываю телефон за лямку бикини. Аполлон поворачивается ко мне лицом и надевает шлем мне на голову.

Я встречаюсь с ним взглядом через затемненное стекло, не понимая, неужели я согласилась на это? На самом деле мне любопытно не то, как Стерлинг Фолс получил свое название, а *этот парень*. К тому же мне просто нужен способ выбраться отсюда. Во всяком случае я говорю это себе, когда поднимаю подбородок, позволяя ему застегнуть ремешок шлема. Когда костяшки пальцев Аполлона касаются моей шеи, сердце замирает. Наверное, это и есть причина, по которой, когда он забирается на мотоцикл и протягивает мне руку, я качаю головой, удивляясь собственному глупому выбору, и самостоятельно перекидываю ногу через его железного коня. Платье немного задирается, но мне все равно. Аполлон вытягивает руки назад и обхватывает мои бедра. Его прикосновения шокируют, и я едва сдерживаю вздох, пока он прижимает меня к себе вплотную, и одна из его рук скользит вниз по моему колену. Затем он похлопывает меня по икре, и я ненавижу себя за то, что не испытываю отвращения к этим прикосновениям.

Я неуверенно обхватываю его руками за талию, думая, что такие парни, как он, катаются с кем-то на мотоциклах только ради физического контакта. Мы соприкасаемся слишком во многих местах. Рука Аполлона накрывает мои ладони у него на животе, проверяя, надежно ли я держусь, а затем мы отъезжаем от обочины.

Мой отец раньше ездил на мотоциклах, но я никогда ими не интересовалась. Я помню лишь несколько быстрых поездок по окрестностям, когда я цеплялась за папину спину, и мой разум метался между страхом и эйфорией.

Эти чувства возвращаются, когда мы с Аполлоном буквально пролетаем через прибрежный жилой район. На дороге не так уж много машин, и мы направляемся на запад, прочь от побережья. Далее мы поднимаемся в гору, и извилистая дорога, по которой мы едем, время от времени дает возможность разглядеть вдалеке сквозь деревья центр Стерлинг Фолс. Обогнув город, мы выезжаем на дорогу, по обе стороны от которой высится лес. В конце концов Аполлон резко сворачивает направо, на грунтовую дорогу, и я вскрикиваю, крепче сжимая его талию. Мне кажется, что мое сердце подскочило и застряло где-то в горле, и я почти зажмуриваю глаза, но какая-то мазохистская часть меня должна точно знать, как я собираюсь умереть. Однако дорога продолжает подниматься, и внезапно справа от нас вырастает каменная стена, а слева я вижу крутой обрыв. Мы огибаем поворот, и взгляду открывается травянистая площадка, окруженная деревьями, а вдалеке я слышу рев воды. Когда мы подъезжаем к ней, мотор мотоцикла замолкает, и я снимаю шлем. Я не думаю, что мои ноги способны держать равновесие, поэтому не утруждаю себя тем, чтобы слезть с мотоцикла. Мои бедра болят от того, что я так сильно прижималась к Аполлону.

– Что, черт возьми, это было?

Мой голос настолько хриплый, будто я кричала не останавливаясь.

Он поворачивается ко мне и забирает у меня шлем, надевая его так же, как и свой, на одну из ручек. Аполлон встречается со мной взглядом, и меня снова поражают его темные глаза и ухмылка на губах.

– Это – один из секретов Стерлинг Фолс, – говорит он, приблизившись ко мне.

Я продолжаю слышать рев воды, но не вижу, откуда он исходит, поэтому непонимающе смотрю на Аполлона.

– Стерлинг Фолс^[7], – ухмыляется он. – Ходят слухи, что иногда солнечные лучи падают здесь так, что вода кажется отполированным металлом.

– На самом деле? – сухо спрашиваю я.

– Не похоже, чтобы тебе это было интересно.

– Потому что я думала, что мы совершаем самоубийственную поездку.

– Пойдем со мной, – говорит Аполлон, протягивая мне обе руки.

– Это что, твоя коронная фраза? – усмехаюсь я.

– Думаю, только, когда я нахожусь рядом с тобой. Они открывают ворота водохранилища только раз в месяц. Сегодня твой счастливый день.

– В Стерлинг Фолс есть водохранилище?

Аполлон кивает.

– Оно находится рядом с городом и снабжает его водой, а водопад, который мы слышим, впадает в реку, протекающую недалеко от гавани Саут-Фолс.

Я вдыхаю. Раз уж мы здесь, я могу извлечь из этого максимум пользы и посмотреть, ответит ли он мне на какие-нибудь вопросы.

Очевидно, что он многое знает, а еще я уверена, что это именно он ударил кого-то ножом три месяца назад, но его не только не арестовали, но, возможно, даже не допросили.

– Вы все трое думали, что я покину город... – размышляю я.

Я беру его руки и позволяю ему помочь мне слезть с мотоцикла. Ноги подкашиваются, и Аполлон отпускает одну из моих рук, поддерживая меня уже за бедро, пока я не выдыхаю, вернув себе равновесие.

– Да, думали, – отвечает он, ведя меня к едва заметному просвету между деревьями.

За этим просветом появляется тропа, петляющая вниз к ручью. Через него перекинут деревянный мост, ведущий к огороженной смотровой площадке. Прямо за мостом, по которому мы прошли, я вижу огромный водопад. Когда мы спускаемся на площадку, я опираюсь на забор.

– Почему ты думал, что я так легко уйду?

Мелкие капли падают мне на лицо, однако вид здесь действительно впечатляющий. Вода течет сквозь отполированные валуны и падает вниз, в небольшой бассейн, с высоты не меньше восьмидесяти футов^[8].

Аполлон пожимает плечами, но его взгляд остается непроницаемым.

– Ты выглядела как новенькая посетительница «Олимпа», которая припозднилась и наткнулась на что-то, чего она не понимает.

Именно такой я и была.

– Но... – начинаю я.

– Но ничего не случилось, – натянуто улыбается он, и я вздыхаю.

– Ты в порядке? – его пальцы сжимают мои.

Нисколько.

Я убираю руку и отворачиваюсь от него, обращая свои слова скорее к водопаду, пытаюсь справиться с внезапным приступом гнева.

– В порядке ли я? Мы с тобой слишком мало знакомы для подобных вопросов.

– Я думаю, ты понимаешь, что это ложь.

Из-за того, что его голос почти не слышен на фоне грохота воды, я разворачиваюсь лицом обратно к нему.

– Что ты делал в ту ночь с другими парнями?

Кроме Кроноса, я больше не общалась ни с одним из членов банды Титанов. Конечно, если бы я была настолько нормальной, насколько они предполагали, я вообще бы не встретила никого, связанного с Титанами или Адскими гончими. Я могла бы просто уехать из Стерлинг Фолс, так и не узнав о том, кто тот серый кардинал, что правит людьми этого города.

Аполлон поджимает губы и пристально смотрит на меня. Возможно, он обдумывает решение, отвечать мне или нет. Когда он делает шаг вперед, я по привычке отступаю.

– Вы что... состоите в одной из банд?

Услышав это, он смеется, откидывая голову назад, а мне становится не по себе.

– Нет, Кора, мы не состоим ни в одной из банд, – отвечает он, смотря на меня. – А почему ты спрашиваешь?

– Я слышала, как люди говорили о них, вот и все. Они кажутся...

– Держись от них подальше! – тоном, не терпящим возражений, говорит он, прерывая меня на половине фразы, и это выводит меня из себя.

– Что-то ты раскомандовался, – говорю я, прищурился глазами.

Не мешкая, он подходит ближе и прижимает меня спиной к забору. Звук водопада на секунду оглушает меня, и мое дыхание прерывается. Но я боюсь не того, что этот парень может меня придушить. Не знаю почему, но мои эмоции смешанны, и любопытство преобладает над страхом.

Аполлон внимательно смотрит на меня своими карими глазами, и я не могу избавиться от ощущения, что он видит во мне больше, чем я хочу ему позволить. Я подавляю желание расспрашивать его дальше и вместе с любопытством запикиваю этот порыв в коробочку, ставя ее на задворки своего сознания.

– Пожалуйста, отвези меня домой.

– Ты так быстро отказываешься от боя? – прищелкивает он языком.

– Насилие ни к чему нас не приведет, – говорю я и сжимаю руки в кулаки.

Аполлон хихикает, наклоняясь ближе, и кладет руку на каменную стену над моим плечом.

– Ты скоро поймешь, что насилие – это единственное, что поможет тебе добиться в Стерлинг Фолс хоть чего-нибудь.

Выпрямившись, Аполлон отходит на несколько шагов, а мне требуется, кажется, слишком много времени, чтобы уговорить свой бешеный пульс. Но похоже, Аполлона устраивает эта небольшая пауза.

Мы следуем обратно к мотоциклу, и он снова надевает на меня шлем, с легкостью застегивая его. Я сажусь позади него, Аполлон опять похлопывает меня по ноге, а затем двигатель мотоцикла с ревом оживает. Когда Аполлон разворачивается, из-под заднего колеса вылетает грязь и трава, а я впиваюсь пальцами в его рубашку, чувствуя тошноту. Резко накренившись, мы несемся обратно вниз по склону. Я держусь изо всех сил и закрываю глаза, пока мы снова не оказываемся на твердой, ровной земле.

Что такого хорошего в мотоциклах?

В отличие от Вульфа, высадившего меня из машины на окраине кампуса СФУ, Аполлон отвозит меня напрямик к дому, где я снимаю

квартиру. Причем делает это, не спрашивая дорогу. Конечно, я должна была удивиться, но я не удивлена. Наверное, я просто слишком сильно устала. Меня утомили солнце, общение с наглыми подружками Марли, еда и адреналин.

Аполлон ничего не говорит, но слезает с мотоцикла вслед за мной и вытаскивает мою сумку. Он не уходит, когда я забираю у него свои вещи, а идет за мной в подъезд. Поднявшись, я остаиваюсь у двери своей квартиры и оглядываюсь на него, но он просто поднимает брови, будто бросая мне вызов.

Тихо выдохнув, я отпираю дверь и распахиваю ее настежь. Аполлон проходит мимо, оглядываясь по сторонам, но его лицо не выражает никаких эмоций. Мне кажется, что его присутствие в моей квартире заставило меня оцепенеть: я не могу даже отпустить дверную ручку. Я остаюсь стоять на пороге, пока он внимательно осматривает мое жилье, в том числе шкафчики на кухне и холодильник. Его слова, сказанные сегодня днем, буквально выжжены в глубине моего сознания.

Я знаю, на что это похоже.

– Закончил? – наконец не выдерживаю я.

– Пока что, – говорит Аполлон, выпрямляясь, и проходит мимо меня.

Я приподнимаю голову – это единственный жест, которого он от меня добьется.

Как только он уходит, я захлопываю дверь и скидываю босоножки. Пока я смотрю на потолок, из меня вырывается стон. Я не знаю, что такого я сделала в жизни, что попала в такое положение. Я постоянно голодна, я скрываю ото всех правду и умудрилась найти врага в лице главаря одной из банд Стерлинг Фолс. Добавьте к этому троих парней с неизвестными намерениями. Ведь я до сих пор не могу понять, хотят ли они меня убить.

С такими мыслями я сажусь на диван, откинув голову назад, и час спустя все еще нахожусь в такой позе. Мне кажется, я задремала, и солнце, которое я могу видеть через окно, выходящее на запад, почти село, а мне же нужно выполнить домашнее задание.

Внезапно входная дверь моей квартиры открывается, и я вскакиваю на ноги, не зная, что, черт возьми, я собираюсь делать против взломщика. Я хватаю свой телефон, раздумывая, должна ли я

набрать 911 или закричать. Хотя мои соседи, даже если они дома, вероятно, ничего не предпримут. Ведь это кучка студентов из колледжа, которые придерживаются правила «Не суй нос не в свое дело». Пока в течение первой недели после приезда сюда все заводили новых друзей, я оставалась одиночкой. Конечно, я общаюсь с некоторыми соседями, но это продиктовано скорее необходимостью, ведь я не могу сказать им, что не хочу с ними дружить, потому что один психопат может использовать их против меня.

Впрочем, мне не о чем беспокоиться, потому что в мою квартиру заходит Аполлон, только вот...

Мои глаза прищуриваются при виде пакетов в его руках.

– Что это? – спрашиваю я.

Желудок снова скручивается в узел.

Он ногой захлопывает входную дверь и буквально пронесется мимо меня, ставя пакеты на кухонную столешницу. Он даже не обращает на меня внимания, продолжая методичными движениями раскладывать продукты.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, смотря сначала на него, потом на еду.

Он качает головой, и только тогда я понимаю, *как* он зол. Его челюсть сжата, а сухожилия на шее напряглись, будто он беззвучно кричит. Его движения не просто методичны – они резки. Поэтому я молча позволяю ему раскладывать продукты по шкафчикам и полкам холодильника. Даже несколько замороженных обедов и пакетов с овощами попадают в мою морозилку.

На мои глаза наворачиваются слезы.

– Я не могу принять это, – говорю я, стирая их со своих щек. – Серьезно.

– Кора, – он предупреждающе смотрит на меня, – заткнись.

– Я не принимаю благотворительность, – объясняю я. – Так же, как и подачки. Это уже слишком, даже от тебя.

Даже несмотря на то, что из-за тебя я вляпалась в эту историю.

Он морщится, и я понимаю, что должна принять его жест. Сейчас я веду себя абсолютно нелепо. Что у меня останется, если я поступлюсь своей гордостью? Явно не мое достоинство, ведь оно

сгорело, когда раскаленные песочные часы оставили клеймо на моем запястье.

Я чувствую свою уязвимость из-за того, что он находится в моей квартире, купил мне еду и знает о моем голоде.

– Я верну тебе деньги, – обещаю я.

Аполлон кивает и останавливается прямо передо мной. Я придаю своему лицу невозмутимое выражение, встречаясь с ним взглядом. Вульф был прав. Именно маски, которые мы носим в «Олимпе», позволяют нам быть самими собой. Но, не считая этих масок, мы носим воображаемые каждый гребаный момент каждого дня.

Сейчас твоя маска – безразличие, Кора.

Именно так я пережила ситуацию с Кроносом, именно так я выйду из ситуации с ними – с Аполлоном, Вульфом и Джейсом.

Аполлон кладет палец мне под подбородок и поднимает мою голову. Его взгляд скользит вниз, вдоль темной бретельки бикини, а затем возвращается назад.

– Не беспокойся об этом долге, Кора. Ты и так уже у нас в долгу, – тихо говорит он, проводя пальцем по моему лицу, от подбородка до уха. – Хочешь понять, что это значит? Ты наше ценное имущество, а мы защищаем свои активы.

Я сглатываю, пытаюсь понять смысл его слов.

То есть, как только я заплачу свой долг, я больше не буду их проблемой и вернусь к исходной точке?

Глава 8

Кора

Мое время вышло.

С самого утра, пока я принимаю душ и одеваюсь, под моей кожей пульсирует страх. Мой телефон звонит, но я не обращаю на это внимания, потому что очень нервничаю. Хлопья, которые я заставляю себя съесть на завтрак, тяжелым грузом оседают у меня в желудке, словно каждый кусочек еды подобен камням.

Я выливаю сладковатое молоко в раковину и ополаскиваю миску. Мне придется... не знаю... притвориться, что сегодня обычный день. Я пойду на учебу, буду делать домашнее задание в библиотеке и благодаря собственному здравому смыслу вернусь домой до захода солнца.

Подойдя к своему шкафу, я вдруг вспоминаю о папином подарке и о том, что в момент его вручения я подумала, что это шутка. Но если удастся его найти, то сегодня он может мне пригодиться. Когда я нахожу в коробке под моими ботинками маленькую бутылочку, то издаю победный клич. Перцовый баллончик, возможно, не спасет меня, но он может дать мне шанс. Поэтому я кладу его в свою сумочку и тороплюсь выйти из дома, потому что такими темпами я опоздаю на занятия.

Всю дорогу до кампуса СФУ я ощущаю, что мои чувства обострены. Если это действительно нейтральная территория, то я должна быть в безопасности, верно? Я цепляюсь за эту мысль, пока сижу сначала на одной паре, потом на другой, а когда мы с Марли проходим мимо друг друга в коридоре, она пристально смотрит на меня, прищуривая глаза, будто знает, что что-то не так. К счастью, ни у кого из нас нет времени, чтобы остановиться и поболтать.

В списке моих планов на день я почти дошла до пункта «пойти домой», как вдруг библиотечное кресло напротив занимает мужчина.

– Девочка-невидимка.

Я убираю свой блокнот в сумку и замираю. Мои пальцы задерживаются на молнии, и я быстро узнаю в этом мужчине охранника, который обычно стоит у дверей в офис Кроноса в баре.

Он ухмыляется мне, откидываясь в кресле назад и кладя ноги на стол.

– Ты закончила?

– Не совсем, – уклоняюсь я от ответа. – У меня еще есть дела в кампусе.

– Тогда это будет захватывающий вечер, – он задирает рубашку, демонстрируя мне пистолет, заткнутый за пояс.

Когда он снова опускает ее, его улыбка становится шире.

– Ты привязана к этой библиотеке или к людям в ней?

– Ты о чем? – сглатываю я. – Ты будешь стрелять в них, если я не пойду с тобой?

– Босс дал добро на любые средства. Ты стала практически примером для подражания остальным должникам. Прямо-таки мученицей.

– Что он... – я не могу выдать из себя этот вопрос. – Что он собирается делать?

– Да все что захочет. Возможно, он подвесит тебя за лодыжки где-то на задворках бара или поставит клеймо в более заметном месте, – его взгляд задерживается на моем горле, и я содрогаюсь.

– Что-то у тебя плохо выходит убедить меня пойти с тобой.

– А как насчет того, что я просто перестреляю здесь всех? – он кладет локти на стол. – Будет грязно. Прямо-таки кровавая баня. Копы, вероятно, станут рассматривать тебя в качестве главной

подозреваемой. Девушка увязла в таких огромных долбаных долгах, что решила на убийство.

– Я этого не хочу! – я резко встаю со своего кресла, и к моему горлу подкатывает тошнота.

– Знаю, знаю, девочка-невидимка.

Он тоже встает, берет мой кошелек, запихивает его в мою сумку, а затем бросает ее под стол.

– Эй...

– Бесплезно пытаться звать на помощь. Или на что ты там рассчитываешь, что может тебе помочь выпутаться из этого.

Никто не обращает на нас внимания, когда он провожает меня к выходу, в то время как его рука лежит на моей поясице, побуждая меня двигаться быстрее. Мы пересекаем парковку и подходим к его машине. Он открывает заднюю дверь за водителским сиденьем и после некоторого колебания я сажусь в машину – а что мне еще остается делать? Если бы у меня был в руке мой перцовый баллончик...

Черт возьми, я первый раз взяла его с собой, и у меня нет возможности им воспользоваться.

Или мой телефон, который лежит в сумочке, оставленной под библиотечным столом.

Мужчина захлопывает за мной дверь, и я передвигаюсь на другую сторону сиденья, проверяя противоположную, но она не открывается, несмотря на то, что язычок блокировки поднят.

Он садится на водителское сиденье и, оглядываясь назад, смеется:

– В моей машине установлена защита от детей.

Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди, надеясь, что это по крайней мере скроет мою дрожь. Но когда ужасные сценарии, куда хлеще по красочности, чем примеры, которыми поделился лакей Кроноса, проносятся в моей голове, у меня начинают дергаться ноги.

Может, Кронос собирается вырезать долг из моей плоти? Например, вырвет мои ногти, сломает или отрежет руку?

Меня сейчас стошнит.

Когда мы подъезжаем к бару, время приближается к шести часам, и солнце уже начинает опускаться за горы. Небо становится сумрачно-голубым, а мимо нас проходит группа смеющихся мальчишек,

студентов колледжа, которые забрались слишком далеко от безопасной зоны.

Охранник, ставший мальчиком на побегушках, ждет, пока ребята пройдут, а затем открывает мою дверь и хватает меня за плечо, практически втаскивая внутрь бара. Мои каблуки застревают в решетке перед входом, и я оступаюсь из-за нашей спешки. Бар почти пуст. Полагаю, толпа соберется здесь только ближе к вечеру, но вдоль стены в кабинках сидят несколько мужчин, по всей видимости, члены банды Титанов.

– Тебе необязательно меня тащить, – я пытаюсь вырвать свою руку из его хватки, но он держит меня слишком крепко.

– Я с удовольствием послушаю твои крики через дверь, – хихикает он себе под нос.

– Ты никогда не слышал, как я кричу, – на этот раз мне удастся вырваться, но тут двери офиса распахиваются, и в дверном проеме появляется Кронос.

– Черт возьми, почему так долго? Веди ее сюда! – он оглядывается по сторонам, а потом снова смотрит на своего охранника. – За вами следили?

– Нет, сэр.

– Отлично, – он отходит в сторону, и охранник проталкивает меня в дверной проем, о который я спотыкаюсь.

В офисе Кроноса находится еще один мужчина. Он кажется здесь таким же неуместным, как и я. По его брюкам цвета хаки и синей рубашке на пуговицах я бы скорее предположила, что он офисный клерк, а не завсегдатай бара. Мужчина сидит в одном из двух кресел перед большим письменным столом, а на его рубашке под мышками я вижу пятна пота.

Он наименее угрожающий человек в комнате, поэтому я резко оборачиваюсь и свирепо смотрю на Кроноса, который закрывает за собой дверь. Выражение его лица бесстрастно, но я не могу не думать о том, что происходит у него в голове. Вряд ли он радуется тому, что я потерпела неудачу. В конце концов, мое время вышло. Прошел месяц с тех пор, как он приковал меня наручниками к столу и поставил клеймо в виде песочных часов.

Я смотрю на неразожженный камин, а Кронос опускается в кресло за столом и жестом предлагает мне занять последнее свободное

место.

– Тебе удалось скрыть мое клеймо. Похоже, этот метод был неэффективен. Зачем повторять то, что не работает?

Я молчу и не двигаюсь, а мое сердце бешено бьется, пока я ищу... не знаю, какой-нибудь выход.

– Маска у тебя?

Я пытаюсь нацепить на себя безразличие, на которое я полагалась раньше, но у меня такое чувство, что оно меня больше не спасет.

Страх стягивает мой желудок узлом, и я не могу ответить. Я открываю рот, но из него не вылетает ни слова.

– Значит, нет, – заключает Кронос и, вздыхая, крутит кольцо на своем пальце.

– Я так и думал. Вот Генри здесь по тем же причинам. Он одолжил денег у акулы, но забыл о ее зубах.

Парень в костюме цвета хаки вздрагивает при упоминании своего имени, но Кронос игнорирует его.

– Ты помнишь о нашем соглашении?

– Да, – мне приходится заставлять свои связки работать, но горло с каждой секундой сжимается все сильнее.

– На твоём долге двойная процентная ставка, – глаза Кроноса загораются. – Так что тебе светит пожизненное заключение, девочка-невидимка.

– Я...

– Не так быстро, – он встает, опираясь руками на металлический стол, и наклоняется вперед. – Ты помнишь, что я сказал? Я не могу никому позволить выставить меня дураком.

Я тому пример.

– Садись.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги, и поэтому я осторожно отодвигаю кресло. Ни за что я не позволю ему снова взять меня за руку или сделать что-то похуже.

– В последний раз, когда ты была здесь, ты была такая смелая, – размышляет Кронос, опускаясь обратно в кресло, а в его руке появляется нож, лезвие которого сверкает в тусклом свете. – Где та девушка, и кто ты? Страх превратил тебя в тихую мышь? Неужели небольшая боль лишила тебя мужества?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки. В прошлый раз я понятия не имела, что меня ждет, и за последние тридцать дней я прошла через адские душевные муки. Так что да, той девушки давно уже нет.

– Ты заняла у меня пятьдесят тысяч долларов, – он достает калькулятор. – Плюс удвоенные проценты. В связи с твоей ненадежностью мы договорились с тобой о ежемесячных платежах. Если они своевременны, то проценты не начисляются. Если ты опаздываешь с платежом, начисляются пени. Все просто.

Просто.

Именно из-за этого слова у меня начались неприятности. Простой контракт, о котором не стоит беспокоиться. Страницы юридических терминов, которые сводились к одному. Тебе не о чем беспокоиться, если ты платишь.

– Но ты не выполняешь свои обязанности, Кора, – улыбается он. – А это уже не так просто. – Кронос поворачивает калькулятор экраном ко мне. – Это сумма твоего долга.

Я смотрю на экран и стараюсь не упасть в обморок. Он же набирает новую сумму и снова показывает ее мне, только она в пять раз превышает ту, что была на экране калькулятора до этого.

– А это то, что ты будешь мне должна, если продолжишь пропускать платежи. Конечно, будет разумно предположить, что именно так и будет, ведь ты все еще должна мне за прошлый месяц и за этот.

Кронос бросает калькулятор обратно в ящик стола и захлопывает его.

– Итак, давай подумаем, какой будет цена за просроченные долги?

Я не отвечаю ему, просто не в состоянии. Я и представить себе не могла, что сумма, которую я ему должна, станет такой большой. В моей грудной клетке поселяется едва сдерживаемая паника, и я вспоминаю, как Аид задавал мне такой же вопрос. И ценой была я сама. Кроносу так лучше не отвечать, иначе я сойду с ума.

Не дождавшись моего ответа, он вздыхает.

– Я больше не верю в то, что ты способна вернуть долг, девочка-невидимка. Раньше я лелеял хоть какую-то надежду, но сейчас... – он замолкает и пристально смотрит на меня. – Палец. Пока что это самое легкое наказание, которое приходит мне в голову.

Едва я услышала его слова, как кровь отхлынула от моего лица.

– Это будет мое послание, – усмехается он. – Послание всем тем, кто хочет иметь со мной дело, но думает, что может жульничеством и обманом обойти наше соглашение. Послание, которое ты не сможешь скрыть с помощью какого-то браслета. – Он морщит нос, и его взгляд снова падает на мое запястье.

– Я не жульничала.

– Тебе не удалось достать мне маску, и ты солгала, когда сказала, что можешь заплатить. Разве ты не собиралась обойти наше соглашение, испытывая мое терпение? А теперь клади свою гребаную руку на стол.

Его лицо искажается от гнева, а потом снова расслабляется, будто у него внутри идет собственная борьба.

Я качаю головой, сжимая кулаки так сильно, что ногти впиваются мне в ладони.

Ему придется заставить меня прикоснуться к этому столу.

– Нет? Смотри, я предоставляю тебе выбор, – он достает из-под стола пистолет и направляет его на мужчину, сидящего рядом со мной. – На кону твоя жизнь, так что ты выбираешь, девочка-невидимка? Ты будешь работать на меня, или мы договоримся по-другому?

– Я...

– Вот у Генри проблемы с азартными играми, но, в отличие от тебя, он бесполезен.

Почти не двигаясь, Кронос нажимает на спусковой крючок, и, прежде чем кровь брызжет мне в лицо, комнату наполняет оглушительный треск. Я запоздало поднимаю руку, чтобы закрыться, а выстрел эхом раздается у меня в голове, гремя так сильно, что секунду я ничего не слышу. В шоке я открываю рот и резко поворачиваюсь, чтобы взглянуть на уже безжизненное тело мужчины. Он сползает на край стула, а из дыры на его лице на пол течет кровь.

Он мертв, мертв!

В ужасе я прикасаюсь к своему лицу, не понимая, как я с этим справлюсь, ведь это моя первая близкая встреча со смертью. Меня снова начинает тошнить, и мне приходится оторвать взгляд от лежащего на полу тела мужчины.

– Ну? – Кронос постукивает пистолетом по столу и, вновь не дождавшись ответа, вздыхает. Я же будто приклеилась к своему месту, не в силах пошевелиться.

– Эрик, иди сюда! – кричит Кронос, и я поворачиваюсь, стараясь продолжать следить за телом на полу, Кроносом и дверью одновременно.

Но, когда она распаивается, никто не входит, а охранник, который забрал меня из СФУ, буквально вваливается в дверной проем. Между его глазами зияет дыра, а по лицу течет кровь. На пол он падает уже мертвым, но шум выстрела был приглушен и отличался от хлесткого выстрела из пистолета.

У меня замирает сердце, и я крепко сжимаю подлокотники кресла, когда вижу, как через труп охранника переступает Вульф. Он входит в комнату, задерживая на мне свой взгляд, а затем смотрит на Кроноса. В руках Вульфа пистолет, но он направлен на пол. Мгновение спустя в комнату входит Джейс, и пространство вокруг меня будто сжимается. Джейс не смотрит на меня, его хмурый взгляд предназначен Кроносу. И он сверлит его взглядом, пока пожилой мужчина не отводит глаза.

– Уведи ее отсюда, – говорит Джейс.

– Мы еще не закончили.

Кронос откидывается назад в кресле, но теперь его пистолет направлен на меня.

– С ней ты уже закончил. Тебе ясно? – Джейс загораживает меня от мужчины, и я вздрагиваю, когда Вульф помогает мне встать.

– До новой встречи, девочка-невидимка, – обещает Кронос. – Потому что она скоро состоится.

Ни за что.

Вульф крепко обнимает меня за талию и ведет через бар к выходу, где нас ждет Аполлон. У его ног без сознания лежит бармен, а из его уха течет кровь. Мужчины, которые занимали кабинки, когда я проходила в кабинет Кроноса, находятся в похожем состоянии и лежат, прижавшись друг к другу, на полу. Я понятия не имею, мертвы они или находятся без сознания.

Вульф не останавливается, когда мы проходим мимо Аполлона, и последний, хмурясь, сжимает губы в тонкую линию и коротко кивает нам.

На улице за машиной, на которой я приехала, стоит черный «мерседес». Вульф сажает меня на пассажирское сиденье и наклоняется, быстро пристегивая ремень безопасности. Его рука касается моей груди, и я отвожу глаза, избегая обоюдного напряжения. Кажется, я не могу подобрать слов, да и на ум не приходит ничего, кроме бессмысленных вопросов. А Вульф, похоже, тоже не может сказать мне ничего полезного. Как только я оказываюсь в безопасности, он захлопывает за мной дверь и обходит машину, садясь на водительское место. Я вижу, как мускулы на его челюсти подрагивают, будто он так же зол, как и Аполлон, когда тот увидел мою почти пустую квартиру. Не дожидаясь Аполлона и Джейса, Вульф заводит двигатель, и машина с визгом шин срывается с места. Мы едем прочь от Вест-Фолс, возвращаясь в центр города.

Я облизываю губы, пораженная металлическим привкусом на языке. Понимая, что на моем лице осталась *кровь* того человека, я пытаюсь перебороть истерику, вытирая рот тыльной стороной ладони. Я плюю на рукав и тру им кожу до тех пор, пока участок моей толстовки не окрашивается в розовый цвет. Вульф молча протягивает мне бутылку с водой. Я жадно выпиваю сразу половину. Прохладная вода снимает жжение в горле.

– Вульф...

– Лучше молчи! Я нахожусь примерно в двух секундах от того, чтобы сорваться на тебе! – он набирает скорость, с визгом шин заворачивает за угол, а затем останавливается перед моим домом.

Вульф поворачивается ко мне, и я вижу беспокойство, мелькающее в его зеленых глазах. Он протягивает руку, чтобы убрать что-то с моей щеки, я сразу представляю, как ужасно выгляжу. Мое лицо в крови, а возможно, в чем-то еще, например, в мозгах того парня. Мой желудок начинает бунтовать, и я сдерживаю нахлынувшую на меня паническую атаку, пытаюсь не позволять ей взять надо мной верх.

Вульф выходит из машины и, открыв мою дверь, помогает выйти мне. Не знаю, нуждаюсь ли я в его поддержке, но он снова обнимает меня за талию и берет часть моего веса на себя, помогая зайти в дом, а затем подняться к двери моей квартиры.

– Дверь заперта, а свои ключи я оставила в библиотеке.

– Как же я ненавижу этих чертовых Титанов! – восклицает он, издав перед этим недовольный стон. – Вот же жалкие засранцы!

Отпустив меня, Вульф достает из кармана тонкие металлические стержни, в которых я угадываю отмычки. Он вставляет их в замок, и моя дверь распаивается всего через несколько секунд.

– Вульф... – начинаю я, но он буквально загоняет меня внутрь, а затем направляется напрямиком в мою спальню.

– Вульф, – хмурясь, я снова пытаюсь задать ему вопрос.

– Прекрати болтать, – вновь перебивает меня он. – Титаны, Кора? Ты ходила к гребаным Титанам? – кричит он и, достав спортивную сумку из моего шкафа, бросает ее на матрас. – Собирайся.

Я упираю руки в бока.

– Еще чего! Ты собираешься читать мне нотации, а потом отдавать непонятные приказы?

Он подходит ближе, останавливаясь всего в нескольких дюймах от меня.

Я мысленно возвращаюсь в темноту «Олимпа» и к электричеству, которое пробежало между нами. К моим щекам приливает жар, и я пытаюсь отогнать это воспоминание. Я не могу сразу перейти от картин того, как мне чуть не отрезали палец, и как передо мной умирал человек, к мыслям о поцелуе с Вульфом. Ни в коем случае. Скорее всего, виной этому шок. Просто мой мозг не в состоянии справиться с ситуацией, поэтому я переключаюсь на что-то еще.

– Ты собираешь вещи, потому что явно представляешь опасность для самой себя, – его тон низкий и убийственный. – Ты собираешь все, что тебе нужно, и идешь со мной – или я заберу тебя в том, в чем ты сейчас. – Он скользит по мне взглядом. – Не думаю, что ты хочешь продолжать носить эту одежду.

Видимо, он имеет в виду кровь на моей толстовке.

– Ты хочешь сказать, что у меня нет выбора?

– У тебя всегда есть выбор, – пожимает он плечами. – Только вот варианты тебе могут не понравиться. В любом случае он сводится к тому, собираешь ты вещи или нет. Идешь со мной или рискнешь остаться. Возможно, Кронос пошлет за тобой кого-нибудь другого. Они вломятся в твою квартиру так же, как это только что сделал я, и пустят тебе пулю в лоб, пока ты спишь, или возьмут... Все, что он хочет взять от тебя.

Мгновение мы пристально смотрим друг на друга, и кажется, что выбор очевиден, хочу я этого или нет. Мысль о том, что один из людей Кроноса может проникнуть сюда так же легко, как Вульф, приводит меня в ужас, и он это знает. Он знает, что в прошлом кто-то причинил мне боль, и именно поэтому так сильно давит на меня. Но какого черта он заботится обо мне? Это загадка, которую я собираюсь разгадать позже.

Я первая прерываю зрительный контакт и, взяв сумку, отношу ее к шкафу, быстро закинув в нее одежду, которая может мне понадобится. Я не знаю, как долго мне придется отсутствовать в своей квартире. Вероятно, пока все не уляжется. А это может занять недели, хотя я очень надеюсь, что не дольше.

Закончив собирать одежду, я иду в ванную комнату, не обращая внимания на то, как Вульф прислоняется к стене. Запираясь изнутри, я бросаю сумку на пол и позволяю себе расслабиться. Но, вопреки ожиданиям, несмотря на то что мои глаза просто горят, слезы из них не текут. Я видела, как умер человек, как Кронос выстрелил в него, будто это ничего не значило. Я просто осматриваю себя в зеркале, и мне кажется, что девушка в отражении – это не я. На моем лице пятна крови, которые я пропустила, вытирая лицо толстовкой СФУ. Я беру полотенце и мочу его водой, чтобы протереть кожу, пока она не становится чистой. Я борюсь с желанием снять с себя рубашку и встать под обжигающе горячий душ. Только он сможет избавить меня от мурашек, но я не могу представить себе, что произойдет с Вульфом по другую сторону двери. Отбросив полотенце, я неохотно собираю свои туалетные принадлежности, беря самое необходимое. Косметичку, средства для умывания.

Не слишком ли много я думаю об этом?

Ручка запертой двери дергается, а затем дверь открывается внутрь. Вошедший Вульф оценивающе смотрит сначала на меня, а затем на окровавленное полотенце в раковине.

– Ты в порядке?

– Просто отлично, – я застегиваю молнию на сумке и вешаю ее на плечо. – Я готова, но не думай, что я этому рада.

– Поверь мне, цветочек, – ухмыляется он, забирая у меня сумку. – Никто не решит, что ты рада.

Я хмурюсь и окидываю прощальным взглядом свою квартиру. Мой ноутбук и тетради до сих пор находятся в библиотеке, где их оставил уже мертвый охранник. Возможно, мои вещи найдены кем-то или похищены. В горле образуется комок, который не получается сглотнуть ни когда я закрываю дверь своей квартиры, ни когда сажусь обратно в машину Вульфа.

На этот раз мы бесшумно едем по темному городу, пока не добираемся до их гигантского дома. Я поражаюсь деталям, которые упустила из виду, когда была здесь в прошлый раз. Таким, как статуя в центре фонтана, цветочные клумбы, обрамляющие переднее крыльцо с колоннами наподобие тех, что украшают фасад «Олимпа», но практически не дают тени или защиты от дождя.

Вульф заезжает в гараж и глушит двигатель машины.

– Не надо... – говорит он, на мгновение прикусывая зубами нижнюю губу, когда я бросаю на него взгляд. – Не принимай близко к сердцу ничего, что он говорит.

– Кто? Джейс? – удивленно спрашиваю я.

– Или Аполлон.

– Или ты?

– Ты вела себя глупо, – его глаза сужаются.

– Как ты и советовал, я не принимаю твои слова близко к сердцу, – я приподнимаю бровь. – А ты был знаешь кем? Ладно, забудь, черт возьми.

Я выхожу из машины и беру свою сумку. Позже я выясню, где они собираются устроить меня на ночь, а прямо сейчас я просто хочу быть подальше от Вульфа.

Однако это место похоже на лабиринт. Коридор из гаража ведет мимо открытых дверей затемненных комнат, по которому я петляю, пока не нахожу огромную открытую кухню. У одной стороны широкого острова стоит Аполлон и рубит что-то зеленое, а Джейс сидит с другой стороны на табурете. Его взгляд прикован к чему-то, что лежит у него на коленях, и какое-то время я изучаю его из тени коридора.

Мой желудок вновь издает несвоевременное урчание, и Джейс поднимает взгляд. Теперь в нем видны эмоции.

– А вот и звезда этого дня.

Аполлон тоже поворачивает голову в мою сторону.

– Ты убил Кроноса?

Джейс встает и кладет на столешницу мой рюкзак, а его ремни падают в опасной близости от ножа Аполлона, но это не мешает Джейсу расстегивать молнию и медленно вытаскивать мои вещи.

– А ты хотела, чтобы мы его убили?

Он достает ноутбук со шнуром для зарядки, два блокнота, тонкий пенал с ручками, калькулятор... А я продолжаю держаться в тени, пока он вторгается в мою личную жизнь. Интересно, собирается ли он сделать то же самое с вещами в моей спортивной сумке.

– Удовлетворил свое любопытство? – наконец спрашиваю я.

– Я только начал, – качает он головой, прикасаясь к каждому предмету по отдельности.

– Джейс, – произносит Аполлон себе под нос.

– А я и не подозревал, что наша девочка-невидимка была такой гребаной идиоткой, – гнев Джейса сильнее, чем у Вульфа, это видно по тому, как он сжимает кулаки и опирается костяшками на столешницу.

Это впечатляет – наблюдать, как он закипает, но изо всех сил пытается взять себя в руки. Впечатляет и пугает.

Я бросаю свою спортивную сумку на пол и выхожу из тени.

– Как будто ты оставил мне другой выбор.

– Конечно, нет, – смеется он.

– Ты уничтожил мой единственный шанс на будущее, – я сжимаю кулаки.

Я не люблю насилие, но мне никогда не хотелось ударить кого-то больше, чем я хочу ударить сейчас его.

– Что заставило тебя это сделать? Почему ты должен был забрать у меня все?

– Тебе не следовало приезжать в Стерлинг Фолс, – он пристально смотрит на меня и качает головой.

Он невозможен.

– Мы не знаем друг друга, – я издаю глухой смешок. – Что дает тебе право...

– Давай внесем ясность! – он вторгается в мое личное пространство, и мое сердцебиение тут же учащается.

Он достаточно близко, чтобы дотронуться до меня, а я плохо подготовлена к тому, что тогда может произойти, и моя кровь кипит.

– Этот город – мой. Банда, к которой ты прибежала с распростертыми объятиями, – наш враг. В каком университете ты учишься? Ты знаешь? Им управляют слабые дураки, которые подчиняются тому, кто больше платит. Не думай, что хотя бы копы чем-то отличаются от них. Стерлинг Фолс коррумпирован, и ты наткнулась на волчье логово. Но вместо того, чтобы разжевать тебя и выплюнуть... – он обходит вокруг меня. – Мы отпустили тебя, дали шанс тебе уйти. Я дал тебе возможность уйти.

– Коррумпированный город? – повторяю я, поворачиваясь, чтобы держать его в поле зрения. – Но это...

– Преувеличение? Ложь?

Мне не нужно было видеть, как Джейс сражается на ринге, чтобы узнать, как это происходит. Я ясно вижу в нем повадки хищника, но теперь его внимание приковано ко мне, и мои инстинкты подсказывают мне бежать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Он движется мне навстречу, и я отступаю назад, пока не наткнулась на стену, но он все еще продолжает подходить.

– Это правда, – говорит он мне на ухо. – Потому что это мы его испортили.

Ложь, это должно быть ложью.

– Он прав, – раздается голос Вульфа из коридора позади меня.

Он проходит мимо к холодильнику и открывает его.

– Эти банды были на пути к гражданской войне, пока не появились мы и не собрали все воедино.

– И мы единственные, кто не дает этому городу развалиться, – добавляет Аполлон. – Пока мы сами не захотим, чтобы он разрушился.

Я не знаю, могу ли доверять этой информации. Они не намного старше меня и хотят, чтобы я поверила, будто они держат Кроноса, остальных главарей банд в этом городе, колледж, правительственных чиновников и полицию за яйца? Его слова слишком пафосны. Как могут трое мужчин справиться с двумя бандами и городом, полным коррумпированных чиновников? Если все так плохо, как они говорят, то у них нет ни единого шанса. Заставить какую-то девушку исчезнуть на бумаге – это одно. Одна маленькая деталь. А разрушение целого города – это совсем другое.

– Ты говоришь о слишком больших ставках, – я отодвигаюсь от Джейса, чтобы встретиться с его холодным взглядом.

Все в нем кажется застывшим, вплоть до голубизны его глаз. Или его холодность зародилась именно там, а потом медленно распространилась на все остальное.

– Так что же я могла изменить?

Джейс дотрагивается до пятна на моей толстовке, которая почти высохла, но еще час назад была пропитана кровью, и, зажимая ткань, растирает ее между большим и указательным пальцами. Это движение настолько шокирует, что я замираю.

– Это могла быть твоя кровь, и какая это была бы жалость, Кора Синклер, – от его тихого голоса я вся дрожу. – Что касается того, что ты можешь поменять, – это знаем только мы. Но, возможно, однажды ты это поймешь.

Глава 9

Кора

Мы с Вульфом расположились на разных сторонах Г-образного дивана. Я обнимала лежащую у меня на коленях подушку, Джейс молчал, а Аполлон, сидящий в глубоком кресле ближе всех ко мне, вместе с Вульфом вытягивал из меня рассказ о том, как я связалась с Титанами.

– Он сказал, что погасит твой долг, если ты украдешь маску?

Эти двое по очереди сдержанным тоном задавали мне вопросы, а я медленно, кусочек за кусочком, рассказывала им все, что со мной происходило. И теперь я чувствую себя будто бы голой. Я впервые раскрыла свои секреты, и они не распяли меня за мой выбор. Я киваю один раз, молча отвечая на единственный вопрос от Джейса. Сейчас я чувствую себя глупо, ведь я наивно полагала, что Кронос собирался простить мой долг в обмен на маску.

– Твоя подруга дала тебе ту маску, в которой ты была? – спрашивает Вульф.

Он выглядит самым непринужденным из всех нас.

– Да.

– Интересно, – хмурится Джейс.

– Наверное, она бывала в «Олимпе» раньше. – Вульф бросает взгляд на Джейса.

– А что такого? – наклоняюсь я вперед. – Она моя лучшая подруга и не сделала бы ничего, что могло бы причинить мне боль.

– Она просто нарисовала у тебя на спине мишень, – вздыхает Аполлон. – Ты больше не видела мужчину, который преследовал тебя до квартиры?

Я очень хочу спросить его, *почему* цветочная маска стала мишенью у меня на спине, но его быстрый второй вопрос не дает мне такой возможности.

– Это, безусловно, объясняет твою первую реакцию на тот бой, – размышляет Вульф. – Ты напряглась, когда я сказал тебе, что один из бойцов был Титаном.

Я игнорирую его и отвечаю на вопрос Аполлона:

– Я не знаю. По-моему, я вообще не видела его раньше. Возможно, мы встречались в баре, просто я...

– Не обратила внимания, – фыркает Джейс. – Конечно, ты хуже ребенка.

– А ты хуже тирана, – огрызаюсь я. – Я не просила тебя о помощи.

– Конечно, нет, что ты. Ты просто хотела, чтобы Кронос убил и тебя тоже, да?

Я стискиваю зубы.

– Он не собирался убивать меня.

– Да, он собирался убить только того парня и сделать тебя свидетельницей, – смеется он. – Ты такая чертовски наивная.

– Я отлично справлялась...

Аполлон встает, прекращая тем самым нашу зарождающуюся ссору, и бросает взгляд сначала на Джейса, а потом на меня.

– Ты находишься в режиме выживания! Ты ворует еду или пропускаешь приемы пищи. Спишь на матрасе, лежащем на полу. Твои шкафы пусты, как и вся твоя квартира.

Я не отвечаю на его гневную тираду и крепко прижимаю к себе подушку, пока Аполлон продолжает говорить, но уже тише:

– Я знаю, каково это, Кора.

После этих слов, которые он произнес уже дважды, мое любопытство разгорается с новой силой. Моя потребность в знакомстве с этими парнями меркла перед лицом остального происходящего со мной дерьма, но тогда мне на секунду захотелось

знать об Аполлоне больше. Я хочу знать его историю, хочу знать, что заставляет его понимать эту часть меня.

– Хватит об этом, – голос Джейса звучит так, будто ему тысяча лет.

Он хватается пульт от телевизора и включает его, щелкая каналы. Он не обсуждает с другими варианты того, что можно посмотреть, а просто молча выбирает что-то. Аполлон уходит на кухню, а Вульф занимает кресло, которое тот только что освободил.

Я считаю до десяти, а затем откладываю подушку в сторону и поднимаюсь на ноги. Я направляюсь из гостиной на кухню, где вижу Аполлона, стоящего спиной ко мне. Я открываю рот, но тут же закрываю его, горя желанием извиниться. Должна ли я?

– Ты почти такая же молчаливая, как Вульф.

Аполлон оглядывается через плечо, а затем наклоняет голову, приглашая меня присоединиться к нему. Подойдя ближе, я вижу, что он держит в руках упаковку мороженого и ложку. Достав еще одну ложку, он передает ее мне. Я наклоняюсь, и моя рука касается его руки, когда я зачерпываю немного темно-розового, почти фиолетового мороженого. Должно быть, это ежевика или вишня с шоколадной крошкой. Я отправляю ложку в рот, закрываю глаза и улыбаюсь, когда на моем языке раскрывается вкус ежевики.

– Я не пробовала такого вкусного мороженого с тех пор, как была ребенком.

На поверхность пытаются всплыть странные воспоминания, в которых я – неуклюжий четырехлетний ребенок, и я бегаю по дому с рожком мороженого, таящим и стекающим по моим пальцам. Я прячусь в шкафу с украденными сладостями и хихикаю, обнаруживая свое укрытие.

Я качаю головой, пытаюсь отогнать эти воспоминания, потому что детство в моем сознании всегда было запутанным. Я никогда не могла понять смысл моих воспоминаний и отличить их от плодов воображения. Даже сейчас я не могу сказать, от кого я пряталась и в чьем доме это происходило. Возможно, я просто это выдумала.

– Зачем ты пошла к нему? – наконец спрашивает Аполлон. – Пробыв в этом городе всего две секунды, можно понять, что здесь есть плохие люди.

Я запрыгиваю на кухонный остров, дочиста облизываю ложку и бросаю ее в раковину, потому что мой аппетит пропадает.

– Я не знала, что он из Титанов. Думала, что он просто обычный кредитор.

Аполлон хмыкает.

– Он пытался предостеречь меня, но... – я пожимаю плечами. – Я была полна решимости продолжать учиться.

– Несмотря на то, что не могла себе этого позволить? – он встречается со мной взглядом.

– Я бы могла себе это позволить, если бы работа, которая была у меня в кармане, внезапно не уплыла из моих рук. Я просто хотела добиться в жизни большего, чем то, что я могла бы получить дома. И моя стипендия не просто этому способствовала. Это был полноценный шанс учиться в университете мечты.

После моих слов на лице Аполлона явно читается сожаление. Что ж, по крайней мере, он чувствует себя немного неловко. Хотя никто из них не извинился и даже не объяснил, *почему* они это сделали.

– В моих волосах кровь, – спрыгивая с острова, я произношу слова, которые, как я думала, не произнесу никогда. – Ты не мог бы показать мне, в какой комнате мне остановиться? Если, конечно, это не было большой шуткой.

– Это не так, Кора, мы хотим, чтобы ты осталась здесь.

Но почему?

Аполлон ведет меня на второй этаж, к последней комнате слева по коридору.

– Вот, – он толкает дверь и отступает в сторону.

Зайдя в комнату, я включаю свет и пытаюсь сдержать свой шок. Эта просторная светлая комната даже больше, чем моя квартира. Хотя ее цветовая гамма мне не подходит. Слишком много зеленого. Стены в ней мятного цвета, кровать, на которой уже лежит мой скудный багаж, застелена белым пуховым одеялом, а подушки расшиты цветами в тон стен. В комнате четыре огромных окна. Два на левой стороне и два на правой. На левой стороне между окнами стоит настоящий камин.

Я испытываю огромное облегчение, когда вижу, что открытая дверь в комнате ведет в ванную, а еще одна – в гардеробную. Ковер, на котором стоит кровать, украшен зелеными, белыми и золотыми узорами, а единственной необычной вещью здесь мне кажется стена с

книжными полками между окнами на правой стороне. Полки почти пусты, за исключением нескольких классических произведений, поставленных на них будто специально. Внезапно у меня возникает желание купить одно или два растения в горшках, которые хорошо бы смотрелись в этой комнате и даже сделали бы ее более уютной. Такое ощущение, что комната создана для того, чтобы размещать здесь нечастых гостей, но я определенно не гость. Я больше похожа на... нежеланного посетителя.

– В твоей ванной есть полотенца.

– Спасибо, – нервно выдыхаю я.

– Ну, добро пожаловать, – говорит Аполлон, но выражение его лица остается безэмоциональным. – Присоединяйся к нам внизу.

Ни за что.

Я заставляю себя улыбнуться.

– Хорошо, спасибо еще раз.

Аполлон слегка улыбается, а затем закрывает за собой дверь. Я же немедленно поворачиваю замок на ручке, наконец-то оставшись в одиночестве. Я прислоняюсь к белой двери, и мои пальцы тянутся к браслету на запястье, который по-прежнему скрывает клеймо, за что я ему очень благодарна. Я не знаю, как бы отреагировали парни, увидев его, и не хочу это выяснять.

От хандры меня отвлекает телефон, жужжащий в моей сумочке. Я спешу вытащить его и провожу пальцем по экрану, чтобы принять звонок от Марли. Меня охватывает облегчение от того, что это не видеозвонок в «Фейстайм», а затем облегчение сменяется чувством вины.

Впрочем, все к лучшему. Ведь если бы она посмотрела на меня, то сразу вызвала бы полицию и задала кучу вопросов. Хотя вряд ли она удержится от них сейчас.

– Привет, – отвечаю я на звонок.

– Я худшая подруга в мировой истории! – заявляет Марли.

– Нет, это не так.

– Нет, так, – усмехается она. – Я позволила тебе уйти с пляжа одной после того, как Джанет повела себя как настоящая стерва. Нам следовало уйти вместе.

Я закрываюсь в ванной комнате и, положив телефон на тумбочку, ставлю его на громкую связь.

– Нет, все в порядке. Я встретила кое-кого из своих знакомых, и он подвез меня домой.

– Ты только что сказала «он»? Почему я впервые о нем слышу?

Потому что я почти уверена, что он плохой парень.

Только я не произношу этого вслух. Как я могу так поступить с ней.

– Я просто... – я потираю глаза, обдумывая ответ. – Я не уверена в том, что к нему чувствую.

– Что ж, прекрасно. Ты свободна завтра вечером? Мы могли бы вместе поужинать. Я могу принести что-нибудь из еды тебе домой.

Я встречаюсь взглядом со своим отражением в зеркале, понимая, что я все еще дерьмово выгляжу. Я должна заставить исчезнуть застывшее выражение шока в моих широко раскрытых глазах, как и пятна крови на моих волосах. Я уверена, что она в них есть, просто рыжий цвет ее маскирует.

– Я не могу, – отвечаю я. – У меня кое-что запланировано.

– Свидание?

Видимо, придется снова солгать.

– Да, прости.

Она взвизгивает, и этот звук меня коробит. Марли – моя лучшая подруга. И если не думать о том, какие у нее есть друзья кроме меня, мне не следует ее обманывать. Но я не могу рассказать ей какую-то часть произошедшего, не рассказав всего остального. А так я определенно с ней не поступлю. Она всегда говорила о возвращении в Стерлинг Фолс только в позитивном ключе. Если посмотреть на все с ее точки зрения, я понимаю, почему она считает этот город замечательным местом. Она живет в районе колледжа, а ее отец, вероятно, живет в Норд-Фолс, в одном из самых красивых районов города, и ей не приходилось сталкиваться с изнанкой Стерлинг Фолс.

– Ты должна рассказать мне обо всем, – продолжает Марли, а ее голос становится более взволнованным. – Конечно, когда будешь готова. Но ты же будешь готова скоро, верно?

От того, что она рада за меня, я лишь сильнее испытываю чувство вины.

– Договорились?

– Ладно, ладно, – сглатываю я. – Мне нужно идти, я как раз собиралась принять душ.

– Без проблем. Я заканчиваю делать домашнюю работу, а затем снова возвращаюсь в кампус. Просто я хотела позвонить тебе, чтобы проверить, как дела, и извиниться. Вообще-то я сегодня иду на вечеринку в одно из студенческих братств. Хочешь пойти со мной?

– Нет, – фыркаю я, и, если бы у меня было пять центов, я бы поспорила, что она ухмыльнулась моему ответу.

– Когда-нибудь тебе стоит попробовать, – говорит она. – Не забывай обо мне, если безумно влюбишься, ладно? И если он симпатичный, узнай, есть ли у него брат, – я слышу, как Марли щелкает пальцами. – Ой, кстати, у меня есть презервативы. Они тебе нужны?

– У меня все есть, спасибо.

– Что ж, если что, дай знать. Девушка должна быть готова ко всему.

– Пока, Мар.

– Люблю тебя.

Как только наш разговор обрывается, моя улыбка исчезает. Я включаю душ и медленно раздеваюсь. Мое тело болит, но я стараюсь об этом не думать. Внесите это в список и подшейте в папку с делами, с которыми я собираюсь разобраться когда-нибудь потом.

А пока мне нужно просто продолжать жить дальше. Это не первый раз, когда я попадаю в ситуации, кардинально меняющие мою жизнь, и, судя по моему послужному списку, этот раз далеко не последний. Научилась ли я чему-нибудь? Я просто выживаю, и мне нужно пережить сегодняшний день.

О завтрашнем дне я буду беспокоиться, когда он наступит.

Глава 10

Аполлон

Я бросаю распечатанные фотографии с камер видеонаблюдения в огонь. Теперь, когда Кора Синклер присоединилась к нам, мы должны уничтожить чертовы улики.

Меня впечатляет, что у нее не только был план, но она еще и реализовала его. И даже почти сбежала. Ей удалось пройти весь путь до входных дверей «Олимпа» с маской Джейса на бедре. На что еще она способна? Так что мы не будем рисковать.

Вульф смотрит на меня, без особого энтузиазма роясь в коробке с USB-накопителями. Информация на них зашифрована особым кодом, который создали мы сами. Вульф проводит пальцем по краю одного из них, а затем подключает его к своему ноутбуку.

Джейс такой Джейс! Иногда я его ни хрена не понимаю.

– Что? – огрызается Вульф, замечая, что я смотрю на него. – Черт, у тебя какое-то странное настроение.

– Когда ты увез ее отсюда, ты высадил ее у СФУ? Не поднимался в ее квартиру?

Я поднимаю брови, будучи неуверенным, злюсь ли я на то, что он не довел дело до конца, или я злюсь на всех нас? Я не собирался ничего говорить, но раз уж он хочет затеять этот спор...

– Ты вообще не заглядывал в ее квартиру?

Он наклоняется вперед и берет из стопки одну фотографию. Затем смотрит на нее некоторое время, наморщив лоб.

– Я соблюдал границы.

Мы слишком долго были друзьями, чтобы не понимать, что каждый из нас имеет в виду.

– А ты, кажется, слишком привязываешься, – наконец бормочет он, и я издаю звук отвращения.

Кора надежно закрыта в своей комнате, хотя я сомневаюсь, что она заметит, что ее дверь запирается еще и снаружи. Один из нас откроет ее утром, прежде чем у нее будет возможность это обнаружить. По нашему дому валяется слишком много компрометирующих вещей, чтобы позволять ей бродить без присмотра, пока у нас нет возможности убрать все это подальше. Особенно с учетом того, что теперь мы знаем, что у Кору есть склонность попадать в неприятности.

В гостиную заходит Джейс. Он садится на диван, сердито глядя на темный экран телевизора.

– Ну? – Вульф отставляет коробку в сторону и встает.

– Он такой упрямый, – морщится Джейс.

Она подписала контракт. Я до сих пор вижу ее витиеватую подпись на бумаге, которой Кронос махал перед лицом Джейса сегодня вечером. Самодовольный ублюдок, я никогда не видел лидера Титанов таким взволнованным от того, что у него припрятан туз в рукаве. Ведь это не просто какой-нибудь чертов договор, а еще и нотариально заверенный. Любому судье, даже тому, кто находится у нас в кармане, было бы трудно решить это дело в нашу пользу. Но в целом это просто подчеркивает то, что я знал уже некоторое время, и, судя по кислым выражениям лиц Джейса и Вульфа, которые были у них весь вечер, они тоже это знают.

– Мы отклонились от нашей первоначальной миссии, – говорю я, комкая бумагу в руке и бросая ее в камин.

– Уже давным-давно, – смех Вульфа звучит глухо.

– Но если бы мы этого не сделали, нас, вероятно, здесь бы уже не было, – пожимаю я плечами. – Это наша собственная вина.

Наш план всегда состоял в том, чтобы уничтожить банды этого города, а не стать одной из них. Конечно, мы не совсем банда, но мы сила, с которой нужно считаться, и единственная проблема заключается в том, что никто из нас не хотел такой реальности. Мы лишь хотели отомстить. Хотели возмездия. Но каким-то образом сошли с этого пути.

Мы хотели поставить коррупционеров на колени, а в итоге сами стали частью коррупционного мира. Так что появление Кору стало

своеобразным сигналом к пробуждению.

– Ты прав, – Джейс проводит рукой по волосам. – Мы позволили нашей жадности взять над нами верх.

Когда «Олимп» стал приносить большой доход, и наши другие деловые авантюры увенчались успехом, мы внезапно оказались слишком заняты, чтобы обращать внимание на то, что банды этого города все еще занимаются незаконным дерьмом. Торговлей наркотиками и всем тем, с чем мы хотели покончить на деньги с «Олимпа».

– Голосую за то, чтобы вернуться к цели, – я встречаюсь взглядом с Джейсом, ведь изначально это был его план.

Это он уговорил нас с Вульфом участвовать в этом чертовом крестовом походе.

– Нам нужно перестать валять дурака.

– Отец убьет нас, если узнает, что мы снова собираемся вернуться к своему плану, – вздыхает Вульф.

Цербер Джеймс – отец Вульфа и лидер Адских гончих – еще одна причина, по которой наш план не был осуществлен. Он узнал о нем и пригрозил убить всех, кто дорог Вульфу. Конечно, список этих людей был невелик, но этой угрозы было достаточно, чтобы мы отклонились от плана. Добавьте к этому то, что его угроза дошла до Титанов, и они знали, что Цербер больше не будет защищать Вульфа. Поэтому у моего лучшего друга на спине появилась огромная мишень. В большинстве мест города он был в безопасности, но если его поймают в Вест-Фолс на территории Титанов... Они ничего не хотят так сильно, как отослать голову Вульфа его отцу.

– Мы все равно должны это сделать, – Джейс встает с дивана и берет еще одно фото, проводя пальцем по лицу на нем.

Когда мы впервые встретились с Корой и гнались за ней по лесу, было темно. Но я понимаю, что ее рыжие волосы делают ее чертовски заметной, а кольцо в носу просто еще одна деталь, которая выделяет ее из толпы. Несмотря на незначительные изменения в ее внешности, мы сразу узнали ее, как только она появилась в «Олимпе» в цветочной маске Персефоны.

С самого начала мы с Вульфом были рады позволить Джейсу взять на себя роль Аида, но ситуация вышла из-под контроля. Девушки, желающие завоевать расположение Джейса, надевали маску

Персефоны – богини, которую Аид похитил и утащил в подземный мир, чтобы жениться. Поэтому мы запретили носить маску Персефоны и вышвыривали из «Олимпа» всех, кто надевал ее. Мы пригрозили людям тем, что они не знают, насколько серьезно мы подходим к этому вопросу и как далеко можем зайти, если увидим на ком-то эту маску. Страх сделал свое дело.

Но это было до Кору.

Фотографии, которые мы рассматриваем, были сделаны на прошлой неделе в кампусе университета Стерлинг Фолс. На них Кора кажется мрачной и сильно похудевшей с тех пор, как мы впервые с ней встретились. Я ненавижу чувство вины, которое ложится на мои плечи, когда я смотрю эти фото. На всех них она кажется напряженной, будто в любой момент ожидает нападения.

Мы намеревались уничтожить банды этого города, а вместо этого уничтожили эту девушку. Но мы хотели совершенно не этого.

Мои мысли возвращаются к воспоминаниям о том, через что прошла моя сестра. Мне приходится прилагать усилия, чтобы оставаться в настоящем. Спасение Артемиды от решений моего отца было одной из худших вещей, которые мне приходилось делать. Она не любит распространяться об этом так же, как и я, но теперь, когда мы причинили Коре боль, тяжесть когда-то принятых решений давит на меня снова.

– А Кора?

Это наша вина, что она здесь. Даже если к краю пропасти ее подтолкнуло собственное упрямство. Мы приступаем к реализации нашего плана, но кто знает, сколько людей видели ее с нами после нашей небольшой демонстрации силы в «Спуске», баре Кроноса. Поползут слухи, что у нас есть слабость. Просто то, что мы коррумпированы, не значит, что мы непогрешимы.

– Она... – Джейс хмурится, складывая фотографию и засовывая ее в карман. – Она поставила на кон свою жизнь, расписавшись в том договоре. И пока мы не найдем рычаги воздействия, чтобы убедить Кроноса отказаться от него, она будет в опасности.

Вспышка ярости застает меня врасплох. Я вскакиваю на ноги, злясь на себя за то, что позволил эмоциям завладеть мной даже на долю секунды.

– Мы должны были просто убить его, – я повышаю голос на Джейса.

– Ты же знаешь, что мы не можем его тронуть.

Ох уж эти правила. Кронос мертвой хваткой держит в руках те части города, которые были бы счастливы сокрушить нас, если бы мы выступали непосредственно против него. Все очень запутано, а мы стали слишком беспокоиться о посторонних людях. На самом деле все не так просто, и мы не можем просто убирать с нашей дороги лидеров банд. Отрежь одну голову – и отрастут еще две.

Я выбегаю из комнаты и спускаюсь в наш домашний тренажерный зал. Я знаю, что со мной не так. Мне очень хорошо знакомо то, что людей в Стерлинг Фолс можно купить, и мысль о том, что кто-то другой может контролировать ее, сводит меня с ума.

Контроль.

Это то, что мне нужно, то, в чем я преуспеваю ментально и физически.

Мое сердце бешено колотится, а на коже выступает липкий пот. Эта реакция – чистой воды эмоции, но с ними поможет справиться простая пробежка.

Что касается Кроноса... он умрет за то, что сделал.

Глава 11

Кора

– Вы, должно быть, шутите? – когда я нажимаю на ручку, дверь дребезжит, но не поддается.

Они заперли меня в комнате.

Я колочу в дверь, едва сдерживаясь от того, чтобы начать кричать. Если еще прошлой ночью я не чувствовала себя здесь заключенной, то сейчас это определенно изменилось. Поддавшись порыву, я хлопаю ладонями по окрашенному дереву. От внезапного выброса адреналина мое тело охватывает дрожь, а клаустрофобия сжимает тонкими пальцами мои легкие.

– Эй, выпустите меня! – я так чертовски зла, что мне требуется время, чтобы понять, что только что снаружи щелкнул замок.

Внезапно дверь открывается внутрь, и я отступаю назад, чтобы избежать столкновения.

– Ты в порядке? – в комнату, ухмыляясь, входит Вульф.

Он смотрит на меня, и я замечаю, что сегодня на его щеках больше щетины, чем раньше. Это придает ему плутоватый вид. Я делаю шаг вперед и пытаюсь оттолкнуть Вульфа от дверного проема, но как только мои ладони прикасаются к его груди, я чувствую, как лицо начинает пылать. Под напором моей внезапной атаки Вульф делает шаг назад, но потом хватает меня за запястья так, что у меня не

получается вырваться из его рук. Его темные, влажные после душа волосы падают на зеленые глаза, и ко мне возвращаются воспоминания о нашем поцелуе в «Олимпе».

Вульф тянет меня вперед, и я практически падаю на него, что позволяет ему заломить мне руки за спину, прижимая их к позвоночнику. Его ухмылка становится шире, превращаясь в оскал.

– Доброе утро.

Я молчу и свирепо смотрю на его лицо.

– У тебя крепкие легкие, только пока я не ставлю тебя в компрометирующее положение? – комментирует он мое молчание. – И это все?

– Отпусти меня! – дергаюсь я, но его хватка только усиливается.

Он отпускает одну руку, продолжая другой крепко держать оба моих запястья. Пальцами свободной руки он проводит по моему лицу, и я замираю, не уверенная в том, что он собирается делать. Он будет сжимать мою челюсть, пока не появятся синяки? Задушит меня? Или, возможно, заставит опуститься на колени?

– Видишь, – говорит он тихо, – на твоём лице прочно сидит маска девушки с тайнами. Я видел настоящую тебя только тогда, когда смотрел в твои глаза сквозь отверстия в картонной маске, которая была у тебя в «Олимпе».

– Это потому что я думала, что с тобой я в безопасности, – говорю я, прищуривая глаза, и отворачиваюсь.

– А что, разве это не так? – Он отпускает меня, будто я его обидела.

– Ты запер меня в этой комнате, – я отступаю назад и массирую запястья, касаясь застежки браслета большим пальцем, чтобы убедиться, что он еще на мне. – Я бы не стала бродить по дому.

– Мы не хотели рисковать. В конце концов, ты маленькая воровка. И куда это ты собралась? – говорит он, увидев, что, прежде чем колотить в дверь, я успела принять душ и одеться.

Последнее, что мне нужно, – это столкнуться с кем-нибудь из них в пижаме.

– Вообще-то у меня занятия.

– А, ну да, – он приподнимает бровь. – Тебе же не хотелось бы тратить впустую деньги, за которые ты продала свою душу.

Я вздрагиваю от его жестоких слов.

– Мне нужно позавтракать, прежде чем мы уйдем, – вздохнув, он поворачивается и жестом приглашает меня следовать за ним.

Взглянув на часы на своем телефоне, я переминаюсь с ноги на ногу.

– Полагаю, у меня есть немного времени, пока ты поешь.

– Тебе нужно поесть самой, пока ты совсем не зачихала.

Тьфу.

Мне ненавистна даже мысль о том, чтобы взять у них что-то еще, но мой желудок вновь издает несвоевременное урчание, и до меня доносится смех Вульфа. Я следую за ним вниз по лестнице, и мы заходим на кухню, где я сажусь на место, на которое он указывает. Приготовив кофе, Вульф пододвигает мне кружку с ложкой, а затем достает из холодильника бутылочку со сливками. Как только я добавляю их в свой кофе, он забирает бутылку обратно и наливает немного себе в кружку, а потом взбалтывает, прежде чем поставить на стол.

– Где все? – спрашиваю я.

– Все? – он удивленно смотрит на меня. – А я что, пустое место?

– Ты знаешь, кого я имею в виду, – Аполлона и Джейса.

– У каждого из них есть свои, более важные, дела.

– Итак, ты подрабатываешь няней? – фыркаю я.

– Неужели это так плохо?

– После нашего последнего разговора? – я пожимаю плечами, грызя ногти. – Я не думала, что ты вообще захочешь иметь со мной что-то общее.

– Между нами произошло небольшое разногласие.

– Потому что ты сказал, что я глупая и...

– Ты обратилась к главарю Титанов за деньгами, которые не смогла вернуть. О да, это было чертовски глупо! – закатывает он глаза. – Но мы делаем все, что в наших силах, чтобы вытащить тебя из этой ситуации, ясно? Так что, пожалуйста, давай просто не будем говорить об этом, Кора. То, что мы поссорились, не значит, что я тебя ненавижу.

Отставляя свой кофе, я наблюдаю за тем, как Вульф выпрямляется и отводит от меня взгляд, но в его глазах появляется напряженность. Он может притворяться безразличным, но я думаю, что на самом деле ему не все равно.

Но почему? Он не похож на мягкосердечного или заботливого человека. Это просто смешно.

Я успеваю сделать всего несколько глотков кофе в тишине, когда Вульф хлопает в ладоши и улыбается. Очевидно, пришло время сменить тему. К нему вернулось хорошее настроение, каким бы фальшивым оно ни было.

– Так чего же ты хочешь? Яичницу, бекон, блинчики?

– Все что угодно. – Я озадачена его поведением. – Могу я задать тебе вопрос?

– Если хочешь.

– Кого вы тогда... зарезали?

Вместо ответа он берет ложку из моей кружки и помешивает кофе со сливками в своей. В наступившей тишине я слышу лишь звяканье о керамические стенки. Проходит достаточно времени, чтобы я засомневалась, слышал ли он вообще мой вопрос, но потом он говорит:

– Иногда нас нанимают для того, чтобы устранять шпионящих за Адскими гончими.

Он что, смеется надо мной?

– Мой отец – лидер Адских гончих, – он внимательно наблюдает за моей реакцией на его заявление, делая глоток кофе. – Большую часть времени наши отношения с ним нельзя назвать хорошими. На самом деле в девяносто девяти процентах случаев они ужасны, особенно с тех пор, как несколько лет назад мы ушли из Гончих. Но он все равно время от времени подбрасывает нам кость.

Он ухмыляется своему каламбуру.

– Но Аполлон той ночью просто зарезал парня... – я пристально смотрю на Вульфа.

– Да, и он это заслужил. Он несколько недель сливал Титанам информацию о бизнесе Адских гончих. Если бы Аполлон не ударил его ножом, мой отец поступил бы гораздо хуже. Скорее всего, он отвез бы этого человека к своему врачу и велел наложить ему швы просто для того, чтобы продлить его страдания. Если на свете и есть что-то, что мой отец ненавидит больше всего, так это стукачей Титанов. – Вульф облакачивается на стойку, смотря на мое лицо. – Расскажешь о парне, который заставил тебя так бояться мужчин?

Паркер – мой бывший парень, оставивший во мне не один след как физический, так и моральный. Он последний человек, о котором я бы хотела говорить, потому что я вырвала эту страницу из книги своей жизни.

Вульф медленно кивает, принимая мое молчание.

– Мы лишь даем людям то, что им причитается. Воздаем по заслугам.

– А что причитается мне?

Он качает головой, допивая остатки кофе, а затем отходит от кухонной стойки.

– Не думаю, что я тот, кто должен отвечать на этот вопрос.

Тогда кто?

– Ты идешь? – спрашивает Вульф, исчезая в конце коридора.

Он явно забыл про завтрак, и я надеюсь, что смогу раздобыть что-нибудь перед занятиями, поэтому, застонав, просто следую за ним. Мы садимся в его машину, и он молча выезжает с подъездной дорожки.

Когда мы выкруливаем на главную дорогу, я рискую посмотреть на его профиль: челюсть Вульфа сжата, и он настолько крепко держит руль, что на предплечье выделяются рельефные мышцы.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Вульф смотрит на меня, а затем возвращает свое внимание на дорогу.

– В полном.

Остальной путь мы едем молча, пока я не понимаю, что мы буквально пролетаем мимо поворота к университету. Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на пропущенный поворот.

– Куда мы направляемся? – требую я ответа. – Я же опоздаю.

– У тебя что, занятия по субботам, цветочек?

– Сегодня пятница, – я прищуриваю глаза.

– Пятница была вчера, – усмехается он. – Сегодня суббота.

Черт, я же действительно вчера ходила на занятия, и это была пятница. Просто я находилась в таком жалком состоянии, ожидая, что вот-вот со мной что-то произойдет, что забыла про дни недели. А сейчас у меня выходной, и я еду в машине с Вульфom... кто знает, куда именно.

– Тебе когда-нибудь казалось, что твоя жизнь проходит будто в замедленной съемке? – вздыхаю я.

– Иногда, – кивает он.

Внезапно я чувствую, как мои глаза наполняют слезы.

Черт.

Я не хочу *плакать*. Только не рядом с Вульфом. Но было бы смешно представить, что я выйду из машины и спрячусь только для того, чтобы дать волю слезам.

– Ты спала? – спрашивает он тихим голосом.

Из-за комка в горле я не могу выдавить слово «нет». Я всю ночь ворочалась в слишком удобной кровати, в незнакомой комнате. Каждый раз, когда я позволяла себе расслабиться, перед моим лицом вставал образ Кроноса с пистолетом в руке или с прутом, которым он поставил на мне клеймо.

Пока я не могу связно говорить, я ограничиваюсь тем, что качаю головой, и рука Вульфа внезапно скользит в мою. Кожа на его пальцах мозолистая и грубая, но прикосновения нежные. Он переплетает наши пальцы и сжимает мою ладонь.

– Ты больше не пересечешься с Кроносом, – уверяет он меня. – Мы работаем над этим.

– Большой и могущественный Аид не смог спасти меня от этого придурка?

Свободной рукой я стираю слезы со своих щек и делаю глубокий вдох. Мне просто нужно сменить тему и не думать о Кроносе или о моем долге.

– Ладно, значит, сегодня не будет никаких занятий. Тогда куда мы направляемся?

– Это промышленный район, – оживает Вульф. – Мы встретимся с одним из наших деловых партнеров, а потом позавтракаем.

Я непонимающе смотрю на него. Почему я предполагала, что «Олимп» – их единственный бизнес? Помимо того, что они оказывают услуги Адским гончим. Ведь то, как парни говорят о разращении города, означает, что их сила не может быть сосредоточена только в ночных боях.

Подъезжая к зданию шириной в квартал, Вульф нажимает на кнопку на пульте дистанционного управления, и огромная гаражная дверь поднимается вверх. Мы въезжаем внутрь, и дверь со скрежетом закрывается. Мы оказываемся на каком-то складе, и я смотрю на

штабеля обернутых пленкой поддонов. У дальней стены стоит погрузчик, а сбоку находится офис с огромным стеклянным окном.

– Где это мы?

Вульф выходит из машины и жестом предлагает мне сделать то же самое. Очевидно, что, кроме нас, на этом складе никого нет. Конечно, это логично, учитывая, что сегодня выходной день, но эффект от окружающей меня картины довольно жуткий.

Проходы между стеллажами тянутся так далеко, что теряются в тенях. Холод пробирает меня до костей, и я не могу решиться закрыть свою дверь. Часть меня хочет вернуться в машину и запереться в ней. Я хватаюсь за крышу автомобиля и запрокидываю голову, рассматривая то, что находится наверху. Кажется, мне легче смотреть туда, чем на Вульфа. Надо мной висит каркас из металлических труб. Он свисает прямо под потолком – сотни разных труб для сотни разных применений.

В конце концов я понимаю, что мне пора решаться, и подхожу к Вульфу. Он снова берет меня за руку. Похоже, у него выработался рефлекс.

– Мы контролируем морские доставки, – он смотрит на меня, вновь оценивая мою реакцию на новое признание.

– Мне понадобится немного больше информации.

– Подумай о бизнесе Титанов и Адских гончих. Они занимаются контрабандой наркотиков, плюс их барам и клубам требуется спиртное, чтобы гости были довольны. Они используют крупномасштабные поставки, чтобы завозить оружие и все, что, черт возьми, они пожелают, законно это или нет.

Я киваю в знак согласия с его словами. Стерлинг Фолс изолирован со всех сторон. На востоке его окружают скалы, на юге – гавань, на западе и севере – вода и пляжи. Все остальное – это леса, а ближайший город, Изумрудная Бухта, находится более чем в часе езды отсюда.

– И?

– Мы контролируем пристань и главную дорогу в Стерлинг Фолс, – он постукивает по поддону. – Сразу за чертой города есть контрольный пропускной пункт, который препятствует въезду всем сторонним транспортным компаниям. Их грузы перебрасываются в наши транспортные средства.

– Так вот как вы испортили Стерлинг Фолс? – я прикусываю губу.

Что случилось с моим страхом? Мне не следует быть рядом с ним такой смелой. Но кажется, сегодня мой страх рассеялся.

– Если мне, конечно, позволено об этом спросить, – запоздало добавляю я, и он смеется.

Я удивлена тем, насколько мне нравится этот звук. От его смеха в моей груди рождается какое-то приятное чувство.

– Это был наш способ проникнуть внутрь города, хотя мы не должны были этого делать. Только знаешь, я расскажу тебе об этом в следующий раз, – он ведет меня в кабинет, а позади нас кто-то начинает колотить в дверь гаража.

Вульф указывает мне на стул, стоящий у огромного письменного стола, и ждет, когда я сяду.

– Оставайся здесь.

Я сглатываю и киваю, а он подходит к окну и опускает жалюзи. Кабинет погружается в темноту, и единственный луч света проникает в помещение из маленького стеклянного окошка в двери. Вульф выходит, плотно закрыв за собой дверь. Я слышу, как раздается неприятный звук, когда поднимается дверь гаража. Мне любопытно, кто его партнер, поэтому я подхожу к жалюзи и раздвигаю их пальцами, но никого не вижу, потому что Вульф нажимает на кнопку рядом с дверью, открывая ее ровно настолько, чтобы поднырнуть под нее. В дневном свете мне видны его ноги с парой других ботинок. Они стоят там примерно минуту, а затем Вульф возвращается с конвертом в руке и закрывает дверь. Я отвлекаюсь от окна и сажусь обратно на стул, как раз в тот момент, когда звонит мой телефон.

Мама.

Меня пронизывает беспокойство, и я спешу ей ответить, надеясь, что смогу закончить разговор до того, как вернется Вульф.

– Привет, мам, – с фальшивой радостью приветствую ее я.

Надеюсь, она не видит меня насквозь.

– Привет, Мисси. Вчера вечером мы не созвонились как обычно, – ее голос теплый и совсем не подозрительный.

Но она права, обычно мы общаемся с ней по видеосвязи раз в неделю, когда она готовит ужин. В основном это случается в пятницу, когда я возвращаюсь домой после занятий в библиотеке. Ей нравится быть уверенной в том, что я в безопасности, поэтому звонок по видео – беспроблемный вариант. Конечно, за исключением прошлой ночи,

когда лидер Титанов перехватил меня прежде, чем у меня появился шанс набрать ей. Позже вечером я видела пропущенный звонок по «Фейстайм», но у меня не было сил перезвонить.

Так что я достойна премии «Худшая дочь года».

– Прости, у меня было свидание, – ту же самую ложь я скормила Марли, поэтому с таким же успехом могу продолжать.

– Ой, вот это новость! А ты не говорила мне, что с кем-то познакомилась.

Внезапно дверь открывается, и зашедший Вульф встречается со мной взглядом. Подойдя ближе, он облокачивается на стол, стучаясь ногой о мою ногу. Я выдерживаю его взгляд, прежде чем ответить маме.

– Ну, это было неожиданно, и я не знала, что соглашусь, – отвечаю я, и она вздыхает.

– Я знаю, что для тебя это непросто после всего, что случилось с Паркером, но я горжусь тем, что ты двигаешься вперед.

Неожиданно Вульф забирает телефон у меня из рук и нажимает на кнопку громкой связи. Я запоздало начинаю бороться с ним, но парень поднимает телефон над нашими головами.

– Кора?

Я свирепо смотрю на него, но стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно, когда отвечаю матери.

– Я здесь, прости.

– Тебе никогда не нравилось говорить о нем.

Она имеет в виду Паркера, моего бывшего, который чуть не разрушил мою жизнь. Это еще одна из причин, по которым я в спешке покинула Изумрудную Бухту. Я не люблю не то что говорить о нем – мне не нравится даже думать об этом.

– Конечно, это было тяжело, но все уже в прошлом. Каждый раз, когда я слышу его имя, я переживаю все заново, – в моем голосе появляется хрипотца, и я сглатываю комок в горле. – Но мне нравится в Стерлинг Фолс, здесь я нахожусь подальше от напоминаний о нем.

Вульф смотрит на меня в упор, а я встаю, предпринимая последнюю попытку схватить телефон. Но вместо этого оказываюсь в объятиях Вульфа. Его свободная рука обхватывает меня за талию, придвигая ближе, и он выпрямляется во весь рост, прижимая меня спиной к стене.

Мое тело помнит о его объятиях, и не в плохом смысле. Оно практически жаждет их. Мы стоим слишком близко друг к другу, и телефон оказывается прямо над моей головой. Вульф опирается рукой на стену рядом с моим ухом, и я понимаю, что мне просто необходимо выяснить, что именно вызывает у меня такую реакцию. Ведь сейчас мое сердце будто участвует в бешеных скачках.

Я понимаю, что мама все еще что-то говорит, когда ее голос снова попадает в зону моей слышимости.

– ...надеюсь, этот новый мальчик будет относиться к тебе лучше. Ты же знаешь, что, если тебе будет плохо, ты можешь сказать нам. Если мы тебе понадобится, то мы с папой немедленно приедем в Стерлинг Фолс.

Взгляд Вульфа смягчается, и он медленно опускает телефон обратно между нами.

– Я люблю тебя, мам, мне нужно идти.

– Я тоже тебя люблю. Ой, позвони своему отцу, ему не терпится узнать, как прошел твой тест по химии.

Я нажимаю кнопку отбоя и откидываю голову назад.

Вульф кидает телефон на стол позади себя и ставит вторую руку по другую сторону от моей головы.

– Мама?

Я прикусываю нижнюю губу.

– Тест по химии?

– Я его провалила, – я чувствую, как мое лицо становится пунцовым. – За что, кстати, я виню тебя.

– Правда? – ухмыляется он.

На мгновение Вульф будто задумывается, и улыбка исчезает с его лица.

– Я изучил ту стипендию, которую мы у тебя якобы отобрали, – он качает головой, и я автоматически напрягаюсь. – Прости, цветочек, – Вульф хмурится, легко угадывая мое желание сбежать. – Тебе не избежать этого разговора. Та стипендия... Ты солгала, чтобы получить ее?

– Что? Нет! – я толкаю его в грудь, но он остается неподвижен. – Почему ты спрашиваешь об этом?

– Потому что стипендия была создана для маленьких сиротушек, – он наклоняется и проводит носом по моим волосам, чуть

выше виска. – Предполагалось, что она даст шанс на учебу в университете приемным детям.

– И какого ответа ты от меня ждешь? – я закрываю глаза.

– Просто признай, что ты была воровкой задолго до того, как мы поймали тебя с маской.

Я снова хмурюсь, встречаясь с ним взглядом. Вульф стоит так близко, что для того, чтобы поцеловать его, мне всего лишь нужно приподняться на цыпочки. Но в отличие от ночи боев, сейчас у меня нет такого желания.

Ладно, это ложь.

Я просто не хочу испытывать такое желание, несмотря на то, что маленькая часть меня жаждет грубости, которую он может принести. Мне бы хотелось обхватить руками его горло и узнать, каково это, когда он перестанет дышать. Эта мысль выводит меня из состояния нарастающего гнева. Если я сделаю это, то буду ничем не лучше Паркера.

– Я не воровка! – я стараюсь скрыть свой недовольный вид. – Я получила эту стипендию из-за того, что связана с групповым приютом в Изумрудной Бухте.

– Да ладно? – говорит он с сарказмом, который приторно сладко сквозит в его словах. – Ты была там волонтером по выходным? Приезжала вместе с мамой и папой и жертвовала одежду, из которой выросла...

Внезапно я поднимаю колено, а гнев делает мои движения резкими и быстрыми. Нога попадает Вульфу точно в пах, и я отталкиваю его в сторону, когда он издает громкий стон, сгибаясь пополам.

Хорошо.

Не теряя ни минуты, я выбегаю за дверь и направляюсь на склад, хотя понимаю, что мой план неосуществим. Я могла бы направиться к двери с человеческий рост, которая расположена рядом с гаражной, однако Вульф не пользовался ею, и, должно быть, она заперта. Даже если бы она была открыта, я бы оказалась на незнакомой территории.

Когда у меня перехватывает горло, и ужас начинает подниматься по позвоночнику, я бегу по проходу прочь из офиса.

Обычно я не наношу ответных ударов, ведь волю к борьбе из меня давно выбили, и это первый раз за очень долгое время, когда я

повиновалась своему инстинкту.

Я как-то пыталась бороться с Паркером и оказалась в больнице. Это была одна из первых поездок в отделение неотложной помощи, которая не вызвала никаких тревог у врачей или медсестер. Осознание того, что они верили в его жалкую ложь, сокрушало меня. Людям легче поверить в то, что все в порядке, что девушка сама упала с лестницы или пролила на себя обжигающий кофе, чем думать, что этот очаровательный мужчина, склонившийся над ее больничной койкой, толкнул ее или выплеснул ту чашку кофе на ее тело. Люди так крепко держатся за свои заблуждения, потому что правда вызовет у них кошмары.

Это Марли рассказала мне о стипендии, которая гарантировала получившим ее сиротам бесплатную учебу в СФУ, проезд до Стерлинг Фолс, а также питание и учебники. Требования к кандидатам были очень просты. Они должны были быть из определенного округа, а так как Изумрудную Бухту и Стерлинг Фолс курировала одна и та же служба защиты детей, я имела право претендовать на эту стипендию. Поэтому я написала эссе о своей жизни, и меня выбрали в качестве получателя.

Да, меня удочерили, когда мне было всего шесть, и люди, которых я называю родителями, были моими родителями только последние четырнадцать лет. Они действительно стали моими мамой и папой, поскольку я даже не помню своих настоящих родителей. Так же, как я не помню ни приют, ни детей, с которыми там жила. Единственное, что осталось в моей памяти, – это безнадежность последних месяцев. Как-то безрадостно осознавать, что моя безопасность исчезла по достижении мной шестнадцатилетия.

– Выходи! Выходи, где бы ты ни была! – голос Вульфа эхом разносится по складу, отражаясь от поддонов, стоящих вокруг меня.

Он возвращает меня в настоящее, и я наугад выбираю стопки поддонов, за которыми едва успеваю поместиться. Я не понимаю, почему, если они владеют доставкой, у них на складе накопилось так много дерьма. Неужели это – имущество, изъятое у людей, которые отказываются за что-то платить?

– Кора... – он приближается ко мне, а я приседаю на корточки и молчаливо жду. – Мне нравится играть в погоню.

Мои мышцы напрягаются, но я настолько погружена в свои мысли, что не могу понять: это такая форма выброса адреналина или страх?

– Ты знаешь, что я сделаю, когда поймаю тебя?

Я мельком замечаю его макушку, когда он движется по центральному проходу, минуя ряд, в котором нахожусь я, и крадусь дальше, к двери. Я останавливаюсь, когда моя нога натывается на незакрепленный кусок металла, который со звяканьем падает на пол. Звук получается очень громким.

Дерьмо.

– Что ж, это было громко.

Голос Вульфа раздался настолько близко, что волосы на моем затылке встали дыбом, но я не утруждаю себя повернуться и посмотреть, стоит ли он за моей спиной, а протискиваюсь в следующий проход и бросаюсь бежать, будто от этого зависит моя жизнь. Я возвращаюсь к офису, надеясь, что смогу запереться внутри, но, прежде чем я добираюсь до двери, позади меня раздаются шаги, и руки Вульфа обхватывают меня за талию, останавливая мой побег и отрывая от земли. Я кричу и бьюсь в его руках, не в силах контролировать свою дикую реакцию. Я бью пяткой по его ноге и слышу резкий выдох.

Вульф отпускает меня, позволяя мне встать на пол, и разворачивает лицом к себе, все еще держа свои руки на моих плечах. Мы оба тяжело дышим, и, подняв свои руки, я тоже хватаю его за плечи. На миг мое восприятие происходящего рассыпается.

– Я понимаю, что это была твоя реакция на страх, но, чтобы ты там ни думала, я не собираюсь причинять тебе боль.

Я съеживаюсь. Разве это не стандартная ложь?

Кора, детка, пожалуйста, поверь мне: это был несчастный случай.

Все воспоминания, которые я старалась запихнуть как можно дальше, снова всплывают наружу, и к моему горлу подступает желчь. Глупая маска безразличия сорвана, и я могу себе представить, какой ужас видит Вульф на моем лице. В глазах разгорается огонь, который, как и прежде, побуждает меня проявить слабость. Каждая травма, которую я получила от рук бывшего парня, вновь напоминает о себе, словно ожог.

Вульф прикасается ладонью к моей щеке, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться. Потому что по какой-то дьявольской причине я хочу верить, что Вульф на самом деле не поднимет на меня руку, что он такой же, как Арес, который был таким нежным, когда понял мои проблемы.

– Мне жаль, – сначала его голос настолько низкий, что царапает слух, а потом он внезапно становится выше, будто кто-то щелкнул маленьким переключателем. – Но я знаю, как это исправить.

Вульф улыбается и отпускает меня. Я следую за ним до машины, в которую он садится, оставляя пассажирскую дверь открытой. Перемена снимает напряжение в моем теле, и я резко выдыхаю. Полагаю, дальше выбор за мной: сесть к нему в машину, поверить и довериться – или продолжать притворяться, держась за трескающиеся осколки моей защиты. Лгать себе, что он никогда не сможет проникнуть мне под кожу.

Я киваю своим мыслям и сажусь в эту чертову машину.

Глава 12

Кора

Мы подъезжаем к маленькому невзрачному кафе из разряда «моргни и пропустишь», мимо которых, не раздумывая, проходят туристы. Хотя я полагаю, что это заведение обходят и студенты колледжей. У кафе нет ни вывески над дверью, ни таблички с расписанием работы. Я вижу просто панорамное окно с неоновой надписью «Открыто», мерцающей время от времени, и жалюзи, скрывающими то, что находится внутри. Стеклопанель рядом с окном тоже не дает никаких подсказок. Лишь сломанные жалюзи на ней находятся в постоянном движении, стуча по стеклу и открывая взору грязные пятна от капель ночного дождя или брызг с улицы.

Вульф, похоже, знаком с этим местом и ничуть не встревожен. Он открывает дверь и жестом приглашает меня войти. Внутри нас встречает теплый приглушенный свет и суeta официанток. По крошечному пространству рассредоточилось множество посетителей, собравшись группами или сидя по одиночке. Доносится запах кофе и бекона, отчего у меня урчит в животе. Перед тем как мы отправились в наше маленькое путешествие, я была голодна, но совсем об этом забыла, а теперь голод с ревом возвращается ко мне. Оглядываясь по сторонам, я вижу тарелки, наполненные яйцами, блинчиками, вафлями с фруктовой начинкой, а когда я вдыхаю сладкий аромат кленового

сиропа, мои глаза становятся, наверное, такими же большими, как эти тарелки.

– Пошли, – Вульф шагает по проходу, мимо низкой стойки для завтраков с одной стороны и кабинок с другой.

Несколько столиков у окон и большая часть барной стойки заполнены людьми, поэтому он выбирает одну из дальних кабинок и садится спиной к стене. Кабинка пуста, и у меня такое чувство, что он выбрал ее именно поэтому. Для изоляции – или приватности. Разные названия одного и того же пожелания.

Как только я сажусь за столик, почти сразу же появляется официантка.

– Какой приятный сюрприз, – обращается она к Вульфу.

Официантке, наверное, сорок с чем-то, у нее серебристые волосы, собранные в конский хвост, и маленькие морщинки в уголках глаз.

Женщина достает блокнот из кармана фартука.

– Как обычно?

Вульф улыбается, откинувшись на спинку сиденья и положив на него руку.

– Только для двоих.

Она записывает что-то в блокнот, подмигивает Вульфу и исчезает.

Я пристально смотрю на него и замечаю, что здесь он гораздо более расслаблен, но я не могу сказать, не притворяется ли он. Я чувствую себя напряженной, будто мои мышцы не могут разжаться. Я то и дело поворачиваюсь, прекрасно осознавая, что сижу спиной к двери, и осматриваюсь вокруг.

– Что ты заказал?

– Ты уверена, что ненавидишь сюрпризы?

– Зависит от обстоятельств, – медленно говорю я и поворачиваюсь к нему лицом. – Обычно мои сюрпризы ничем хорошим не заканчивались.

– Тогда, должно быть, это были неприятные сюрпризы.

Ну, в целом, да.

– Когда твоя подруга впервые взяла тебя с собой в «Олимп», это был сюрприз?

Я киваю.

– Ты, кажется, была не в восторге от того, что оказалась там, – усмехается он.

– И что, твое внимание привлек мой «не восторг» или маска, которую мне не следовало надевать?

Я все еще этого не понимаю.

Входная дверь со скрипом открывается, и я оглядываюсь на вошедшего в кафе пожилого шаркающего мужчину в низко надвинутой на лоб шляпе-котелке.

– Конечно, маска привлекла мое внимание, но твои действия его удержали, – вздыхает он. – Садись сюда.

– Зачем?

– Затем, что ты продолжаешь оглядываться назад, будто ожидаешь нападения, – он похлопывает по месту рядом с собой. – Здесь достаточно места для двоих.

Ха.

Я встаю и сажусь рядом с ним, а Вульф не убирает руку с задней стенки кабинки. Но это не самое худшее, особенно теперь, когда у меня есть представление о том, что происходит в кафе, и я хорошо вижу дверь.

Я облегченно выдыхаю.

– Лучше?

– Спасибо, я...

– Кора, ты не обязана ничего объяснять, – его взгляд снова встречается с моим.

– Я приемная дочь своих родителей.

Я просто должна была сказать это вслух. Вероятно, он не заслуживает того, чтобы знать это, но я хочу, чтобы он не думал обо мне плохо.

– Мои родители удочерили меня, когда мне было шесть. Я пробыла в системе меньше года, но в этой стипендии не говорилось, что дети должны оставаться в системе, пока не достигнут совершеннолетия.

– Черт, – он проводит рукой по лицу.

– Единственная вещь, которую я когда-либо пыталась украсть, – это маска, и это было потому, что... – Я поджимаю губы, и Вульф наклоняется ко мне.

– Закончи это предложение, ведь мы оба знаем, что это было не пари.

Потому что клеймо причиняет мне чертовскую боль, думаю я, но не говорю об этом вслух. К счастью, вовремя подросла официантка.

Она появляется с кружками, наполненными кофе, и ставит их перед нами так же, как и стеклянную вазочку, полную пакетиков сахара, и металлический стаканчик для сливок.

– Еда скоро будет готова, – она постукивает по столу. – Вульф, ты не собираешься представить мне свою подругу?

– Нет, – фыркает он.

Она мгновение смотрит на него, а затем уходит.

– Она достаточно взрослая, чтобы быть твоей... – я смотрю на ее спину.

– Кузина, – смеется он. – Со стороны матери. Это моя безобидная родня.

Во мне разгорается любопытство.

– А есть и другая сторона?

– Да, – он наклоняется еще ближе, пока его губы не оказываются возле моего уха. – Мой отец – лидер Адских гончих, – напоминает он, и его рука, которая до этого лежала у меня на плечах, скользит вниз, и его ладонь сжимает мое предплечье.

– Какое у тебя было детство?

– Не из приятных.

Мы оставляем этот разговор на потом, потому что к нашему столику вновь подходит официантка. Мои глаза становятся все шире и шире по мере того, сколько тарелок она ставит на стол. Здесь есть омлет со шпинатом и помидорами, бекон, картофельные оладьи, небольшая стопка блинчиков с фруктами и кусочком сливочного масла...

Этой едой можно было бы накормить пятерых человек.

– Ты заказываешь это каждый раз, когда приходишь сюда?

Он смеется и протягивает мне набор столовых предметов.

– Да, но иногда я что-то смешиваю. Обычно мы приходим сюда только для того, чтобы справиться с похмельем. Клянусь, в этой еде есть что-то волшебное.

– Я тоже твоя головная боль?

Я что, дразню его?

Должно быть, что-то в моем мозгу замкнуло, потому что это не мое обычное поведение. Я могу дразнить Марли или шутить со

своими родителями, отпускать ехидные комментарии в адрес Джанет, но я не дразню парней, которые в буквальном смысле выглядят как модели.

– Нет, я просто хотел побаловать тебя вкусной едой.

– Что-нибудь еще? – кухня Вульфа подходит к нам с еще большим количеством салфеток и бутылкой кленового сиропа.

– Спасибо, все и так отлично.

При виде еды у меня текут слюни, и мне не нужно подсказок, чтобы погрузиться в ее поглощение. Пока я ем, на несколько долгих минут в сознании становится пусто. Еда здесь вкусная – *очень вкусная*, но я успеваю съесть лишь половину, прежде чем у меня сводит желудок. Хорошо, что мне удалось попробовать все, что было на столе. Год назад, вероятно, у меня бы не возникло проблем с тем, чтобы съесть большую часть того, что заказал Вульф, но в последнее время я убивала свой желудок, стараясь есть как можно меньше, чтобы выжить на те крохи, которые у меня были.

Внезапно в моем горле образуется комок, а на глазах выступают слезы.

– Эй, ты что? Не плачь, – Вульф роняет вилку и поворачивается ко мне. – В чем дело? Я никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь плакал из-за блинчиков.

– Да, ерунда, – я шмыгаю носом, вытирая слезы.

Вульф кивает сам себе и отодвигает в сторону пустые тарелки, запивая свой завтрак кофе.

Он подзывает официантку и просит собрать еду нам с собой.

– Зачем...

– Прекрати, единственный, кто умеет готовить в нашем доме, – это Аполлон, а его не будет несколько дней. – Он смотрит на меня, а затем его взгляд возвращается к своей кухне.

– И два куса пирога.

– Очень хорошо, – она собирает тарелки и снова покидает нас.

– Тебе лучше? – он гладит меня по руке тыльной стороной ладони.

– Чем мы еще займемся сегодня?

– А чем ты хочешь заняться? – пожимает он плечами.

Погрызнуть в жалости к себе?

Официантка возвращается с коробкой еды, которую я не смогла доесть, и коробкой с двумя кусками пирога. Она ставит их рядом со

мной.

– Все готово.

– Спасибо, кухня, – Вульф улыбается ей.

– Не нарывайся на неприятности, – предупреждает она, но он хихикает, когда официантка оставляет нас одних.

Кафе заполняется людьми, но Вульф, похоже, не спешит уходить.

– Значит, ты вырос среди Адских гончих?

Возможно, я задала неправильный вопрос, потому что он напрягся.

– Я был рожден для этого, – через секунду он с усилием выдыхает. – Именно там началась моя дружба с Джейсом и Аполлоном. Хотя дружба – не очень подходящее слово для наших отношений. У нас что-то, скорее похожее на братство.

– Испытанные огнем?

– Очень верно подмечено, цветочек, вкупе с острой нехваткой матери, – он отводит взгляд. – Я просто не хочу закончить так же, как и он.

– Твой отец?

– Он видит мир только с одной стороны, – кивает Вульф. – Я же вижу все по-другому.

Я пытаюсь сдержать свое любопытство и кладу руку ему на бедро. Взгляд Вульфа сразу же опускается на мою руку, и он накрывает ее своей, несмотря на мои попытки отстраниться.

– Не убирай, не порть момент.

– Хорошо, – мой голос прерывается. – Так как он видит этот мир?

– Как нечто, чем можно манипулировать. – Пальцы Вульфа сжимают мои.

– А ты?

Он наклоняется ближе ко мне, и я встречаюсь взглядом с его зелеными глазами. В данный момент я не боюсь, что две его версии затмевают друг друга. Я могу видеть в нем обоих одновременно – Ареса и Вульфа.

– Я вижу в нем что-то прекрасное.

Его губы касаются моих, и я позволяю этому случиться. Наклонившись ближе, я закрываю глаза и наслаждаюсь скольжением его губ по моим и этим невинным поцелуем.

Но все же какая-то темная часть глубоко внутри меня шевелится, задаваясь вопросом, не лжет ли он? Вдруг красота, которую он видит, не может изменить того, что он с ней делает. Мы все думаем, что цветы прекрасны, но все равно срезаем их и ставим в вазы, где они вянут и умирают.

Я крепче сжимаю его бедро, сбитая с толку собственной реакцией. Мне не следует хотеть целовать его, и все же я не могу отстраниться. Это не какое-то насильственное вторжение в мое пространство. Этот поцелуй не ошеломляющий, даже не страстный... Он просто как бальзам на мою душу. Я и не подозревала, что мне так сильно нужна эта нежность. Мое сердце начинает биться быстрее, когда рука Вульфа скользит вверх, но он слишком быстро отстраняется и откашливается.

– Я не должен был этого делать, хотя давно хотел, – Вульф смотрит на меня оценивающе.

Я почти уверена, что мое лицо краснее клубники, вдобавок к унижению от того, что первыми словами, сорвавшимися с его губ после поцелуя, было выражение сожаления.

– Нам пора, – я выбираюсь из кабинки и спешу к выходу.

Я не знаю, куда я хочу пойти и куда он меня отвезет. Главное, чтобы мы были подальше от этих людей.

– Эй, – Вульф ловит меня за руку, прежде чем я добегаю до его машины. – Я не думал, что ты еще и беглянка.

– Ты хочешь добавить это прозвище в список моих ников? – усмехаюсь я.

– Я могу придумать для тебя множество имен, – он притягивает меня ближе. – Но это не одно из них.

– Что будем делать теперь?

– В самом деле, что теперь? – он делает вид, что обдумывает мой вопрос. – Итак, у нас есть около двух часов, потому что потом Джейсу нужно, чтобы мы были готовы к их отъезду.

– Должна ли я знать подробности? – вздыхаю я.

– Нет, – подмигивает он.

Мои чувства к Джейсу можно скорее назвать ненавистью, несмотря на то, что Вульф и Аполлон, вероятно, тоже имели какое-то отношение к лишению меня стипендии, но именно Джейс опустил лезвие гильотины мне на шею.

По дороге обратно я наблюдаю за Вульфом. Я смотрю на мускулы на его руках, на напряженную шею, острый подбородок и темные волосы, падающие ему на лоб, – в основном прямые, но некоторые с небольшими завитками. Он слишком привлекателен. Вероятно, Вульф из тех парней, у которых в старшей школе и колледже было множество девушек.

– Ты учился в колледже? – спрашиваю я, и он фыркает.

– Нет, мое образование было получено на улицах.

Вот это да.

– Ты пойдешь с нами на бой в пятницу? – спрашивает он. – Просто... похоже, ты из тех людей, кому нужно морально подготовиться перед таким зрелищем.

Я молча соглашаюсь с ним, но вдруг в моей голове возникает другой, более насущный вопрос.

– Ты будешь запираешь меня в комнате каждую ночь?

Но настоящий вопрос так и не был высказан.

Я могу считать себя пленницей?

– Пусть лучше Джейс ответит на это, – я вижу, как у Вульфа дергается челюсть.

– Отлично, главный хулиган из вашей группы во второй раз будет решать мою судьбу.

Вульф не отвечает, и довольно скоро мы возвращаемся в знакомый район, подъезжая к воротам гигантского особняка. Он нажимает на кнопку, чтобы открыть ворота.

– Какой смысл в воротах, если они не закрываются полностью? – я указываю пальцем на щель в еще не открывшихся воротах.

– Заметила, – палец Вульфа соприкасается с моим.

Полагаю, если бы кто-то правильно спланировал ограбление, он бы уже исчез среди огромных живых изгородей, которые окружают заднюю часть дома. Ведь размера щели достаточно для того, чтобы проскользнуть внутрь, если есть решимость сделать что-то плохое.

– Безопасность никогда не была нашей проблемой. Никто не связывается с нами и не уходит от расплаты, если что-то сделал.

Почему?

Этот вопрос вертится у меня на кончике языка. Что они сделали, чтобы заставить банды бояться их?

Внезапно Вульф чертыхается, и его взгляд устремляется к зеркалу заднего вида.

Рев мотоцикла заставляет меня обернуться. К подъездной дорожке приближаются два мотоциклиста. Один из них нарочно привлекает наше внимание ревом двигателя.

Меня охватывает волна страха, когда рука Вульфа опускается мне на бедро.

– Кора, очень важно, чтобы ты оставалась в машине. Позвони Джейсу.

Я киваю и беру телефон с уже разблокированным экраном, который он мне протягивает. Вульф паркуется перед дверью гаража, которая остается закрытой, достает пистолет из бардачка, а затем, проверив, заряжен ли он, выходит из машины. Называйте меня сумасшедшей или просто любопытной, но, нажав кнопку набора рядом с именем Джейса, я прижимаю телефон к уху и приоткрываю окно.

– Чем мы обязаны такому неудовольствию? – Вульф окликает двух байкеров, держа оружие наготове.

Пистолет направлен в землю, но угроза очевидна, хотя байкеры кажутся невозмутимыми.

– Вульф, – быстро отвечает Джейс.

– Это Кора, – шепчу я, но, черт возьми, если бы я говорила громче, мой голос бы задрожал.

– Что-то не так? – Тон его голоса меняется на озабоченный.

Мне трудно сопоставить эту эмоцию с Джейсом, хотя я бы тоже забеспокоилась, если бы кто-то ни с того ни сего позвонил мне с телефона друга.

– Я... мы припарковались на подъездной дорожке, и Вульф разговаривает с двумя байкерами, они заехали за нами внутрь.

Он чертыхается.

– Я в двух минутах езды. Оставайся в гребаной машине.

Связь обрывается прежде, чем я успеваю сказать ему, что Вульф уже отдал мне этот приказ, и я не идиотка.

Я запираю двери и пригибаюсь чуть ниже. Даже в таком положении я могу видеть, как один из мужчин поднял забрало шлема, но до меня не долетают его слова. Он продолжает указывать на машину, и Вульф быстро встает перед ним, но не наставляет на них пистолет и не приказывает убраться со своей территории.

Видимо, Джейс преувеличил время своего прибытия, потому что мне показалось, что прошло всего секунд тридцать, когда по улице с ревом пронесся еще один мотоцикл. Человек на нем перегородил дорогу двум байкерам и плавно спрыгнул с мотоцикла, сняв шлем.

Джейс приподнимает бровь, и я не уверена почему, но этот дерзкий жест действует как приказ. Оба байкера повторяют за ним и снимают шлемы, но я не узнаю ни того ни другого. У первого, который разговаривал с Вульфом, лысая голова и татуировки до подбородка, другой выглядит смутно знакомым, но я не могу вспомнить, где я его видела. Он моложе напарника, у него темные короткие волосы и гораздо меньше татуировок.

Джейс подходит ближе к мужчине, слушая, что он говорит, и я практически сгибаюсь пополам, чтобы посмотреть в заднее стекло, но это не помогает мне слышать их разговор, а моих навыков чтения по губам явно не хватает.

Мне кажется, что Вульф все еще на взводе, но теперь, когда появился Джейс, их шансы уравнились, и он может себе позволить выплеснуть накопившуюся энергию. Вульф расхаживает взад и вперед, а затем наконец останавливается около машины.

Интересно, где сейчас Аполлон, ведь, должно быть, они вместе занимаются всем этим незаконным дерьмом: запугивают людей, заставляют их подчиняться, убивают гангстеров. Мое воображение могло бы продолжать развивать эту мысль по спирали с бесконечным количеством картин, мелькающих у меня в голове.

Но затем Джейс указывает на дорогу, и двое незваных гостей, повиновавшись, уходят, а я спешу повернуться лицом вперед. Ведь я не хочу, чтобы это выглядело так, будто я за ними шпионила.

Я нажимаю на кнопку отпирания дверей, однако мою дверь распахивает вовсе не Вульф, а Джейс. Он буквально вторгается в мое личное пространство, загоняя меня в угол.

– Что в тебе такого, что всегда притягивает неприятности?

– Во мне? – усмехаюсь я.

– Да, в тебе, ты приносишь с собой хаос.

– Серьезно? Я ничего не делала, кроме того, что пыталась выжить. И не заставляй меня повторять этот опыт.

– Этот опыт как заноза в заднице, – усмехается он.

– Что? В смысле?

– Есть такая вещь, которая называется «мелкий шрифт», – качает головой Джейс. – Я просто не могу в это поверить. Ты читала контракт, который подписала, или он просто перевернул последнюю страницу, указав на нижнюю строку?

Я откидываюсь на спинку сиденья, скрещивая руки на груди. Мое раздражение растет, и я прихожу к внезапному осознанию, что Джейс пугает меня не так сильно, как следовало бы. В конце концов, похоже, что он изо всех сил старается меня обезопасить, а это же должно что-то означать?

Возможно, и нет.

Однако его бахвальство только выводит меня из себя.

– Во всем, что произошло после того, как ты объявил меня невидимкой, нет моей вины, – говорю я, хмуро смотря на него. – А чего, черт возьми, ты ожидал? Ведь ты разрушил мою жизнь.

Старая песня о главном.

– Тебе следовало уйти! Вернуться домой к маме с папой и признаться, что Стерлинг Фолс разжевал тебя и выплюнул, потому что, очевидно, ты слишком тупа, чтобы избежать неприятностей в этом городе, – выражение его лица не злое, а скорее раздраженное, но он определенно не раскаивается.

– А тебе следует просто вынуть эту занозу из своей задницы! – парирую я, выпрямляясь на сиденье. – Может быть, это сделает тебя меньшей размазней, похожей на размокшую туалетную бумагу?

Джейс отталкивается от машины и уходит прочь, бормоча себе что-то под нос, а я сижу и смотрю на то, как он удаляется, чувствуя себя на удивление хорошо. Будто я выиграла у него какой-то раунд, и это кое-что да *значит*.

Хотя на самом деле это повышает мои шансы быть запертой в комнате сегодня вечером.

– Что ж, это было весело, – говорит Вульф, растягивая слова. – Никогда раньше не слышал такого оскорбления.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Он стоит у открытой водительской дверцы, но пистолета в его руках больше нет, они пусты.

– Весело? – повторяю я.

– Ага, – он берет с заднего сиденья машины коробки с упакованной едой и жестом показывает мне на выход. – Как на

боксерском поединке, за исключением того, что на самом деле ты держалась особняком.

Мы входим в дом через парадную дверь, и она с тяжелым стуком закрывается за нами. Когда я смотрю на то, как Вульф запирает ее, я замечаю, что он хмурит брови.

– Ну так что... ты не скажешь мне, кто такие эти байкеры? Джейс сказал лишь то, что они приехали из-за меня, потому что у Кроноса есть...

Контракт, который я подписала, как идиотка.

У меня сводит желудок, потому что мне неприятно осознавать, что Джейс был прав и мне следовало прочитать мелкий шрифт. Но я не думала о таких вещах, я была уверена, что найду работу и верну долг плюс эти безумные проценты. Тогда мне это казалось разумным. Кронос указал мне на важные моменты контракта: временные рамки, проценты и способы платежей.

Я останавливаю молчаливого Вульфа перед тем, как мы доходим до кухни.

– Вульф... Пожалуйста.

Он пожимает плечами и встречается со мной взглядом.

– Ты подписала контракт, который в буквальном смысле поставил на карту твою жизнь, Кора, ты допустила просрочки по кредиту, ты не платила два месяца, а это значит, что он собирается взыскать с тебя долг другими способами.

– С моей плоти, – я смотрю вниз, на свои руки, онемев от шока.

В любом случае все шло именно к этому. Даже это дурацкое гребаное клеймо на моей коже было поставлено для того, чтобы весь мир увидел, кому я принадлежу.

Только вот то, как Вульф смотрит на меня, наводит на мысль, что все гораздо хуже, чем я себе представляла. Кронос же сказал мне, что это еще не конец, а я ему не поверила.

– Верно, – медленно произносит Вульф. – В некоторых случаях долги привязывают людей к Титанам навсегда, ведь они владеют домами, предприятиями, *людьми*. Порой они просто продают должников, чтобы вернуть свои деньги.

Сколько же это стоит? Моя жизнь?

От этих мыслей я дрожу.

– Подумай о бизнесменах, которые попадают в трудное положение и не могут найти выход. Могущественные люди из Стерлинг Фолс оказываются в сетях Кроноса и становятся его собственностью, – вульф щелкает пальцами, чтобы подчеркнуть свои слова, а затем отворачивается. – Но Кронос решил, что ты этого не стоишь.

Я сглатываю и следую за Вульфом на кухню. Теперь Кронос поймал меня на крючок, и мне необходимо знать, какая участь меня ждет в будущем, каким бы ужасным оно ни было.

– Что это значит? – спрашиваю я.

– Он собирается продать тебя тому, кто предложит самую высокую цену.

Глава 13

Кора

Несмотря на то, что я считаю своих приемных родителей родными, я всегда ощущала на себе давление нашей *непохожести*. Конечно, мой врач и друзья знали о том, что я приемный ребенок, но незнакомые люди всегда указывали на наше несходство, оно вызывало у них любопытство, а у меня – досаду. Например, учителя удивлялись, когда темноволосая загорелая пара забирала из школы бледную рыжую девочку.

Я люблю своих родителей, но совершенно не подхожу им. Ведь я знаю, что где-то в этом мире живут мои биологические родители. Возможно, именно из-за этих параноидальных мыслей или назло им я разработала несколько нездоровых методов борьбы с эмоциями: я слишком много или слишком мало сплю, что обычно перерастает в бессонницу, ковыряю или грызу свои ногти, пока они не начинают кровоточить.

Испугавшись, что меня запрут в комнате, как в первую ночь в этом особняке, я не ложусь спать, пока солнце не начинает светить в мое окно. Я сижу на своей кровати и, с тревогой глядя на дверь, напрягаю слух, чтобы не пропустить скрежет задвигаемого засова.

Так прошла и моя третья ночь здесь. Ожидая чего-то нехорошего, я просто ходила взад и вперед по комнате, пока не рассвело. День

оказался не лучше. Я практически ничем не занималась, кроме учебы, и не покидала свою комнату. Вульф, который, как и я, находился дома, казалось, был вполне доволен тем, что позволял мне ничего не делать. Он сам принес мне обед, а затем и ужин, состоящие из еды, которую мы взяли с собой в коробках навынос. Оба раза, когда Вульф заходил в мою комнату, он казался мне рассеянным, но я оставила это без внимания, больше думая о том, что завтра мне следует вернуться на занятия. Я и так слишком долго это откладывала. И в конце концов, не могу же я оставаться здесь вечно?

Закончив домашнюю работу, я прислушиваюсь к тишине, царящей в доме, и, открыв свою дверь, выхожу в темный коридор. Носки на ногах приглушают шум шагов, но я все равно двигаюсь к лестнице на цыпочках. Я еще не отваживалась подниматься на третий этаж и не уверена, что хочу заниматься этим глубокой ночью, поэтому вместо этого я иду вниз. Я знаю, что в этом доме есть нечто поинтереснее, чем те комнаты, которые я видела мимоходом. Идея исследовать первый этаж кажется мне безопасной, тем более что я слышала, что где-то здесь должен быть тренажерный зал.

Я чувствую себя воровкой, крадущейся по дому и заглядывающей в комнаты, но продолжаю это делать, запоминая в уме их расположение и мысленно составляя карту. Я нахожу кабинет, двойные двери которого закрыты, а внутри пусто, если не считать стола, задвинутого в угол, и коробок на полу. Также я нахожу кинозал и игровую комнату с бильярдным столом по центру. Игровая комната расположена рядом с гаражом и, возможно, даже имеет с ним общую стену.

Дальше я иду в другом направлении – мимо кухни, двухуровневой гостиной с огромным телевизором – и дохожу до двери, за которой скрывается лестница, ведущая в подвал. Я готова поспорить, что внизу находится тренажерный зал. Я снова заглядываю в гостиную, размышляя о том, стоит ли мне подняться по винтовой лестнице и посмотреть, что за книги они хранят наверху, но в итоге я отбрасываю эту мысль и продолжаю свое исследование, пока не натыкаюсь на комнату, в углу которой стоит маленький рояль, освещенный отблеском луны.

Включив свет, я вижу, как блестит его черная отполированная поверхность. Чувствуя тесноту в груди и виновато оглядываясь по

сторонам, я все-таки захожу внутрь. На стене висит несколько гитар. Некоторые из них акустические, некоторые – электро, а под ними стоят усилители с тугими мотками шнуров. Также я замечаю на стенах и потолке панели звукопоглощения.

Я уже несколько месяцев не играла на своей виолончели, хотя чуть было не взяла ее с собой в Стерлинг Фолс, но безмерно рада, что этого не сделала. Я не знаю, хватило бы у меня смелости сохранить ее, когда все остальное начало разваливаться на части. В течение нескольких лет я училась также и игре на фортепиано. Ничего впечатляющего и выдающегося, просто еще один пункт, который я добавила в свое резюме для поступления в колледж. В моей старшей школе по утрам проводили бесплатные уроки, и я изо всех сил старалась выучить основы.

Я поднимаю крышку с клавиш фортепиано и вытаскиваю скамейку, оценивая ее орнамент из слоновой кости. У старого пианино, на котором я училась играть, было несколько потрескавшихся и пожелтевших клавиш, их края стерлись бесчисленным количеством учеников, а за этим инструментом будто вообще никто не сидел. Его клавиши гладкие, они блестят даже при слабом освещении.

Указательным пальцем я нажимаю на клавишу *do* в среднем регистре и замираю, слушая кристально чистый звук. Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох, а затем киваю сама себе и располагаю руки на клавишах. Я уже смутно помню те произведения, которые учила, но одно из них всплывает на поверхность памяти, и я наигрываю его. Получается близко, но недостаточно хорошо, поэтому я играю его снова. Меньше ошибок, но слишком медленно. Еще раз. Мышечная память возвращается к моим пальцам, и, не успев опомниться, я уже довольно неплохо играю эту пьесу многолетней давности. Слезы обжигают мне глаза, и я тихо плачу. Я даже не могу сказать почему. Просто в моей груди будто поселилось тяжелое горе, которое отчаянно хочет вырваться наружу. Доиграв две последние ноты, я вытираю слезы.

– Интересная интерпретация.

От неожиданности я едва не выпрыгиваю из собственной кожи. В дверях стоит застигнувший меня врасплох Джейс, с пристегнутым ремнем кобуры на бедре, в которую вложен пистолет. Это один из немногих случаев, когда я вижу, что пистолет носят таким образом,

поверх легких черных брюк. Белая рубашка с длинными рукавами облегает идеальные мускулы Джейса. Он проводит пальцами по волосам, зачесывая их назад, а затем заходит в комнату. Дверь за ним бесшумно закрывается, и от его присутствия на моей душе становится теплее.

– Обычно я не играю на пианино, – оправдываюсь я перед ним, хотя это не должно иметь значение.

– А на чем ты обычно играешь?

– На виолончели.

Джейс кивает, осматривая комнату.

– К сожалению, поблизости не найдется ни одной виолончели.

– Жаль.

Джейс смотрит на меня, а затем подходит и облокачивается на пианино.

– Действительно жаль. Сыграй что-нибудь еще, не позволяй мне останавливать тебя.

С моих губ срывается прерывистый вздох.

– Мне пора идти спать.

Он качает головой, а затем подходит ближе и садится рядом на скамейку. Я поддвигаюсь, давая ему больше пространства, но его тело все равно прижимается к моему. Наши плечи, колени и бедра соприкасаются, и я ощущаю, что он не просто теплый, а обжигающе горячий. По сравнению с ним я кажусь ледышкой.

– Ты играешь? – я не могу сдержать удивление в своем голосе.

– Нет, – он нажимает на одну из черных клавиш, хмурясь от звука.

Я вижу пятнышко крови на его рукаве, рядом с запястьем.

– Ты делал что-то опасное?

– Большая часть того, чем мы занимаемся, опасна, – он закатывает рукава, обнажая татуировки на тыльной стороне рук и предплечьях.

Мой взгляд сразу цепляется за рисунок компаса, но я заставляю себя отвести глаза, прежде чем начну анализировать остальные. На костяшках его пальцев теми же черно-серыми чернилами вытатуированы буквы. Теперь, когда он закатал рукава, пятно крови оказалось скрыто.

Он нажимает ноту *до* на среднем регистре, и я борюсь с желанием закрыть глаза и позволить этому звуку резонировать в моей груди, как я раньше делала, играя на виолончели. Эта нота всегда казалась мне

теплой и по-своему приземленной. Одна-единственная нота могла вернуть меня с небес на землю, обратно в мое тело.

– Сыграй что-нибудь, – его приказ тихий, но непреклонный.

Сегодня я не хочу с ним спорить, но у меня в запасе нет других произведений для фортепиано, так что я продолжаю играть то же самое, что играла до его прихода. Все, о чем я могу думать, – это о том, в каких местах его тело прикасается к моему. И в какой-то момент эти мысли приводят к тому, что я останавливаю игру, потому что пальцы меня не слушаются.

– Я лучше играю на виолончели, – тихо говорю я.

– Ты скучаешь по игре на ней? – спрашивает Джейс и нажимает еще одну клавишу.

– Иногда. Когда я остаюсь одна и чувствую пустоту в груди, – я откашливаюсь, неожиданно разволновавшись от воспоминаний.

Странно.

Но разве не поэтому меня потянуло сюда посреди ночи? Сейчас я особенно чувствую себя так, как описала: пустой и одинокой.

– В старших классах я принимала участие в нескольких концертах. Я отчетливо помню тишину, воцаряющуюся в зале после того, как зрители приветствуют тебя на сцене. Остаешься только ты, твой инструмент и твое сердцебиение. Там все предельно просто – ты находишься в центре внимания от начала произведения и до его последней ноты. Я скучаю по полной тишине перед чем-то прекрасным.

Джейс ничего не отвечает на мои слова, а я отворачиваюсь, потому что меня охватывает смущение. Я не хотела говорить всего этого, поэтому, тяжело дыша, я встаю и обхожу вокруг пианино, нуждаясь в свободном пространстве.

Джейс играет одну ноту, затем еще несколько подряд, и я наклоняю голову, потому что мотив кажется мне знакомым. Но, прежде чем я успеваю что-то спросить, он закрывает крышку и тоже встает.

– Уже поздно.

Я киваю, хоть и не чувствую усталости, потому что слишком взвинчена. Но мои глаза словно наждачная бумага, и я думаю, что уже скоро свалюсь. Возможно, завтра. Лишь когда я умираю от усталости, мне удастся поспать. В другие же дни, стоит мне закрыть глаза, я вижу

Кроноса и его клеймо – или человека, которого он застрелил, упавшего навзничь в его офисе с дырой в голове.

Джейс долго смотрит на меня, а потом выдыхает.

– Я не силен в этом дерьме, ясно?

– Не силен в чем? – я прищуриваю глаза.

– Вот в этом... – он показывает на меня рукой. – Ты выглядишь расстроенной.

– Неужели, Джейс? – смеюсь я. – Расстроенной? Я ничего не чувствую. – Я качаю головой и хлопаю себя по груди. – Здесь нет никаких чувств.

– В этом-то и проблема, – его взгляд становится задумчивым. – Тебя мучают кошмары?

– Только когда я сплю.

– Бессонница?

Я киваю.

– Нервозность?

– Это не ново.

– Вполне ожидаемо, – хмыкает он. – Особенно после твоего придурковатого бывшего. Ладно, пошли.

– Стой, я не рассказывала тебе о нем, – говорю я, пристально смотря на Джейса. – Как ты узнал о Паркере?

Джейс, не оглядываясь, выходит из музыкальной комнаты, а надо мной берет вверх любопытство, и я следую за ним. Мы идем по коридору, а затем поднимаемся по лестнице. Наверное, я ожидала, что он напоит меня теплым молоком и посоветует посчитать овец, но вместо этого он останавливается возле двери в мою комнату.

Я стою рядом с ним, и мой живот болезненно сжимается от плохого предчувствия.

– Ты собираешься запереть меня?

– Не сегодня, – он пожимает плечами. – Но если ты снова окажешься занозой в заднице, я передумаю.

Он пропускает меня вперед, и между нами повисает напряженная тишина, пока я вместе с Джейсом осматриваю нетронутую кровать с натянутыми простынями и пуховым одеялом без единой складки. Последние несколько дней я неохотно распаковывала свои вещи, убирая их подальше с моих глаз. Так что это обезличенное помещение непохоже на мою комнату. Это просто комната, в которой я оказалась

случайно. Это случайная кровать, на которой я сплю, а это шкаф, в котором *случайно* висит моя одежда.

– Ложись.

Его тон не оставляет места для споров, но, должна признать, мне интересно, о чем он думает. Поэтому я откидываю одеяло и забираюсь на кровать, принимая горизонтальное положение.

Я не знаю, почему меня мучает бессонница, но, когда я пытаюсь заснуть, я просто не могу этого сделать. После нескольких секунд пребывания в темноте мои глаза открываются, пока я не сдаюсь. Сейчас мне кажется, что Джейс выглядит очень неуместно в моей зеленой комнате с цветочными акцентами. Книжные полки пусты, за исключением нескольких тетрадей с моими уроками, а камин так и остается незажженным.

Джейс поворачивает палочку на жалюзи и задергивает шторы. Затем он сбрасывает ботинки и снимает кобуру, положив ее вместе с пистолетом на мою прикроватную тумбочку.

– Что ты делаешь? – сглатываю я.

Джейс молчаливо вздыхает и садится рядом со мной поверх одеяла. Он скрещивает лодыжки, поправляет подушку за своей спиной, чтобы прислониться к изголовью кровати, а затем наклоняется и выключает свет. Мы немедленно погружаемся в темноту.

– Я посторожу, – говорит он мгновение спустя, а затем добавляет после еще более продолжительной паузы: – Все в порядке, Кора, можешь поспать. Я прогоню твои кошмары.

Стараясь держаться подальше от него, я переворачиваюсь на бок. Я не знаю, доверяю ли ему, но все равно закрываю глаза. У меня не хватает духу сказать Джейсу, что никто и ничто не сможет прогнать мои кошмары, ведь я сама пыталась это сделать в течение многих лет.

– Что тебе снится? – вопрос слетает с моих уст, прежде чем я успеваю его остановить.

Это не единственное, о чем я хочу его спросить, и, на самом деле, последнее, о чем следовало бы спрашивать. Больше того – я хочу узнать, что именно рассказал ему Вульф о моем бывшем, вернее, о моем прошлом. Я хочу знать, что он такого сделал, из-за чего у него на рукаве оказалась кровь, но инстинкт подсказывает мне, что сейчас он не ответит ни на один из этих вопросов, ведь он тоже мне не доверяет.

Джейс продолжает молчать, и я слышу только его ровное дыхание и чувствую жар его тела позади своего.

– Иногда родители.

– А что с ними?

– Они мертвы, – вздыхает он. – В снах я вижу свою мать такой, какой она была, и вижу своего отца таким, какой он есть – гниющим в земле.

Я не знаю, как на это реагировать, но, когда его ладонь ложится на мое плечо, я замираю. Он больше ничего не делает, лишь гладит мою кожу большим пальцем.

– Я пытался спасти тебя от Кроноса и разорвать ваш контракт, но он отказался. На это у него есть множество причин, но ни одна из них сейчас неважна. Он хочет вернуть тебя в свое распоряжение, чтобы продать и получить обратно свои средства. Его интересы стоят у него на первом месте, а его карманы часто диктуют решения, которые он принимает, – Джейс ненадолго замолкает. – Но мы с этим разберемся.

Мне хочется спросить его: *почему?* Почему именно я оказалась в этой ситуации и почему он мне помогает?

Но я закрываю глаза, на этот раз сжимая их крепче. Сейчас я не хочу знать ответы на другие, более мрачные вопросы, крутящиеся в моей голове. Я не хочу думать ни о Кроносе, ни о двух мужчинах, которые пришли в особняк, видимо, для того, чтобы пригрозить, что меня должны вернуть ему. И я определенно не хочу думать о том, что Кронос продаст меня тому, кто больше заплатит.

– Спи, Кора, – снова говорит Джейс, и мне ничего не остается, кроме как повиноваться.

Глава 14

Кора

На утро Джейс покидает мою комнату. Я не знаю, во сколько он ушел, но когда, открыв глаза, я потягиваюсь, ожидая прикосновения к его телу, я обнаруживаю, что та сторона кровати, на которой он лежал, пуста, а единственным признаком его ночного присутствия служит поднятая подушка и складки на пуховом одеяле.

Приняв душ, я спускаюсь вниз, определенно настроенная идти на занятия, даже несмотря на то, что за мою голову объявлена награда. Ведь последние два дня я провела практически взаперти и просто сойду с ума, если останусь здесь дольше. Кроме того, когда это прятки приносили кому-то пользу.

Я иду на кухню с сумкой для учебников, перекинутой через плечо, и меня ожидает сюрприз, ведь я не думала увидеть их *всех* вместе. Я вижу парней втроем впервые с той ночи, когда они вытащили меня из офиса Кроноса, и я не готова к тому, насколько ошеломляюще они выглядят, находясь в одной комнате. Первым, подняв голову, мне улыбается Вульф, он сидит за стойкой для завтрака рядом с Аполлоном. Перед ним стоит миска с хлопьями, а Аполлон поглощает что-то похожее на сэндвич с яйцом. Джейс стоит возле кофейника, размешивая сливки в своей кружке. В повседневной утренней рутине они выглядят абсолютно естественно. И странно.

После нескольких дней с ненормированным распорядком, когда эти парни толком не встречались друг с другом, расходясь как в море корабли по своим делам, видеть их вместе – это откровение.

Я живу с ними в одном доме и начинаю лучше узнавать их, однако это не означает, что я не являюсь пленницей. Я должна проверить эту теорию.

– Кто-нибудь отвезет меня в кампус?

– Ты думаешь, это хорошая идея? – Джейс выпрямляется, но не оборачивается ко мне.

– Какой смысл во всей этой борьбе, если я не буду учиться? – возражаю я.

Впрочем, сейчас слишком рано, чтобы спорить. И, прежде чем я смогу продолжить словесный поединок с Джейсом, мне нужна большая доза кофеина.

Я беру первую попавшуюся кружку и встаю рядом с ним. Джейс пододвигает мне кофейник и сливочник, наблюдая за мной краем глаза. Я игнорирую его, размешивая сливки, пока мой кофе не приобретает нужный цвет, а затем подношу кружку ко рту.

Совершенство.

Очень горячий, но терпимо. В приливе жара к моему животу я виню кофе, а не трех великолепных мужчин, стоящих со мной на кухне.

Восполнив недостаток кофеина, я опираюсь бедром о кухонную стойку и поворачиваюсь к Джейсу.

– Ладно, продолжай. Расскажи мне, насколько ужасна идея пойти на занятия, когда все произошло из-за того, что я хотела учиться, а ты отнял у меня эту возможность.

Его губы сжимаются, и я киваю.

– Вот так.

Чувствуя себя очень смелой, я обхожу Джейса и позволяю себе посмотреть на Аполлона и Вульфа. При взгляде на них мое сердце как-то странно екает. Но я же не должна чувствовать влечение к ним обоим, так?

– Я отвезу тебя, – Аполлон откидывается на спинку стула и отодвигает рядом еще один. – Голодна?

– Спасибо, Аполлон, – радуюсь я.

– Вообще-то это опасно, – усмехается Джейс.

– Они не будут ждать меня в кампусе.

Он фыркает в ответ на мои слова и рывком открывает холодильник.

– Уверен, что так и будет, – он разворачивается, указывая на Аполлона. – Ты будешь ее тенью, ясно?

– Да, сэр, – с сарказмом отвечает Аполлон и шутливо отдает честь.

Я качаю головой и, пока они оставили меня в покое, пытаюсь сориентироваться на кухне. Взяв хлопья, я занимаю предложенное место рядом с Аполлоном и уплетаю свой завтрак. Его сэндвич с яйцом пахнет просто потрясающе, но у меня не хватает времени, чтоб приготовить что-то подобное.

– Поторопись, или мы опоздаем, – подталкиваю я его локтем.

– Ты любишь командовать по утрам.

– Только когда этого требует ситуация, – говорю я, а потом замолкаю, доедая завтрак.

Аполлон следует моему примеру, а затем мы убираем тарелки и направляемся в гараж, где он протягивает мне шлем.

– Мы не можем взять машину? – вздыхаю я.

– Зачем? – ухмыляется он.

– Потому что это более практично, ведь у меня с собой рюкзак. К тому же я не хочу испортить прическу.

– А мне нравится, когда твои волосы взъерошены, – он наклоняется и перебрасывает прядь моих волос через плечо. – Где же твоя тяга к приключениям?

– Хочешь, чтобы я повелась на эту авантюру? – я закатываю глаза.

– Возможно, не хочу, но я не возражал бы, если бы ты снова меня обняла, – подмигивает он. – Это будет плата за то, что мне придется сидеть до конца... сколько у тебя сегодня занятий?

– Всего лишь две пары.

– Две пары? – приподнимает он бровь.

– Ага, – я подвязываю волосы сзади, надеваю шлем, а затем жестом показываю Аполлону двигаться.

Мы и так уже опаздываем, но ему требуется еще немного времени, чтобы, приподняв рубашку, вложить в кобуру пистолет. Я замечаю, что кроме этого оружия из ножен, прикрепленных к его

поясу, торчат рукоятки двух ножей. Но когда Аполлон опускает рубашку, то выглядит почти нормальным.

Мы забираемся на мотоцикл, и он крепче прижимает мои руки к себе, снова похлопывая меня по ладоням, будто проверяя, в безопасности ли я, или что-то в этом роде. Мое сердце замирает от его жеста, и я связываю эти ощущения вовсе не со страхом снова сесть на этот чертов мото-цикл. Мой рюкзак тяжелый, но альтернативы у меня нет.

Мы без проблем добираемся до кампуса, и Аполлон останавливается на парковке.

Когда я слезаю с мотоцикла, он следует со мной.

– Итак, ты с Вульфом?

– Что? – оглядываюсь я на него.

– Между вами с Вульфом что-то происходит? – повторяет он свой вопрос.

– Допустим, и что?

– Да что ты нашла в этом ублюдке? – стонет он.

– У меня есть вопрос получше, что я могла бы найти в *тебе*?

Я закатываю глаза и ухожу прочь.

Ох уж эти мужчины.

На протяжении всей первой пары Аполлон молча сидит позади меня, а перед второй идет за мной тенью через кампус в библиотеку. По дороге он покупает нам сэндвичи, и библиотекарь бросает на нас строгий взгляд, когда он, шурша, разворачивает их.

Аполлон не произносит ни единого слова, и чем меньше он говорит, тем больше во мне разгорается любопытство. Однако я прикусываю язык, не задавая никаких вопросов, потому что наше молчание превратилось во что-то сродни битвы между нами. Если подумать, в этом есть проблеск вызова. Тот, кто сломается последним, одержит вверх. Это одна из тех вещей, которые я чувствую нутром.

– Кора! – я вижу, как через библиотеку несется Марли и падает в кресло рядом со мной.

Ее заплетенные в косу светлые волосы перекинуты через одно плечо, но в остальном она выглядит так, будто только что вылезла из постели. На ней большая толстовка и леггинсы. На лице нет макияжа, и я ясно вижу на нем беспокойство.

– Я дважды приходила к тебе домой, но тебя там не было. У тебя что, сломан телефон?

Мой желудок скручивает чувство вины. Наша дружба оказалась под угрозой, как только началась вся эта заваруха, а когда я стала уклоняться от звонков подруги, то, конечно, она решила пойти ко мне домой.

Аполлон переводит взгляд с лица Марли на мое и обратно, а затем постукивает по столу.

– Я оставлю вас наедине.

Мои брови приподнимаются, но он встает, забирая с собой шуршащую обертку от сэндвича, и уходит к другому столику.

– Кто это? – шепчет Марли, обмахиваясь тетрадью, будто веером. – Боже мой, он что, курит? От него исходит такая опасная энергетика. Он студент?

– Больше похож на чересчур квалифицированную няню.

– Зачем тебе нужна няня? – прищуривает глаза Марли.

О черт. Но она ведь все равно обо всем узнает, так?

– Я взяла ссуду у одного сомнительного человека, когда лишилась своей стипендии, – я наклоняюсь к ней поближе, решив рассказать все настолько правдиво, насколько могу. – И он помогает мне выпутаться из этого.

– Что? – ее глаза расширяются. – Ты серьезно?

– Мне жаль, Мар, я скрывала это от тебя, потому что не хотела обременять своими проблемами. Когда я лишилась стипендии, мне было очень тяжело.

Она сжимает мою руку.

– Но мой отец мог бы...

– Нет! – слишком громко говорю я, и она вздрагивает. – Нет, Марли, – повторяю я уже мягче. – Тебе и твоему отцу есть на что тратить деньги. Обращение к нему за помощью от моего имени не принесло бы никакой пользы.

– А ты можешь ему доверять? – она бросает взгляд на Аполлона.

– Не знаю, думаю, могу.

Время покажет.

– Ладно, но я тебе больше не разрешаю исчезать от меня.

– Не буду.

– Скажи, что с тобой все в порядке, – она наклоняется ближе. – Ты бы сказала мне, если бы это было не так, правда?

– Я... да, конечно бы, сказала, – еще одна ложь. Кажется, я уже не могу остановиться. – Просто я впуталась в непонятный кредит, и мы с этим разберемся.

– Хорошо, – она улыбается и встает, убирая невидимую ворсинку со своих леггинсов. – Мне пора на пару. Повезло, что я увидела тебя, когда печатала свою работу. Я по тебе скучаю.

– Я тоже по тебе скучаю.

Марли уходит, помахав на прощание, а я начинаю собирать свои вещи. В любом случае у меня скоро занятия, и внезапно у меня пропал аппетит.

Аполлон замечает, что я встаю из-за своего столика, и встречает меня у дверей. Кажется, его темные глаза ничего не упускают, потому что, открывая дверь, он издает недовольный звук. Видимо, у него есть свое мнение насчет моего разговора с Марли, свидетелем которого он стал, но мы все еще играем в молчанку. Наверное, это единственный раз, когда молчание работает в мою пользу. Я наслаждаюсь отсутствием вопросов и подколов с его стороны, но на протяжении всей следующей пары его пристальный взгляд будто сверлит мою спину, а профессора ведут себя так, будто его здесь нет. Они смотрят сквозь Аполлона, будто он невидим, и, если бы Марли его не заметила, я, возможно, сочла бы себя сумасшедшей. Невидимка. Как и я.

Наконец вторая пара закончена, и мы можем ехать. К следующему занятию мне нужно написать статью, и материал для нее можно найти в интернете. К счастью, я могу выйти в интернет со своего ноутбука где угодно, а не быть прикованной к одному из библиотечных столов.

Аполлон направляется к мотоциклу, но уходим мы недалеко – он хватается меня за руку, оглядываясь по сторонам, и тащит в пустой класс. Закрыв за нами дверь, он запирает ее на ключ, а затем осторожно прислоняет меня спиной к стене. Я прикусываю губу, замечая в его взгляде что-то новое, беспокойное.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, поднимая голову, и на его лице появляется выражение торжества, ведь я первая нарушила молчание.

Но я не совсем безумна, чтобы молчать в таком положении, поэтому я позволяю себе это.

– Ты сказала, что не знаешь, что именно видишь во мне?

– Это так, – отвечаю я, наклоняя голову набок.

– Это означает, что ты что-то во мне искала. Будто я тебе нравлюсь, или что-то в этом роде.

– Так вот ты о чем, – выдавливаю я из себя улыбку. – Полагаю, так оно и есть.

Он наклоняется и проводит большим пальцем по моей нижней губе.

– Я собираюсь поцеловать тебя, Кора. Сейчас.

Его рука скользит вниз, хватая мое горло, ровно настолько, чтобы я почувствовала его силу. И мне это не то чтобы не нравится. Пульс бешено стучит.

– Ну, сделай уже это, – ухмыляюсь я, когда он не двигается, застыв в нерешительности.

Ему больше не нужно подсказок – его губы немедленно накрывают мои, беря все под свой контроль. Он втягивает мою нижнюю губу в рот, и я издаю вздох, когда его зубы задевают ее. Выгибаясь навстречу Аполлону, я обнимаю его за талию и притягиваю к себе. Он подходит ближе и, не разрывая поцелуя, раздвигает коленом мои бедра. Сердце замирает, и я впиваюсь пальцами в его кожу. Все мое тело гудит от прилива адреналина.

Аполлон отстраняется, но не уходит. Он остается рядом со мной, тяжело дыша. Его пальцы продолжают сжимать мое горло, скользя вверх, пока он не заставляет меня запрокинуть голову. Мы встречаемся взглядами, и я приоткрываю губы, чувствуя нехватку воздуха. Мои легкие сразу же начинают гореть, и секунду спустя он отпускает меня, отходя на несколько шагов назад.

Я хватаю ртом воздух и откидываю голову назад к стене.

– Ух ты.

Он ухмыляется и поправляет рубашку.

– Должна ли я спрашивать, что это значит для тебя? – я наклоняю голову и пытаюсь сориентироваться.

Эти парни просто морочат мне голову. Даже сами того не желая. Он поцеловал меня, чтобы позлить Вульфа, или потому что приревновал?

– Это я снимаю шляпу перед тобой, милая, – он наклоняется вперед и целует меня в щеку, а затем в ухо. – И я с нетерпением жду небольшой здоровой конкуренции.

– Почему? – спрашиваю я, чувствуя, как сжимается мой желудок.

– Потому что ты великолепна! – его взгляд пробегает вверх и вниз по моему телу. – И упряма. И почему-то ты кажешься такой невинной, хотя это совсем не так.

Я прищуриваю глаза, а он подмигивает мне.

– Но это хорошо! И к тому же ты нравишься моей сестре. Ты произвела на нее впечатление, а это не так уж и легко сделать.

– Слишком много интрижек было в жизни ее брата?

Черт, это что, моя ревность?

Он не давал мне никаких оснований предполагать, что у него есть другие женщины, но я не глупа. Я знаю, что я не первая, кто пробудил его сексуальную натуру. Черт возьми, мне нужно восстановить контроль над собой прямо сейчас.

– Перейдем к сути, – он прижимает руку к своему сердцу. – Возможно, ты права, и наше прошлое не оставляет много места для доверия.

С удивлением я смотрю, как он протягивает мне ту руку, которая только что лежала у него на сердце. После этого молчаливого действия повисает тишина, и я раздумываю, прежде чем принять ее.

Я не лгала Джейсу, когда говорила ему, что ничего не чувствую. Мой мозг умел отключать чувства, и это хорошо, потому что я не хочу думать о том человеке, которого убил Кронос, или об Эрике, охраннике, которого убили Вульф и Джейс, чтобы добраться до меня. И я определенно не хочу думать о том, сколько людей погибло от рук этих парней или злобного главаря Титанов.

Я прокручиваю в голове то, в чем мне признался Джейс прошлой ночью: Кронос хочет заполучить меня, чтобы продать. Тем временем Аполлон сжимает мою руку и ведет меня обратно к байку. Мы уже почти подходим к нему, когда он без предупреждения резко притягивает меня к себе и обхватывает руками, а затем, разворачивая, заслоняет от парковки. Я растерянно хватаюсь за его рубашку.

Внезапно что-то взрывается.

На долю секунды нас поражает ослепительный свет, а за ним слышен оглушительный грохот. Аполлон заставляет меня упасть на землю, бросаясь на меня сверху. Его тело покрывает каждый дюйм моего, а руки защищают затылок. Внезапный жар от взрыва обжигает мою кожу, и я зажмуриваюсь, прижатая к траве.

Спустя несколько мгновений Аполлон откатывается в сторону и быстро встает. Он снова разворачивается, но уже по направлению к парковке. В его руке пистолет. Я заставляю себя подниматься медленнее, а не вскакивать. У меня болят уши, в которых до сих пор раздается громкий звон, и я не могу понять, то ли это сработала сигнализация, то ли это реакция на взрыв.

Поднявшись, я вижу, что мотоцикл Аполлона превратился в груды горящего металла, а две машины, которые стояли по обе стороны от него, теперь сдвинуты с места и тоже горят. Из двигателя мотоцикла валит дым, шины перекручены, резина деформирована, и запах от него идет просто отвратительный.

В оцепенении я стою посреди парковки и смотрю на пылающий мотоцикл. Я не могу перестать думать о том, что, если бы Аполлон не затащил меня в класс, в момент взрыва мы бы ехали на нем. При этих мыслях я содрогаюсь.

Аполлон хватается за руку и уводит как раз в тот момент, когда одна из двух машин вспыхивает. Огонь поднимается выше и перекидывается на другую машину, и так по цепочке. Наружу высыпали студенты, привлеченные суматохой.

Аполлон обнимает меня за плечи, притягивая к себе, и мы проскальзываем с группой студентов в одно из зданий. Мы не останавливаемся, пока он не находит женский туалет. Аполлон проверяет кабинки и, убедившись, что они пусты, запирает за нами дверь.

Я останавливаюсь и смотрю на себя сверху вниз. Рубашка и брюки покрыты кусочками травы и грязи. В наступившей тишине звук в моих ушах стал тише. Но я могу думать только о запахе дыма, исходящем от нас и наполняющем туалет.

– Ты в порядке? – сквозь звон до меня доносится голос Аполлона.

Я качаю головой и дотрагиваюсь до ушей.

– Я думаю, что да.

Аполлон нежно берет меня за подбородок, поворачивая голову сначала в одну, потом в другую сторону, чтобы осмотреть уши.

– Все в порядке. Звенит?

– Да.

Он хмурится и достает свой телефон. После того, как Аполлон отправляет кому-то сообщение, он снова обращает внимание на меня.

– Как голова?

– Хорошо.

– Мы сильно ударились о землю.

Я морщусь, потому что мне кажется, что удар был не таким сильным. Мне кажется, Аполлон просто хотел защитить меня, и его забота заглушает боль.

– Я в порядке, честно.

Конечно, головная боль может возникнуть позже, однако сейчас все, что я чувствую, – это неверие. Может, так проявляется шок?

– Они были нацелены на нас?

Аполлон смотрит на меня, и между его бровями пролегал несколько морщинок.

– Могу предположить, что так.

– Но зачем им взрывать меня, разве они не хотят, чтобы я была целой и невредимой? – я скрещиваю руки на груди, чтобы унять дрожь.

– Отличный вопрос, – он снова проверяет свой телефон, а затем выдыхает. – У тебя может быть сотрясение мозга. Твоя голова...

– Скорее всего, нет, – возражаю я и провожу несколько раз руками по лицу.

Я не могу перестать думать о том, что Аполлон, должно быть, видел то, что должно произойти, и поэтому так быстро среагировал. Я думаю о его сильной хватке на моих руках, о взрыве, который, вероятно, мог убить нас обоих, если бы мы стояли чуть ближе к мотоциклу... или сели на него.

– Ты спас меня.

– Это моя вина, – Аполлон начинает нервно расхаживать около раковин. – Нам не следовало сюда возвращаться. Только не тогда, когда Титаны ищут тебя.

– Мы же не знали, – я отвожу взгляд, имея в виду то, что я этого не знала. – Но... никто ведь не пострадал.

– Только мой мотоцикл и те машины, владельцам которых не повезло припарковаться рядом со мной.

Я едва сдерживаю смех. Это не должно быть смешно, но во мне поднимается что-то похожее на истерику. Видимо, Титаны не валяют дурака, а причиненный ущерб чужой собственности – это всего лишь издержки.

Кто-то дважды стучит, и Аполлон напрягается. Он немедленно заталкивает меня в кабинку для инвалидов и закрывает за мной дверь. Я слышу, как его шаги возвращаются ко входу в туалет, а затем меня окружает тишина, нарушаемая тихим звоном в ушах и бешено колотящимся сердцем. Из-за этого мне трудно расслышать, что происходит снаружи.

Тут дверь в мою кабинку распахивается, и я смотрю на Вульфа. Он быстро осматривает меня от волос до ботинок, а затем притягивает к себе, крепко обнимая.

Всего несколько минут назад я целовалась с его лучшим другом, а теперь держусь за Вульфа так, словно он мой спасательный круг. Прижавшись ухом к его груди, я слышу звук громкого, ровного, но быстрого сердцебиения, и звон в моих ушах затихает. Я притягиваю его к себе еще сильнее, и он следует моему примеру. Мы все крепче сжимаем друг друга в объятиях, пока я наконец не чувствую, что кто-то из нас вот-вот раздавит другого. В таком положении мы стоим еще некоторое время – возможно, слишком долго, но я ничего не могу с собой поделать. Я будто пытаюсь вытянуть утешение прямо из его кожи.

Руки Вульфа медленно гладят меня по спине, и, сделав глубокий вдох, я наконец выдыхаю.

– Я в порядке, – говорю я, отпуская его, и отступаю назад.

Вульф качает головой.

– Они были чертовски близко. Чем ты думал, когда выбрал мотоцикл, Аполлон? – Вульф сжимает мою руку и подводит к раковинам, где стоит Аполлон. – Они почти добрались до вас.

Я высвобождаю руку и беру бумажные полотенца, чтобы вытереть лицо. Мы действительно прошли по грани, и эта грань была весьма тонка. Мы чувствовали это. Моя кожа все еще горячая от взрыва, и кажется странным, что, если не считать грязи и травы на моей одежде, я выгляжу почти невредимой. Будто мы смогли пережить что-то очень травмирующее, но шрамы остались внутри нас.

– Мы никого не заметили, когда приехали. Джейс сейчас разговаривает с шерифом.

Как только я слышу эту фразу, кровь отливает от моего лица, а бумажное полотенце падает из рук, что не остается незамеченным.

– У тебя проблема с копами? – спрашивает Вульф.

– Нет, – вздрагиваю я.

– Ну и отлично, – бормочет Аполлон. – Из тебя дерьмовая лгунья.

– Тебе просто нужно продержаться, пока мы не вернемся домой, – Вульф подходит ко мне сзади, встречаясь со мной взглядом в зеркале. – Ты можешь притвориться, что не слышала, как Аполлон сказал, что ты не умеешь врать?

Я прикусываю губу.

Безразличие.

Эмоция, которую я практиковала всякий раз, когда ходила в бар. Это была маска, которую я всегда надевала, если мне приходилось делать что-то страшное. Возможно, проживая в этом городе, я никогда по-настоящему не снимала ее, но в данный момент мне кажется, что она исчезла. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь дотянуться до этого холодного ощущения. Оно лучше, чем оцепенение. Хитрее.

Аполлон и Вульф обмениваются взглядами, но я не обращаю на них внимания. Возможно, они ожидали, что я стану дрожащей развалиной, но я не такая. Поэтому я отпираю дверь и выхожу наружу. Проходя по коридору, я держу голову высоко поднятой, а эта чертова ледяная маска прочно сидит на моем лице. Аполлон и Вульф следуют за мной. Их шаги тихие, но я чувствую их присутствие рядом.

Невидимая поддержка.

Я в шоке от того, как они успели превратиться из пугающих меня парней во что-то успокаивающее.

Кстати, о невидимках... Я начинаю думать, что моя жизнь была намного проще, когда я была девочкой-невидимкой. Конечно, было больно это осознавать, и я изо всех сил сопротивлялась этому, но тогда все было очень легко. Мне нужно было просто жить, чтобы есть и ходить на занятия, вот и все.

Но на данный момент все стало сложно. Несмотря на то, что мы пробыли внутри здания минут десять, снаружи успели развернуться бурные действия: полиция и пожарные быстро разобрались с парковкой, огородив ее периметр желтой лентой. Офицеры стояли вокруг нее, не подпуская студентов, а пожарные, похоже, уже потушили пламя.

Я смотрю на искореженный металл и расплавленную резину, стоящую между двумя покрытыми пеплом автомобилями. Теперь эта груда металла едва ли напоминает мотоцикл, даже по очертаниям.

Рядом с обломками вместе с мужчиной в форме стоит Джейс. Я полагаю, что он разговаривает с шерифом. К одному из карманов его светло-зеленой, словно выгоревшей, рубашки прикреплен бэйдж с именем, а к другому – рация. Также на нем темно-зеленые брюки и темно-коричневые кожаные ботинки, а на голове зеленая шляпа. Рыжеватая борода закрывает нижнюю половину его лица, хотя она коротко подстрижена. В целом, я не замечаю в нем ничего настораживающего.

Когда Джейс ловит мой взгляд, его брови сходятся на переносице, и этот хмурый вид почти останавливает меня. Затем офицер приподнимает для нас ленту, и теперь я уже не могу развернуться и пойти в противоположном направлении.

Безразличие.

Оно сильно похоже на шок, так что, возможно, я уже на полпути к цели. Ко мне возвращаются мурашки, покрывающие тыльную сторону рук. В глубине души я борюсь с желанием сбежать, но рука Аполлона ложится мне на поясницу, подталкивая к Джейсу и шерифу. Без его участия я бы стояла как вкопанная.

Шериф тихо присвистывает, когда видит меня.

– Так это и есть та молодая женщина, из-за которой все неприятности?

– Не разговаривай с ней так, черт возьми, – ощетинивается Джейс, но шериф ухмыляется, не обращая на него внимания, и протягивает мне руку.

– Шериф Брэдшоу, рад познакомиться.

Я не утруждаю себя тем, чтобы пожать ему руку, и склоняю голову набок.

– Вы думаете, я доставляю неприятности?

В этом он не единственный. Разве Джейс не обвинил меня в том, что я притягиваю проблемы? Вызываю, привлекаю – слова разные, но результат тот же. Я – хаос.

– Твое лицо по всему городу, – шериф наклоняется ко мне, и его голос понижается. – По крайней мере, по слухам.

– Хорошо, – Джейс свирепо смотрит на него. – Ты потратил свои две минуты на разговор с ней, теперь мы уходим.

Однако улыбка шерифа Брэдшоу не исчезает. Он засовывает руки в карманы и покачивается на каблуках.

– Конечно, мы знаем, где тебя найти, – его взгляд снова переключается на меня. – И, я полагаю, если мы найдем *их*, то найдем и тебя?

– Отвали, Брэд, – рычит Вульф.

Он протискивается мимо мужчины и покидает оцепленную желтой лентой территорию, а я следую за ним, горя желанием поскорее убраться отсюда.

По какой-то причине Джейс и Аполлон держатся в стороне, пока мы направляемся к черной машине Вульфа. Она наполовину стоит на траве за бордюром и полностью заблокирована патрульными полицейскими машинами, даже со стороны улицы. На самом деле удивляет то, как им удалось это сделать, создав впечатление, что Вульфу просто не повезло.

– Вот ублюдки, – он пинает одну из шин патрульной машины. – Стой здесь.

Я приподнимаю брови, но не слушаюсь его приказа. Вместо этого я возвращаюсь за ним тем же путем, каким мы шли к его машине.

Он хмурится, когда понимает, что я не собираюсь быть тупой девицей, которую похищают в тот момент, когда герой сказал ей: «Стой здесь». Хотя не то чтобы Вульф был моим героем или я была такой девушкой. Неважно.

Наверное, мне стоит научиться карате или какому-нибудь еще виду борьбы. Ведь это то, что делают герои в книгах, которые я читаю. Они учатся надирать задницы плохим парням, и однажды это их спасает.

– Эй, придурки, – Вульф подходит к одному из офицеров и машет рукой в сторону машин. – Не будете ли вы так любезны?

– Конечно, – хихикает офицер.

Они с Вульфом шагают обратно к машинам. В руке у офицера позвякивают ключи, но, прежде чем сесть в свою машину, он останавливается и смотрит на меня. Выражение его лица становится сердитым, а затем его внимание возвращается к Вульфу.

– Что-то хочешь сказать? – огрызается Вульф.

Офицер только качает головой.

– Предполагается, что это нейтральная территория, парень.

– Отвали, мы не взрывали мотоцикл Аполлона. Но из-за твоей девушки может развязаться война.

Я чувствую, как по мне распространяется зудящая тревога. Мои плечи непроизвольно поднимаются, и я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на это чувство. Я не собиралась развязывать войну. Я самый незначительный человек в Стерлинг Фолс.

– Титаны наступают тебе на пятки, – продолжает офицер, пристально глядя на меня. – Это всего лишь вопрос времени: когда кто-то из твоих близких сломается и сдаст тебя им.

Мои глаза распахиваются, а Вульф встает передо мной, поднимая руку. Возможно, этот жест выводит офицера из себя, потому что он хлопает дверцей машины и заводит двигатель. Мгновение спустя он освобождает нам выезд.

– Залезай.

– Ты не хочешь поговорить о том, что только что произошло? – сглатываю я.

Вульф смеется, но его смех совершенно не такой, к которому я привыкла. Сейчас он холодный и безжизненный.

– Не особо.

– Почему?

– Потому что он не хочет, чтобы ты убежала, – внезапно раздается голос Джейса у меня за спиной, и я поворачиваюсь к нему.

Он выглядит так, будто из его ушей вот-вот начнет валить пар, а его голубые глаза горят огнем.

– Больше ты сюда не вернешься.

Что ж, приятель, тогда я возвращаюсь к тебе.

Во мне начинает подниматься гнев. У меня был совершенно обычный день, и ничего плохого не происходило, пока не взорвался долбанный мотоцикл Аполлона. И кто на самом деле в этом виноват? Уж точно не я.

– Вам, ребята, следует научиться быть более тактичными, – я скрещиваю руки на груди. – Если бы они не увидели мотоцикл Аполлона, то не узнали бы, что я здесь. Их целью была не я, а мотоцикл. Они послали довольно четкое сообщение о том, что проблема в вас троих.

Через плечо Джейса я замечаю, как Аполлон пытается сдержать улыбку, но Джейс издает горловой звук, и это оказывается единственным предупреждением, которое я получаю. Затем он

наклоняется и, обхватив руками мои бедра, перекидывает меня через плечо. Я вскрикиваю.

– Может, притворимся, что мы нормальные люди? – он выпрямляется во весь рост, а я хватаю его за рубашку, комкая фланелевую ткань в руках.

Это нелепо.

К моему лицу снова приливает жар, и оно, вероятно, стало не только горячее поверхности Солнца, но еще и краснее, чем когда-либо.

– Черт возьми, ты не можешь просто так издеваться надо мной! Люди смотрят.

Позади нас Аполлон и Вульф открыто хихикают.

Джейс шлепает меня по заднице и делает шаг вперед.

– Давай притворимся, что мне насрать на тактичность. Спасла бы она тебя, если бы мы позволили тебе бегать по кампусу в одиночку? Если бы они увидели девушку-невидимку совершенно одну, не похитили бы они ее? А теперь скажи мне, Кора, кто бы заметил, что ты пропала?

У меня не находится ответа на этот вопрос. На кончике моего языка вертится имя Марли, но затем перед глазами всплывают наши с ней фотографии. Кронос способен свести счеты не только с ней, но и с моими родителями.

Джейс открывает дверцу машины и усаживает меня. На мгновение его рука касается моего затылка, защищая его от верхнего края машины, а затем он захлопывает дверцу. Несколько секунд я сижу в тишине, борясь со своими эмоциями и раздумывая над тем, что он хотел мне доказать.

Сколько бы времени заняло мое похищение? Кто бы заметил мою пропажу? Мои родители, которые звонят раз в неделю? Профессора, с которыми я так и не потрудились наладить контакт? В этом городе у меня нет никого, кроме лучшей подруги.

Меня переполняет ярость от того, что Джейс знает обо мне. Через Вульфа он узнал о моем бывшем. Он знает, что у меня совершенно нет друзей и я в полной изоляции.

Спустя какое-то время дверцы машины открываются. Вульф садится за руль, Джейс занимает пассажирское сиденье, а Аполлон открывает дверь, которую Джейс только что закрыл за мной, и жестом предлагает мне подвинуться. Я закатываю глаза и отодвигаюсь, но

меня это не пугает, особенно когда он сразу же устраивается поудобнее, прислонив свое колено к моему.

Когда я оглядываю салон, меня осеняет, что я больше не изолирована и не одинока. Я улыбаюсь, смотря на Аполлона, но внезапно понимаю, что, должно быть, впопыхах где-то оставила сумку.

– Подождите... я потеряла свой рюкзак.

– Очевидно, это улика, – Джейс слегка поворачивает голову. – Если повезет, ты получишь его обратно завтра. Когда шерифу выгодно, он отчитывается перед Кроносом. А теперь, когда дело касается нас, я предполагаю, что именно к нему он и пойдет. Ты сюда больше не вернешься, понимаешь?

– Вы же не можете просто отчислить меня? – фыркаю я.

– Уже пробовали, – говорит Аполлон. – Не сработало.

Джейс хмурится.

– Вульф, отвези нас в административное здание.

Бровь Вульфа приподнимается, но он ничего не говорит, пока мы не паркуемся перед лестницей главного здания.

Джейс выходит из машины и открывает мою дверь.

– Ну и что ты хочешь? – хмурюсь я. – Чтобы я стала свидетелем того, как меня выгоняют из СФУ?

– Я живу ради того, чтобы наблюдать твои реакции в различных ситуациях.

Что-то трепещет у меня в груди, несмотря на то, что он так жестоко шутит. Мое сердце, кажется, воспринимает это по-другому, и это только еще больше раздражает меня.

Оставив Вульфа и Аполлона в машине, мы с Джейсом входим в огромное мраморное здание. Кажется, оно выполнено в том же стиле, что и «Олимп», с огромными ребристыми колоннами и сводчатыми коридорами. Я не разглядывала их так внимательно раньше, потому что обычно я здесь не бываю. Большинство моих занятий проходят в другом конце кампуса.

Джейс кажется неестественно спокойным. Засунув руки в карманы, он медленно шагает со мной по пустому коридору и даже знает, куда идти. Мы поднимаемся по лестничному пролету в более короткий коридор, который заканчивается двойными дверями из темного дерева.

Джейс распахивает двери так, словно это место принадлежит ему, и, не обращая внимания на женщину, сидящую за большим письменным столом, проходит мимо нее.

Я стою в нерешительности на пороге, разглядывая женщину, которая, кажется, идеально вписывается в устаревший декор этой комнаты, будто она всегда была здесь. Завитые темные волосы, классическая красная помада и темно-синий брючный костюм. Скорее всего, она прячет под столом ноги, с которых скинула туфли.

– Вы не можете туда войти! – говорит она, но Джейс игнорирует ее и проходит через вторую дверь.

От потрясения по кабинету распространяется тишина, и женщина свирепо смотрит на меня, когда я следую за Джейсом. Я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на ее взгляд и проскальзываю мимо, попутно замечая, что на маленькой табличке на ее столе написано, что это офис президента СФУ. Что ж, это все объясняет.

Я вхожу в кабинет президента университета, обнаруживая, что он уже встал из-за стола. Оглядывая комнату, я вижу обшитые деревянными панелями стены, которые украшены его достижениями: вырезками из газет в рамках, наградами, учеными степенями. Это помпезный офис, большую часть которого занимает гигантский письменный стол. За спиной президента находится большое панорамное окно, а плюшевое кресло отодвинуто в сторону. Он стоит у стола, сцепившись взглядом с Джейсом, и я вижу, как по его лицу стекает пот. Проходит не много времени, когда он ломается первым. Он моргает и отшатывается, будто только что столкнулся нос к носу с дьяволом.

– Сядь, Ремус, – наконец произносит Джейс. – Мы здесь не для того, чтобы нарываться на неприятности.

Ремус Йоханссон, импозантный президент университета, каким он был до прибытия Джейса, тяжело откидывается на спинку мягкого кресла.

– Ты знаешь, кто это? – спрашивает Джейс, наклоня голову в мою сторону.

– Кора Синклер, – взгляд президента поднимается на меня, и он морщится. – Да, я...

– Мне не нужно слабых оправданий. – Тон Джейса не терпит возражений.

Он отодвигает один из двух стульев, стоящих у стола.

– Кора.

Выдохнув, я подхожу к нему, прикусив губу. Я просто жду, когда Джейс скажет президенту, что я покидаю университет. Я и сама собиралась сказать своему научному руководителю об этом в конце семестра. Просто Джейс сделает это более резко и окончательно.

– Вот как это будет происходить, Ремус, – Джейс кладет руки на спинку второго стула. – С сегодняшнего дня Кора будет учиться онлайн.

– Но это не...

– Или ты будешь объяснять всем, почему ваш университет закрыт из-за угрозы безопасности учащихся. Как ты думаешь, что обойдется тебе дороже в более долгосрочной перспективе?

Ремус вытирает лоб белым носовым платком.

– Пожалуйста, у нас же нет онлайн-обучения. У меня просто нет такой возможности.

– Тогда я предлагаю тебе разобраться с профессорами Кору, – Голос Джейса ледяной, а выражение его лица напоминает громовую тучу.

Идеальный шторм.

– Хорошо, конечно, я так и сделаю.

Я встаю, и по моей коже бегут мурашки от пребывания в этом офисе, хотя я не совсем уверена почему.

Джейс тоже выпрямляется и жестом предлагает мне выйти из кабинета. Мы проходим мимо разинувшей рот секретарши и спускаемся по ступенькам в главный холл. Только тогда я с облегчением выдыхаю.

– Он под каблуком у мэра, – объясняет мне Джейс. – Безвреден, хоть и раздражает.

– А кто контролирует мэра?

Джейс смотрит на меня удивленно, приоткрыв губы, а затем ухмыляется.

– Ты начинаешь понимать, – он распахивает перед нами дверь.

Аполлон ждет нас, прислонившись к машине, а Вульф по-прежнему сидит за рулем, и солнечные очки скрывают его взгляд.

Они оба бдительны, и поэтому я позволяю себе на секунду остановиться рядом с Джейсом и встретиться с ним взглядом.

– Я быстро учусь.

– Однажды ты об этом пожалеешь, – мягко говорит он.

Возможно.

Но сейчас у меня такое чувство, что чем большим количеством информации я буду владеть, тем лучше я буду подготовлена. Полагаю, время все расставит по своим местам.

Глава 15

Вульф

Едва я подхожу к клубу в Саут-Фолс, раздается собачий лай, который оповещает Адских гончих о моем прибытии. Парковка перед клубом заставлена рядами мотоциклов, а находится это место в стороне от дороги, на окраине промышленного района. Это самая южная точка под контролем Адских гончих. Их влияние распространяется на большую территорию, охватывая часть Ист-Фолс, а граница проходит в трех милях от «Олимпа». И на то есть веская причина. Если кто-то из них пересекает нашу территорию – мы не отправляем их обратно. Скорее, у них появляется шанс поплавать, будучи скинутыми с утеса.

Расправив плечи, я задаюсь вопросом, кто из охранников сегодня дежурит. Из всех имеющихся вариантов меня беспокоит только один. Дверь открывается прежде, чем я поднимаюсь на крыльцо, и крупный мужчина загораживает мне вход. Неоновые огни и дым окутывают его, пока он не делает шаг вперед на фоне музыки, играющей в баре, и дверь за ним не закрывается. Становится тихо.

– Чего ты хочешь? Ты же знаешь, что тебе сюда нельзя.

Я смотрю вниз на длинное крытое крыльцо. Обычно здесь тусуются Адские гончие. Они курят, стреляют, наслаждаются своими женщинами на задних сиденьях мотоциклов и просто выпускают пар. Но сегодня вечером состоится общее собрание, и на улице никого нет.

Это значит, что девяносто девять процентов Адских псов находятся внутри, а этот несчастный ублюдок выполняет обязанности охранника.

Он отходит от двери вместе со мной, вторя моим движениям. Люди думают, что это получается само собой, но, скорее, они поступают так на подсознательном уровне. К сожалению, они чаще обращают внимание на то, куда я иду, а не на то, что я при этом делаю.

Плечи охранника подняты, тело напряжено. Я же воплощение спокойствия, хотя внутри у меня все бунтует, и по ладони уже скользит нож.

– Ты хочешь что-то сказать, малыш?

Малыш.

Мой отец называл меня точно так же, пока я не убил его брата у него на глазах. Я бы убил их всех до единого, если бы рядом со мной не было Джейса и Аполлона. Благодаря им ко мне вернулся рассудок, пусть и по частям. Но сейчас их здесь нет, и мое здравомыслие держится на волоске.

По моим жилам течет дикость, и мне не терпится вступить в драку, но я здесь для того, чтобы выполнить свою работу. И в разгар всего остального, происходящего вокруг, ее нельзя отодвинуть на второй план. Работа – это единственное, в чем у нас с отцом есть взаимопонимание. Я уже рассказал Коре о том, что мы взяли на себя импорт и экспорт в городе. Мы держим поставки банд мертвой хваткой, но кроме этого занимаемся и более темной работой. Джейс, Аполлон и я одинаково хороши в извлечении и раскрытии информации.

К счастью, эта работа хорошо помогает подавить мое беспокойство и унять демонов.

Не раздумывая, я наношу удар ребром ладони по горлу охранника. Это происходит настолько быстро, что он даже не замечает, как именно. Вероятно, бедняга ожидал, что я хочу с ним поговорить и найти предлог, чтобы повидаться с отцом или кем-то еще. Будто бы я охотно согласился на аудиенцию с кем-либо из них.

Отшатываясь и задыхаясь, он врезается в стену и пытается отойти от меня как можно дальше. Конечно, его действия разумны, но я не позволю своей добыче так легко уйти.

Качая головой, я следую за ним.

– Нет-нет, не так быстро.

Я хватаю его за рубашку и притягиваю к себе. Его рубашка, а за ней и кожа плавно нанизываются на лезвие моего ножа. Труднее всего протолкнуться ножом через мышцу, но я справляюсь. Некоторые справедливо говорят, что раны в животе – медленные убийцы.

Я сопротивляюсь желанию повернуть свой клинок, а охранник давится, и в его глазах вспыхивает внезапная боль. Похоже, я ударил его по горлу слишком сильно, и он не может сделать вдох. Как мне теперь повеселиться, если он не может говорить или умолять сохранить ему жизнь?

– Знаешь, должен отдать тебе должное: ты облегчил мне работу, – я похлопываю его по щеке.

Теперь в его горле что-то булькает, и он опускается на колени. Тогда я сдаюсь и поворачиваю лезвие ножа. Я мог бы разорвать его на части, вытащить кишки и запихнуть их ему в глотку. Или просто продолжать крутить нож, делая отверстие больше, но его кровь и так течет по моей руке, капая с запястья на доски пола под нами. Эти деревянные доски повидали на своем веку немало крови, просто обычно это была кровь не Адских гончих.

Он хватается руками за лезвие, порезав пальцы, но его движения стали слабее. Его дикие глаза широко распахнуты, а зрачки расширены, вероятно, под выбросом адреналина. На мужчину давит страх и осознание того, что он скоро умрет. Я понимаю это в тот момент, когда выражение ужаса появляется на его лице.

Что же за уродливый ублюдок! Большой нос с горбинкой, темные волосы коротко и неровно подстрижены. У него тонкие губы, а на лице толстый фиолетовый шрам, из-за которого создается впечатление, что на его челюсти осталась вмятина. Он набил татуировку вокруг шрама, наверное, пытаясь придать ему выразительности или ужаса. Кто, черт возьми, знает, зачем он это сделал, но сейчас его лицо не понравилось бы даже его матери.

Вытащив оружие из тела мужчины, я провожу лезвием по плечу охранника, начисто вытирая с металла кровь, и убираю нож. Я поднимаю охранника и ставлю его перед собой. В нем еще достаточно сил, чтобы стоять на ногах, а я поддерживаю его сзади, несмотря на то, что он на полфута выше меня^[9], а весит, вероятно, фунтов на сто^[10] больше. Мне приходится его приобнять и повернуть дверную ручку, чтобы затем спрятаться за его спиной.

Дверь открывается, и мы входим внутрь.

– Ты идиот, Робби, – кричит кто-то. – Ты должен стоять на страже, а не курить, черт возьми.

Во время этих слов, будто подобрав удачный момент, моя жертва, Робби, кашляет кровью. Она разбрызгивается перед ним, и всеобщее внимание переключается на красное пятно, расплывающееся на его рубашке.

Я пинаю его вперед, и он падает лицом на пол.

Бум.

Как бомба, которая взорвалась вчера, едва не убив Кору и Аполлона.

Достав свой пистолет, я направляю его на Робби, а моя челюсть сжимается, когда я оглядываю бар. В моих карманах есть еще несколько запасных магазинов, на всякий случай, если мне понадобится много стрелять. С этой толпой не помешает быть более осторожным...

Говорит человек, который только что обеспечил себе кровавый проход в этот бар.

Ну что ж, они не должны забывать, кто я такой, даже когда меня здесь нет.

Большое помещение бара заставлено столами, и на каждом стуле сидит задница Адской гончей. Бармен, видимо, новенький, с широко открытым ртом медленно ставит бутылку, из которой только что наливал алкоголь. Похоже, присутствующие не совсем уверены в том, что им делать. То ли выхватить оружие и стрелять, то ли...

Вероятно, ситуация поставила их в тупик.

Я смотрю на знакомые лица людей, с половиной из которых я вырос, а другой половиной был воспитан. Меня не знают лишь несколько новичков, да и то до этих несчастных ублюдков наверняка доходили слухи.

На мгновение мы все замираем. Они, сидящие на своих местах, и я, с пистолетом, направленным на голову их вышибалы, который лежит на полу с ножевым ранением в живот.

Но внезапно кто-то хлопает в ладоши и встает, проходя в центр помещения. Их лидер, словно спаситель Адских псов, появляется сквозь сигаретный дым и приглушенный свет. И внезапно мое прошлое всплывает из воспоминаний, представ во всей красе.

Мы годами бегали по этому месту так, будто оно принадлежало нам, и у нас было хоть какое-то подобие власти. Но это был тщательно продуманный обман, чтобы удержать нас, и этот обман работал слишком долго.

Аполлон и Джейс тоже были воспитаны в этом клубе человеком, который идет ко мне навстречу.

Я кашляю, понимая, что он без зазрения совести мог бы поднять свой пистолет и застрелить меня, не моргнув и глазом. Он и раньше часто угрожал этим любому, кто готов был в это верить.

– Привет, пап.

Хмурость на его лице я замечаю только по сжатым губам, окаймленным аккуратной бородкой. Он носит черную кожаную куртку, на спине которой изображена воющая трехголовая собака в огне, белую рубашку с воротничком и черные джинсы. Лет через двадцать пять, вероятно, я буду выглядеть как он, и это очень отрезвляющая мысль.

– Что ты делаешь? – спрашивает отец, а я оглядываюсь по сторонам, изображая удивление.

– А, это... Я пришел, чтобы сделать тебе подарок.

– Все на выход, – повышает он голос, хмуря брови. – Сейчас же.

Все резко встают из-за своих столов, и меня впечатляет то, как они стараются подчиниться. Ведь невыполнение этого требования часто заканчивается тем, что пуля попадает человеку в череп, позвоночник или колено. Над большинством всегда берет верх страх, а те, кем не движет страх, либо прошли через слишком многое, либо им на все насрать.

Я не шевелю ни единым мускулом, хотя инстинкт кричит мне повиноваться. Это привычка, от которой мне приходится избавляться в присутствии отца.

Вокруг нас воцаряется тишина, а затем человек, которого я недавно буквально выпотрошил, начинает биться в конвульсиях.

– Он скоро умрет, – взгляд отца перемещается с пистолета в моей руке на лицо. – Хочешь выпить?

– Не очень.

Он хмыкает и отворачивается, направляясь к бару, а я стою там, где стоял, наблюдая за тем, как отец заходит за прилавок. Он заглядывает под него, а затем поднимается с бутылкой пива и

откручивает крышку. Ему никогда бы не подошла роль бармена. Он для этого слишком властен, и это видно даже по тому, как манерно он пьет из своей бутылки. За прилавком он кажется неуместным, но больше оттуда не выходит. Наверное, доволен тем, что сохраняет между нами некоторую дистанцию, или просто хочет, чтобы в пределах его досягаемости находился дробовик, спрятанный под прилавком. Отец не уверен в причине, почему я здесь. Даже несмотря на то, что он должен был знать ее. Потому что это его вина.

– Ладно, Вульф, покончим с этим. Ты же знаешь, что мы не занимаемся здесь подобными вещами.

Он имеет в виду этот клуб. Конечно, он предпочел бы устроить этот бардак в «Олимпе» или, что еще хуже, в нашем доме. А поскольку там теперь живет Кора, он ни за что на свете не приблизится к моему дому ближе, чем на милю. Кроме того, мой приход сюда – это самый простой способ убедиться в том, что отец должным образом поступает с предателями. Это сила есть как у него, так и у Кроноса.

У Адских гончих есть все благодаря контрабанде и их жесткому контролю над бизнесом в южной части Ист-Фолс. Они собирают арендную плату, торгуют наркотиками и год за годом привозят в порт несколько девушек-туристок, которые после пропадают. Конечно, их радует, что этого недостаточно, чтобы поднять тревогу или остановить поток отдыхающих на весенних каникулах или семей, приезжающих сюда, потому что, живя на западе, они не имеют доступа к морю. Полиции тоже на это плевать, они заботятся не о пропадающих девушках, а о деньгах, которые наполняют их карманы. Хотя полиция точно знает, куда деваются эти девушки. Сначала в транспортировочный контейнер, а затем на корабль, направляющийся черт знает куда. Иногда это Россия, иногда какая-нибудь восточноевропейская страна. Черт возьми, да из Стамбула они могли бы отправиться в любую точку мира.

Я стискиваю зубы, понимая, что Адские гончие потеряли представление об идеологии, которая была у нас, когда мы все это только начинали.

Поэтому мы и хотим покончить со всей этой чертовщиной. Чтобы спасти невинные жизни.

Я ненавижу, что мы с Аполлоном и Джейсом отвлеклись от плана и позволили этой грязи продолжаться. Я буду жить с этим позором

вечно, но скоро наступит тот день, когда Адские гончие и Титаны получают по заслугам.

– Ну? – отец постукивает пальцем по барной стойке. – Ты собираешься продолжать тарашиться на меня или будешь говорить?

Я пытаюсь перестать думать о прошлом и придаю лицу бесстрастное выражение.

– Недавно Робби купил квартиру в Вест-Фолс на имя своей бабушки, но так как она сейчас в доме для престарелых, я сомневаюсь, что она самостоятельно делает такие покупки.

После этих слов отец пристально смотрит на меня, и я не могу решить, удивлен он или нет. Ему, как по мне, прекрасно известно, что любой, кто регулярно приходит в клуб в качестве Адской гончей, никогда не станет шпионом на территории Титанов. Это простая истина. И, если бы Титан пришел к моему отцу с просьбой стать Адской гончей, он был бы наказан и выброшен на обочину в Вест-Фолс. Но шпионы все равно существуют. Причем с обеих сторон. Тот, кто обманывает моего отца ради Титанов, вероятно, никогда не видел, что происходит в «Спуске», их баре. Какой смысл работать под прикрытием, если тебя разоблачат до того, как ты начнешь? Самый простой способ раскрыть его – это быть замеченным там, где тебя быть не должно.

– Черт, – ворчит отец.

– В последнее время ты использовал его для чего-нибудь важного?

Покупка недвижимости в Вест-Фолс означала, что он был стукачом, но его обязанности либо подходили к концу, либо он планировал сдать всех в обмен на защиту. В любом случае это делает Робби крысой.

Папа закатывает глаза и допивает остатки из своей бутылки, выбрасывая ее в мусорное ведро. Она громко звякает об еще большее количество стекла.

– Твой приятель Уэс лезет не в свое дело.

– И это ты мне говоришь? – он свирепо смотрит на меня.

– Он назначил награду за мою девочку, – говорю я, но тут же прикусываю язык. Давать ему больше информации, чем необходимо, – нехорошо. И возможно, это самая глупая вещь, которую я сделал за последнее время.

Отец запрокидывает голову и смеется. Только вот его смех практически напоминает вой. Он колотит кулаком по стойке бара до тех пор, пока не обретает контроль над собой, а затем смеется еще громче.

– Так та девушка, которую он продает с аукциона, – *твоя*? Как ты вообще позволил ей заключить с ним сделку?

– Неважно, – прищуриваю я глаза. – Важно то, что он охотится за ней с оружием.

– Кстати, об оружии, которым ты размахивал несколько минут назад. Где ты его взял?

Я не уверен, что он поймет, что это за оружие, но мне хотелось проверить, сможет ли он его распознать. Поэтому я выпрямляюсь и, вынимая пистолет из кобуры, подхожу к стойке бара. Я забираюсь на табурет и кладу пистолет на стол. Отпускать его из рук почти больно, но я справляюсь и кладу руку на бедро, заставляя тело успокоиться. Огнестрельное оружие, которое лежит на стойке, прекрасно. Оно единственное в своем роде. Этот пистолет был разработан моей матерью перед тем, как она ушла от нас, но тогда это был всего лишь набросок, которым был так одержим отец. Одна из немногих вещей, которую он не сжег после того, как она сбежала. Единственная женщина, которой когда-либо удавалось сбежать с территории Адских гончих. По иронии судьбы это привело к тому, что я застрял здесь с несчастным, контролирующим все вокруг ублюдком, и, боже, только я знаю, насколько было больно принимать на себя тяжесть его вины.

Разглядывая пистолет с почтением, которое предназначается только впечатляющему оружию, отец узнает его.

– Как? – он тянется к пистолету, но я забираю его и кладу обратно на свою сторону барной стойки, а затем убираю в кобуру.

– Я заказал его для себя.

– И?

Я вижу, как у отца практически текут слюни, а как только я скрываю пистолет из виду, голод в его глазах превращается в камень. Он должен был знать, что я забрал этот набросок, уйдя отсюда много лет назад.

– Это лучший пистолет, который у меня когда-либо был, – говорю я, получая некоторую радость от его страданий.

– Что ты хочешь за него? – он наклоняется вперед, опираясь на стойку.

– Думаю, на данный момент Робби – последний из шпионов, но я бы присматривал за остальными, ведь Кронос может привлечь кого-то на свою сторону притоком наличных с аукциона.

Если аукцион состоится.

– А этот пистолет... Ты получишь его только через мой труп.

Я наклоняюсь над стойкой и, открыв кран с газированной водой, лью ее себе на руки, стирая липкую кровь Робби, которая уже частично высохла и прилипла к моей коже. Вода вперемешку с кровью стекает на резиновые коврики на полу и забрызгивает ботинки моего отца.

Хватая тряпку, я вытираю руки, а затем ухожу прочь, не утруждая себя прощанием. Потому что пошел он к черту!

Глава 16

Кора

Как ни странно, во всей этой ситуации нормальное поведение по отношению ко мне демонстрировал только Джейс. Хотя, возможно, «нормально» – неправильно подобранное слово, потому что я вообще не уверена, что среди нас есть кто-то нормальный. Но с той первой ночи, когда он застал меня в комнате с роялем, он стал относиться ко мне по-другому. Теперь мы часто встречались по ночам возле музыкального инструмента. Я играла, а потом Джейс провожал меня обратно в комнату и оставался со мной. Я ложилась в свою постель, а он садился рядом и держал меня за руку, пока я не засыпала. Да, в наших отношениях появилось что-то новое. Мы стали держаться за руки, и кошмары, которые мучили меня, уходили, пока Джейс был рядом. Но последние две ночи его не было дома, и большую часть этого времени я не спала, поэтому всю ночь нюхала носом.

– Одевайся, – я поворачиваю голову и вижу, как Джейс заходит в мою комнату.

Он останавливается у дверей и, прищурившись, смотрит на меня, будто видит, что я страдаю бессонницей, что немудрено, учитывая, со скольким количеством смертей и перемен в своей жизни я столкнулась.

– Зачем?

– Нам нужно уходить, и я не оставлю тебя одну в этом доме.

Джейс не садится, как обычно, на край кровати, и его тон не смягчается. Он видит, что для меня это слишком, понимает это, но все равно настаивает на своем.

– Так зачем мне одеваться?

Он улыбается, но эта улыбка кажется вымученной. Это не тот расслабленный полуночный Джейс, который проводит со мной ночи, а человек, который живет под маской Аида. От него исходит холодная, будто закрученная спиралью энергия.

– Сегодня вечер пятницы. Тебе нужно одеться для «Олимпа».

Я удивленно вскакиваю с кровати, но он уже направляется к выходу. Впервые за неделю мое сердцебиение учащается от приятного волнения, пока не начинает мчаться галопом. Я делаю глубокий вдох, а потом пытаюсь взять себя в руки и подхожу к шкафу.

В последнее время Вульф и Аполлон держались от меня на расстоянии, и, если бы я не мучилась бессонницей, Джейса я бы тоже нечасто видела.

Благодаря верному своему слову президенту СФУ, все преподаватели теперь занимались со мной онлайн. Кроме того, кто-то доставил в особняк совершенно новые экземпляры учебников, завернутые в целлофан, хотя я не знаю, как они выяснили, что я пользуюсь библиотечными копиями, ведь я не говорила об этом. А еще мне до сих пор не отдали сумку. Накануне звонила секретарь шерифа и оставила сообщение, в котором спрашивала, могу ли я подъехать в участок, чтобы ответить на несколько вопросов. Как только я показала сообщение Аполлону, он тут же удалил его.

Мысль о возвращении в «Олимп» вернула адреналин в мою кровь, поэтому я быстро расчесываю волосы и заплетаю их в простую косу, которая лежит по центру моей спины.

Подойдя к шкафу, я раздумываю, что мне надеть, ведь белое платье я уже надевала дважды. Но тут я замечаю висящую на вешалке светло-оранжевую юбку и укороченный топ. Достав их из шкафа, я не могу вспомнить, когда я покупала такое. Увидев на каждом изделии бирку, я ахаю и роняю их на кровать. Они слишком дорогие. Ясно, что эти вещи купила не я, но кто тогда повесил их в шкаф? Вероятно, один из парней, но кто именно?

Сначала я раздражаюсь, когда проверяю размер на этикетке, и он оказывается правильным, но потом решаю не заострять на этом внимание и подхожу к ящику с нижним бельем, находя в нем подходящий комплект бюстгалтера и трусиков.

Ладно, кто-то издевается надо мной, но это не повод для того, чтобы не примерить эти вещи. Что я и делаю.

Юбка гладкая, как шелк, и сидит на мне идеально. Она доходит до колен и развеивается, будто веер, когда я поворачиваюсь. У топа с рукавами длиной три четверти и открытыми плечами сделан глубокий вырез, демонстрирующий ложбинку между грудями. Неплохой выбор для октября.

Я снова думаю о том, как Вульф и Аполлон вели себя на этой неделе. Их поведение изменилось. Конечно, они не избегали меня в открытую, но и не предпринимали никаких попыток поговорить со мной. А после того, как они оба меня поцеловали, я ожидала чего-то большего. Мне неприятно это признавать, но такое поведение причиняло мне боль. К тому же я продолжала избегать сообщений и звонков от Марли и родителей. Мне было просто невыносимо разговаривать с ними и врать, что все в порядке.

– Готова? – спрашивает меня вновь зашедший в комнату Джейс. – Вау!

– Э-э-э... – я провожу рукой по краю юбки. – Мне следует поблагодарить за это тебя?

– За что? – наклоняет он голову.

– Не бери в голову.

Значит, вещи куплены не им, думаю я, когда поворачиваюсь к зеркалу и подкрашиваю губы розовой помадой.

– У меня нет маски.

– Мы это предусмотрели, – бормочет он.

На Джейсе черные джинсы и черная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Сегодня вечером на нем нет и следа краски, и я думаю, когда же они перевоплотятся в греческих богов? Уже в «Олимпе»? Ведь они должны это сделать.

Джейс откидывает волосы назад и проводит рукой по шее, будто устал.

– Ну, Джейс, как там тебя по фамилии? Нервничаешь?

– Нет, – он давится смехом. – Просто я думаю, скольких парней Вульф и Аполлону придется отгонять от тебя палками, когда тебя все увидят. Особенно рядом с королем.

– Ну конечно, с гребаным королем, – фыркаю я.

Не думай об этом.

– Я бы не хотела, чтобы ты проявлял ко мне слабость.

– К тебе? – он закатывает глаза. – Никогда. Ну, давай же, твоя колесница ждет.

Он протягивает мне руку, и знакомое тепло разливается по телу, когда мы соприкасаемся. Моя реакция на Джейса становится все ярче, и я понимаю, что до этого момента я избегала этих чувств.

Мы встречаемся с Аполлоном и Вульфом у дверей в гараж, и их реакция на мой внешний вид гораздо лучше, чем у Джейса. Вульф свистит, а Аполлон делает шаг вперед и берет меня за руку, разворачивая к себе. Я смеюсь, чуть ли не спотыкаясь о собственные ноги, но он притягивает меня ближе, и прежде, чем я успеваю остановить его, его губы накрывают мои. Когда шок рассеивается, словно дым после пожара, я расслабляюсь.

Неважно, что он стер мою помаду, а его рука скользит по моим волосам у основания шеи, неважно даже то, что он сделал это на глазах у Вульфа и Джейса. Этот поцелуй был мне просто необходим. Но, как только ко мне возвращается разум, ярываю наши объятия, быстро отступая назад, и дотрагиваюсь до своих губ. Аполлон похож на кота, который только что съел канарейку, а Вульф... его челюсть сжата, но он не кажется разозленным, скорее, заинтригованным. Джейс же захлопнул за собой дверь, уйдя в гараж.

Мы садимся в громоздкий внедорожник Аполлона цвета «серебристый металлик» и, выехав из гаража, движемся по Стерлинг Фолс. Вульф едет на заднем сиденье вместе со мной, а Джейс занял переднее пассажирское место. Он выглядит напряженным, но сейчас я не могу сосредоточиться на нем.

– Называй нас нашими псевдонимами, – советует Вульф. – У Аполлона его нет, я – Арес, а Джейс – Аид, – он указывает по очереди на Аполлона, на себя и на Джейса.

– Я помню, – говорю я, закатывая глаза.

– Хорошо, – он наклоняется ко мне, понижая голос. – Ты готова?

Разве это может быть плохо?

Ответ на предыдущий вопрос: очень плохо.

– Персефона? – повторяю я, держа в руках коробку с новой маской.

Джейс – Аид – гримасничает в ответ на мои слова, стоя в другом конце комнаты.

– Не придавай этому значения.

– Тебе не кажется это совпадением? Похищена и утащена в ад.

Не хватает только свадьбы, но я не хочу сглазить свою удачу.

Я пристально смотрю на маску в коробке, цветочный аромат – это второе после ее хрупкой красоты, что поразило меня до глубины души.

– Это настоящие цветы? – спрашиваю я.

– Ага.

Вульф – Арес – садится напротив меня на диван, а Аполлон сейчас в ванной, наносит на себя последние золотые штрихи. Они еще не надели маски, и я не уверена, как буду реагировать, и не возненавижу ли я тот момент, когда произойдет их перевоплощение.

– Почему Персефона? – шепчу я.

– Ты выбрала ее, – Джейс подходит ближе и протягивает мне руку, поднимая меня с кресла. – Независимо от того, осознавала ты это или нет.

Он берет маску, поднимая ее с шелкового ложа на дне коробки, и подносит к моему лицу. Я поддерживаю низ маски и поворачиваюсь, чтобы он мог завязать тонкие кожаные ремешки у меня на затылке. Отверстия для глаз в ней достаточно велики, чтобы я не испытывала клаустрофобии, а цветы, кажется, растут прямо из моей кожи. Эффект получается жутковатый, но на нижнюю окантовку маски прикреплено несколько жемчужин, создающих четкое разделение между ней и лицом, на которое она надета. Эта маска похожа на ту, которая подарила мне Марли, но гораздо красивее.

Джейс приподнимает мой подбородок, встречаясь со мной взглядом.

– Вот почему тебя заметили в «Олимпе», Персефона. Вот почему наши люди впускали тебя, не взимая платы. От старых привычек трудно избавиться.

Я замираю. Ни о чем не думаю. Я просто киваю в такт его словам, загипнотизированная его взглядом. Я не знаю, что он имеет в виду, говоря, что от старых привычек трудно избавиться, но только когда Аполлон громко кашляет, я понимаю, что слишком приблизилась к Джейсу, и мне ничего не остается, кроме как убежать и спрятаться в ванной.

Когда я закрываю за собой дверь, дышать становится легче. Я поправляю бретели топа и маску. Я стерла помаду после того, как Аполлон поцеловал меня, так что теперь мои губы естественного цвета. В зеркале я вижу, что светло-оранжевый наряд хорошо сочетается с моей новой маской из маргариток и лилий.

– Ты в порядке, – шепчу я сама себе.

Осталось только донести это до остальных.

Вероятно, Марли тоже будет здесь и, возможно, даже меня узнает.

Раздается стук в дверь, и я приоткрываю ее ровно настолько, чтобы увидеть, как за ней стоит, ухмыляясь, Аполлон.

– Просто хотел сказать, что ты прекрасно выглядишь, и я с нетерпением жду, когда увижу тебя после боя.

В конце концов, они здесь хозяева.

Я открываю дверь шире и, протягивая руку, дотрагиваюсь до золотого орнамента на его шее. Золотая краска отпечатывается на моих пальцах, еще не высохнув до конца, и я провожу ими по своему горлу.

Аполлон прислоняется головой к дверному косяку и издает страдальческий звук.

– Однажды после боя я трахну тебя, и ты будешь вся в моем золоте, – его глаза горят, темнея с каждой секундой, и меня охватывает трепет.

– Для этого тебе придется выйти на ринг, – тихо отвечаю я.

Ведь я никогда не слышала, чтобы он или Вульф сражались на Олимпе.

– И этот сценарий воплотится в жизнь, только если ты выиграешь.

Я представляю себе его шикарное тело, лежащее на моем, покрытом пятнами золотой краски, и дрожь пробегает по коже. Эта картина проникает вглубь меня, и внутри все пульсирует от желания.

Я не должна думать о сексе в такой момент.

– Еще бы, черт возьми, – улыбается он.

Я улыбаюсь ему в ответ, а затем снова закрываю дверь. Тяжело дыша, я прислоняюсь к ней плечом.

Что, черт подери, я делаю?

Зачем я так сближаюсь с этими парнями?

Наконец я выхожу из ванной. Джейс ушел, и Вульф остался в комнате один. Он лежит на диване почти в той же позе, в какой был. Только на его лице надета маска. Так что, думаю, он уже превратился в Ареса. За окровавленной маской с перьями взгляд его темно-красных глаз непроницаем, но он все равно замечает золото на моем горле и жестом подзывает меня ближе. Мое дыхание учащается, когда я останавливаюсь перед ним. Арес протягивает руку и усаживает меня к себе на колени. Я автоматически хватаюсь руками за его плечо, чтобы не упасть.

– Он тебе нравится?

Я до сих пор вспоминаю его слова, которые он сказал мне, когда мы еще были незнакомцами. Маски дают нам возможность быть самими собой, и это – чистая правда. Если я не могу быть честной в данный момент, то кем это меня делает?

– Вы мне оба нравитесь, – признаюсь я.

Он медленно кивает, но я вижу, как напрягаются мускулы на его челюсти.

– Когда он рассказал мне о том, что вы поцеловались, я чертовски разозлился на тебя.

Шипение вырывается у меня сквозь зубы, когда пальцы Ареса сжимаются на моем бедре, словно он пытается удержать меня на месте, если я захочу сбежать. Мне не хочется убегать, но я думаю о том, чтобы отшлепать Аполлона при следующей встрече. Он что, не мог держать язык за зубами?

– И тогда я понял, что должен приложить больше усилий.

– Ты очень хочешь, чтобы я выбрала тебя? – содрогаюсь я.

– Конечно, я постараюсь проявить себя, но... – он наклоняет голову.

– А что, если я не выберу ни то ни другое?

Идея безумная, но интересная.

– Что, если я хочу вас обоих?

– Не знаю, Кора, – говорит он, обдумывая мои слова после некоторого молчания.

– Не знаешь что?

– Не знаю, смогу ли я тебя делить, – его пристальный взгляд прикован ко мне. – Если только ты не имеешь в виду... Я должен спросить, ты знаешь, что Персефону тоже звали Корой?

– Прекрати, – я отталкиваю его. – Я знала, просто забыла.

Потому что кроме схожести имен моя история понемногу начинает становиться похожа на ее. На самом деле я не знаю, что чувствую по этому поводу, но сегодня на мне надета маска в ее честь. Так же, как и в тот вечер, когда – сознательно или нет – Марли подарила мне первую цветочную маску. В «Олимпе» все имеет значение.

– Мы опаздываем.

– Тогда веди меня.

Арес встает с дивана.

По пути к знакомому занавешенному балкону присутствие Ареса позади меня успокаивает. Мы проходим вверх по винтовой лестнице, а затем по боковому коридору, и в поле моего зрения появляется тяжелая бархатная занавеска, отделяющая их балкон.

Сегодня «Олимп» выглядит по-другому, но я не могу точно сказать, в чем это отличие. Возможно, в том, что зал уже переполнен людьми, а маршрут, по которому мы идем, огибает это столпотворение. Звуки толпы подобны отдаленному грому или гулу проводов, и электричество волнами проходит по моему телу. В коридоре я замечаю сотрудников «Олимпа», сидящих за столами с черными скатертями. Они раздают позолоченные карточки в обмен на наличные. Сегодня они снова сменили маски. Когда я пришла сюда впервые, сотрудники были в масках кабанов, последние два раза – воронов, а сегодня вечером они...

– Козлы, – шепчет Арес мне на ухо.

Теперь, когда он это говорит, мне становится понятен мех на их масках и маленькие рожки, торчащие из висков. Не останавливаясь, Арес следует за мной к их балкону, и я немного колеблюсь, прежде чем отодвинуть занавеску.

Сначала я слышу едва уловимое жужжание, которое ощущала и раньше, но затем меня оглушает шум. Делая шаг вперед и выходя из тени, я понимаю, что Аполлон уже закончил свое представление, и люди, жаждущие насилия, борются за места ближе к рингу.

Аид уже расположился на своем месте. Он сердито смотрит на пополняющуюся толпу, а на его лице прочно сидит маска-череп. Мне приходится скрыть свою дрожь, ведь это первый раз, когда я оказалась так близко к Аиду во всей его красе. Его рубашка распахнута, но заправлена в черные брюки, что подчеркивает его пресс и татуировку на груди. Рукава, закатанные до локтей, обнажают еще большее количество татуировок. На шее и груди Аида видны подтеки черной краски.

Мое сердце начинает биться быстрее, и я пытаюсь взять себя в руки, прежде чем он заметит мою нервозность. Я сжимаю губы, чтобы не сказать какую-нибудь глупость. На мгновение он встречается со мной взглядом, а затем снова обращает свое внимание на пустую боевую платформу. Арес садится на свое место и усаживает меня к себе на колени.

Я кладу руки на подлокотники кресла и пытаюсь подняться, но Арес обнимает меня за талию, удерживая на месте, и наклоняется так, что его губы касаются моего уха:

– Тебе не кажется это знакомым?

Я ерзаю.

Так и есть, мы сидели точно так же, когда я впервые попала в «Олимп». Только тогда я была в каком-то смысле более невинна, даже с клеймом на запястье и угрозой Кроноса, повторяющейся в моей голове. Я представить себе не могла, насколько под откос все пойдет дальше, поэтому я игнорирую слова Ареса.

– А ты сегодня не будешь сражаться? – спрашиваю я Аида.

– Я слежу за обстановкой, – он бросает злобный взгляд на Ареса, и тот выпрямляется.

Ну, тогда проблема почти решена.

Не знаю, почему я спросила Ареса, не возражает ли он, если я не выберу ни его, ни Аполлона, ведь я зашла так далеко, когда поцеловала их обоих. И давайте не будем забывать, что Аполлон первым рассказал Вульффу о том, что поцеловал меня, и они оба – причина, по которой застряла здесь, прячась от людей, которые могут получить награду за мою голову.

Толпа все прибывает, пока не начинает казаться, что атриум, главный уровень и балконы полностью заполнены. «Олимп» – это место, где античный театр встречается с бойцовским клубом.

Элегантный и древний, но при этом суровый и мрачный, он каким-то образом объединяет два разных мира.

Аполлон запрыгивает на платформу как раз в тот момент, когда Арес хватается за горло. Он не сжимает его, но заставляет меня сидеть на месте. Мои ноги оказываются между его, а другая его рука лежит на моем бедре. Я знаю, что я в безопасности, но от его движений мое сердце бешено колотится. Когда его рука скользит вниз по моему горлу, останавливаясь чуть выше выреза топа, я ловлю его за запястье, переворачивая ладонь вверх. Она *красная*.

Секунду спустя его губы вновь касаются моего уха:

– Я не могу позволить Аполлону так просто взять и заявить на тебя права, цветочек. Если ты хочешь нас обоих – мы можем что-нибудь придумать, но позволь нам сразиться за тебя, ведь это половина удовольствия.

Я поворачиваюсь к нему и обнаруживаю, что он намного ближе ко мне, чем я думала. Его нос почти касается моего, и я встречаюсь с ним взглядом.

– А вторая половина?

– Это секс.

Мое лицо пылает, и я снова рада, что на мне эта чертова маска.

– Борьба и секс, – мой голос дрожит, и я быстро отвожу взгляд. – Интересно.

– Так же интересно, как и наблюдать за тем, как ты смущаешься, – усмехается он.

– И наконец, хозяева «Олимпа»! – гремит голос Аполлона, и внимание толпы переключается на нас. На Аида в маске из человеческого черепа, украшенной рогами. Его взгляд отрешен и сосредоточен на балконе напротив нас. На Ареса в его неизменном кроваво-красном одеянии. И на меня, сидящую на его коленях с красным отпечатком ладони на горле. По аудитории проносится шелестящий шепот, и я думаю, не связан ли он с тем, что я сижу на коленях у Ареса. Парни реагируют на внимание абсолютно спокойно, а я все жду, когда ими завладеет происходящее на ринге.

Наконец Аполлон вызывает на ринг первых бойцов, и внимание толпы вместе с моим переключается. Но, в отличие от других, я сосредоточиваюсь на Аполлоне. Маска в виде черепа оленя придает ему потусторонний вид. Вместе с Аидом и Аресом это трио –

беспощадные хозяева «Олимпа», и они бы выделялись из толпы, даже если бы на них не было масок.

– Святой здесь, – вполголоса сообщает Аид Аресу, потом встает и смотрит на нас сверху вниз. – Я собираюсь поговорить с ним, так что не делай глупостей и не оставляй ее одну.

Подтекст его слов ясен: он не доверяет «Олимпу», а, учитывая количество людей вокруг нас, я не могу в этом его винить, потому что тоже не доверяю им.

Арес кивает, а затем его губы оказываются у моего уха:

– Так чего ты хочешь, цветочек? Мы можем продолжать сидеть здесь, а можем пойти посмотреть на заброшенный зал.

Чего я хочу?

После его упоминания секса он постоянно выходит у меня на первый план. Я думаю, что Арес хочет того же самого, и, учитывая напряжение в моем теле... Небольшое облегчение было бы как раз тем, что нужно, не так ли?

Я ерзаю у него на коленях, притворяясь, что обдумываю его слова.

Но я не успеваю ответить, потому что начинается бой, и один из противников немедленно наносит другому удар, от которого хрустят кости. Я морщусь от этого звука и закрываю глаза, а Арес, не говоря ни слова, подхватывает меня на руки и встает. Я обвиваю его шею, но, похоже, он и не собирается меня отпускать. Держа меня одной рукой под коленями, а другой за спину, он выходит с балкона, отодвигая плечом плотный занавес, и идет по коридору. Мы проходим мимо других балконов, а затем он усаживает меня в пустой неглубокой нише.

– Здесь? – спрашиваю я, оглядываясь по сторонам, чувствуя, как напряжены мои нервы.

– Нет, – он хватается рукой за бра и тянет его вниз.

Бра легко перемещается, опускаясь на три дюйма^[11] ниже, чем раньше, и внезапно рядом со мной в стене распахивается невидимая дверь. Она идеально вырезана в мраморе, чтобы гармонировать с ним. Я таращусь на лестницу, которая поднимается вверх по спирали.

– Наверх? – я приподнимаю бровь. – Я думала, здесь всего два этажа.

– Третий предназначен для личного пользования.

Арес протягивает мне руку. Наши пальцы переплетаются, и он ведет меня к лестнице, которая заворачивает направо, продолжая изгибаться. К тому времени, как мы добираемся до верхнего этажа, я почти запыхалась. Мы идем по коридору, огороженному по сторонам решетками. Высотой они до самого потолка, и сквозь них, далеко под нами, я вижу ринг и борцов.

Арес приводит меня в одну из комнат, в которой практически нет мебели. Лишь письменный стол и несколько стульев у окна.

Предвкушение пронизывает меня насквозь.

– Ты уверена? – спрашивает Арес. – Твоя история с...

– Только не упоминай моего чертового бывшего! – я толкаю его спиной к двери, и глаза Ареса расширяются, но он позволяет мне сделать это.

Я не знаю, что на меня нашло, но на этот раз я хочу быть главной. Как он сказал про маски, они позволяют нам быть самими собой, и даже если я не совсем согласна с этим, сейчас я честна настолько, насколько могу быть.

Я провожу руками по его обнаженной груди. Красная краска уже высохла и почти не размазывается.

Сбрасываю куртку с его плеч, и она падает на пол позади него.

– Скажи мне кое-что, – я облизываю свою нижнюю губу.

– Все что угодно.

Я скольжу пальцами к его поясу и медленно расстегиваю ремень, а затем тяну вниз молнию на его брюках. Костяшки моих пальцев задевают твердеющий член, и Арес резко вдыхает.

– Ты хочешь меня, потому что того же хочет Аполлон?

Я встречаюсь с ним взглядом и прошу сказать правду, будто сейчас у меня есть власть вырвать признание из его уст.

Он опирается головой о дверь позади себя, а затем, выпрямившись, берет одну из моих рук, на которой нет клейма, и подносит запястье к своим губам.

Они так ничего и не сказали мне о светлом браслете, который скрывает мой позор.

– Кора Синклер, – я вздрагиваю от мрачного тона Ареса. – Причина того, что я хочу тебя, кроется только в тебе, а не в нем, – он закрывает глаза. – Мы никогда раньше не ссорились из-за девушки, и я

не думал, что это время наступит. У нас с Аполлоном слишком разные вкусы.

Прежде чем я успеваю что-то спросить, Арес разворачивается, и я оказываюсь прижатой к стене вместо него.

– Хватит разговоров, – его губы прижимаются к моим, а мои руки оказываются зажатыми между нами.

Я больше не могу ждать, и мне не нужно никакой прелюдии. Я просто хочу почувствовать его внутри себя, потому что, по какой-то безумной причине, я доверяю ему больше, чем когда-либо доверяла Паркеру. Хотя, возможно, это не так уж и безумно.

Освободив руки, я снимаю с него штаны и чувствую, как он стонет мне в рот, когда я обхватываю пальцами его член. Движения моей руки делают его таким же неистовым. Арес поднимает меня, заставляя обхватить ногами его бедра, и несет к столу.

Едва я оказываюсь на поверхности стола, он тут же отступает назад. В комнате, покрытой тенями, играющими в лунном свете, он выглядит как готовый к нападению зверь. Его грудь по-прежнему обнажена, если не считать рисунков на ней, но он медленно поправляет свои брюки и снова застегивает ремень. Прежде чем я успеваю выразить свое недовольство на тему того, что он одевается, Арес подходит ближе и, задрав мою юбку до талии, отодвигает трусики. Его губы приоткрываются, а затем он опускается передо мной на колени, и мне не нужно подсказок, чтобы раздвинуть ноги.

Когда он отодвигает тонкую полоску ткани чуть дальше и наклоняется вперед, я уже вся горю и пытаюсь подавить вздох, когда его губы касаются центра моего удовольствия. Я нахожу более удобное положение, опираясь на локти, но стараюсь не запрокидывать голову, чтобы видеть, что он со мной делает, а его язык уже скользит по моему клитору.

– На вкус ты как сладчайший нектар, – говорит он, целуя внутреннюю поверхность моего бедра, а затем вводит в меня два пальца.

– Пожалуйста, просто трахни меня, – стону я, но он издает цокающий звук.

– Нет, пока ты не кончишь, цветочек.

Я перевожу взгляд на потолок и ничего не говорю, а он приподнимается, но его пальцы продолжают входить и выходить из

меня. Трение его большого пальца на моем клиторе создает слишком приятное ощущение, и я теряю самообладание, не совсем понимая, что чувствую.

– Вульф...

– Арес! – его рука обхватывает сзади мою шею и тянет на себя.

Он целует меня в шею, прямо под ухом, и я снова стону. Я держусь за его плечи, прижимаясь вплотную, когда незнакомое чувство накатывает и опустошает меня. Мои глаза закрываются сами по себе, и каждый мускул в теле напрягается. Я содрогаюсь, а ощущения продолжают накатывать, словно волны, пронизывая меня удовольствием, пока наконец не отступают.

Я выдыхаю, ослабляю хватку и теряю ход мыслей.

Что, черт возьми, это было?

Он осторожно вынимает из меня пальцы и подносит их к своему рту, а я быстро моргаю, пытаюсь сдержать эмоции.

У меня дрожат колени, и кажется, что я до сих пор не могу собраться с мыслями.

– Я дам тебе пенни, – говорит он, дочиста вылизывая свои пальцы. – За твои мысли.

Я пожимаю плечами и отвожу взгляд, поправляя нижнее белье и одергивая юбку, но Арес все еще стоит у меня между ног.

– Кора, – говорит он более мягким тоном. – Я чувствую, как ты отдаляешься.

Ну да, потому что я не думала, что парень когда-либо будет обращаться со мной с таким вниманием. Еще никто не ставил мое удовольствие на первое место, не требуя ничего для себя.

Но я не собираюсь говорить об этом вслух, тем более при нем. Тем не менее по моей коже бегут мурашки.

– Кто-нибудь делал это с тобой раньше? – он смотрит на меня так пристально, будто заглядывает в душу.

– Нет, – говорю я, стягивая маску с лица.

Он тоже осторожно снимает свою маску и откладывает ее в сторону. Арес обхватывает мое лицо обеими руками, внезапно становясь серьезным.

– Послушай меня, цветочек. Ты заслуживаешь всех оргазмов, с которыми можешь справиться, и если кто-то не дает тебе этого, то он

не стоит твоего времени, – его глаза сужаются. – Черт, никто больше к тебе не прикоснется.

– Не хотелось бы тебя огорчать, Вульф, – усмехаюсь я, – но какой-то сумасшедший мужик собирается продать меня. Не думаю, что это сопровождается пунктом о запрете прикосновений.

Его взгляд затуманивается.

– Не надо об этом.

– Давай будем реалистами.

– Нет уж, давай будем оптимистами, – возражает он. – Ты моя, наша, не знаю... В любом случае, просто замолчи и думай позитивно.

– Вульф... – вздыхаю я.

– Нет! – он подходит ближе, приподнимая мой подбородок.

Этот наш поцелуй более медленный, но не менее страстный. Я чувствую, как Вульф вливает в меня свой жар и заботу, но также ощущаю привкус отчаяния, и целую его в ответ с такими же эмоциями, потому что они бьют из меня ключом, словно из источника. Я хочу, чтобы кто-нибудь хотел меня, хочу, чтобы кто-нибудь заботился обо мне. Ведь одиночество, которое живет в моем сердце, пробивает мою грудную клетку насквозь, но Вульф успокаивает мои страхи, особенно когда его руки обхватывают мое лицо, а большие пальцы скользят по щекам.

– Ты можешь поверить в то, что все будет хорошо?

Я не хочу, чтобы мое уродство повлияло на этот момент, так что мне приходится солгать.

– Могу.

Глава 17

Кора

Я избегаю музыкальной комнаты, потому что не хочу заражать это пространство своим мрачным настроением. Кроме того, игра на пианино снова и снова заставляет меня осознать, как сильно я скучаю по виолончели. Я хотела спросить своих родителей, смогу ли я забрать инструмент на каникулах в честь Дня благодарения, но, вероятно, моя поездка домой на День благодарения отменяется, а нам всем еще предстоит пережить остаток октября.

Сразу за раздвижными стеклянными дверями, которые соединяет кухонную и гостиную зоны, находится широкий внутренний дворик и бассейн, а за ними – лужайка, спускающаяся вниз, в сады, которые кажутся такими же потусторонними, как и «Олимп». Дорожка на траве обрамлена полукруглыми изгородями и цветами, а каменная арка, которая является входом в сад, увита виноградной лозой. Но я бы не рискнула зайти дальше, потому что остальную часть сада окружают гигантские живые изгороди, обеспечивающие полное уединение от соседей.

Гостиная, которую, кажется, никто из парней не использует по назначению, имеет антикварный вид. В ней есть французские стеклянные двери и панорамные окна, простирающиеся от пола до потолка. На стенах кремового цвета красуется лепнина в виде корон.

Мебель в этой комнате кажется новой, особенно диван кремового цвета с накинутым на спинку оранжево-коричневым пледом и ковер с ромбами тех же цветов.

Поскольку на мне надеты спортивные штаны и мешковатая толстовка Вульфа, меня не пугает холод, когда я выхожу наружу через боковую дверь.

Я прохожу по каменной дорожке и выдыхаю, когда мои ноги касаются холодной травы. Она действует как будильник, хотя я и так чувствую себя бодрой. Холод просачивается сквозь кожу, и у меня немеют пальцы на ногах.

Сейчас час ночи. Осень принесла с собой заморозки, и даже воздух пахнет холодом. Держу пари, сегодня снова будет мороз.

Я делаю глубокий вдох, позволяя холодному воздуху наполнить мои легкие.

– Наслаждаешься тем, что отмораживаешь свою задницу?

Я улыбаюсь, хотя Джейс не может видеть меня. Это быстро стало нашей фишкой.

Сегодня вечером что-то не дает мне покоя. Возможно, я заразилась темнотой «Олимпа», будто он проскользнул мне под кожу и вонзил в мое сердце свои когти. Насилие, горечь людей, прячущихся за масками.

Арес – *Вульф* – сказал, что, надевая маски, люди становятся более честными к самим себе, но как раз в этом и заключается проблема. Вместе с этими масками люди избавляются от своих моральных принципов. Неужели мы настолько их лишены?

Джейс подходит ближе и набрасывает мне на плечи свою куртку. Я просовываю руки в рукава, а затем смотрю на него и замечаю, что он стоит на камнях в одних носках. Серые спортивные штаны, низко сидящие на его бедрах, вообще должны быть запрещены для таких парней, как он.

Кора, прекрати.

Вопреки здравому смыслу, он начинает мне нравиться. Я закутываюсь сильнее в куртку, которая пахнет Джейсом: неизвестной мне пряностью и еще чем-то сладким.

– Ты закончила гулять?

Я хмурюсь и поднимаю голову, чтобы посмотреть на звезды. Сегодня ночью сияет бесчисленное количество звезд, а небо кристально

чистое, в отличие от моей головы. Мне нужно избавиться от тревоги, наводнившей ее.

– Я... – у меня перехватывает горло.

– Ты в порядке? – Джейс дотрагивается до моего плеча.

Он задал запретный вопрос.

– Я не хочу, чтобы меня покупали, – я сосредоточиваюсь на звездах и стараюсь не думать о том, как из-за этого ответа меня легко запрут в комнате на всю оставшуюся часть моей короткой несчастной жизни.

Теперь мои кошмары изменились. Если раньше я часто видела человека, убитого Кроносом у меня на глазах, то теперь я вижу свое будущее, которое не определено. И этой неопределенности достаточно, чтобы свести меня с ума. Я чувствую, как мое здравомыслие ускользает.

– Я знаю.

– Нет, – я поворачиваюсь к нему лицом, а его рука опускается. – Я не хочу, чтобы меня покупали, Джейс. Я... если у него получится...

Глаза Джейса изучают мое лицо, а его брови хмурятся.

– Почему ты говоришь так, будто мы потерпим неудачу? Мы не позволим ему прикоснуться к тебе.

– Потому что я хочу в вас верить, но... – я морщусь, потому что объяснить то, что я хочу сказать, оказалось намного труднее, чем я думала. – Но мое здравомыслие подводило меня и раньше, а теперь каждый Титан в городе ищет меня, и непременно наступит день, когда вы, ребята, что-нибудь упустите, а если Кроносу нужны деньги...

– Остановись, – он тянет меня обратно в дом, к одному из тех диванов, которые никогда не использовали по назначению.

Как только дверь закрывается и щелкает замок, Джейс подходит ко мне с оранжево-коричневым пледом в руках. Он накидывает его мне на ноги и садится рядом. Следующее, что он делает, – это берет меня за лодыжки и тянет мои ступни к себе на колени. Я откидываюсь на подлокотник дивана и складываю руки на груди. Руки Джейса опускаются на мои босые ступни, и я дергаюсь от неожиданности, но он продолжает удерживать меня на месте.

– Полегче, Синклер.

– Не жди, что я буду звать тебя по фамилии. Твоему это не нужно, чтобы я называла тебя королем.

Он смеется и упирает большие пальцы рук в свод моей стопы, и мои губы непроизвольно приоткрываются. Но мы еще не закончили разговор – я хотела попросить его об одолжении.

– Джейс, – обращаюсь я к нему, выпрямляясь. – Пожалуйста, если он доберется до меня, мне нужно, чтобы вы сделали все возможное, чтобы остановить аукцион. Мои родители...

Джейс сильнее сжимает мою ногу, и я вздрагиваю.

– Чего ты хочешь? – он приподнимает бровь, но его внимание по-прежнему сосредоточено на массаже моей ноги, лежащей у него на коленях. – Что ты хочешь, чтобы я сделал, Кора? Убил их всех? Потому что, если Кронос доберется до тебя, аукцион остановит лишь это.

– Возможно, это будет нужно, – по моей щеке скатывается слеза. – Мысли, что я принадлежу кому-то еще, вызывают у меня тошноту. Мне постоянно снятся кошмары о наручниках и о том, что я буду вынуждена делать то, чего не хочу.

– Черт, – шепчет он и замолкает, а его пальцы касаются моей ступни. – У тебя здесь шрам?

– Из леса.

Он получен, когда я в ужасе бежала, выбираясь оттуда в кромешной тьме.

Я убираю ноги с колен Джейса, и он встает, потирая затылок.

– В ту ночь мы выместили на тебе свой гнев.

Я сворачиваюсь калачиком, пока он ходит взад и вперед, явно обдумывая, возможно, мою безумную, убийственную просьбу или вероятность того, что Кронос сам доберется до меня.

Я обхватываю свои ноги руками и кладу подбородок на колени. Наконец Джейс останавливается.

– Хорошо.

– Что хорошо?

Он опускается рядом со мной.

– Они не дотронутся до тебя, я обещаю. А если он попытается, я убью их всех до единого. У Кроноса есть рычаги влияния на нас и на весь этот гребаный город, иначе он был бы уже мертв, но для собственного блага он слишком умен.

Из моих глаз снова льются слезы, но я не могу признаться, что это слезы счастья. Я вытираю их и пытаюсь улыбнуться.

– Будь спокойна, – Джейс касается моей руки, а затем снова встает и исчезает в темноте, оставляя меня наедине с моими мыслями.

Я откидываюсь назад и слишком долго смотрю в потолок, задаваясь вопросом, могу ли я доверять хоть единому его слову. Но ко мне вернулось такое стойкое чувство, как надежда. Я чувствую, как она расправила крылья в моей груди и медленно машет ими.

Я снимаю браслет и потираю свое запястье. Клеймо все еще причиняет боль, особенно когда я думаю о нем, а прикосновение к нему похоже на новый ожог. Сейчас я вонзаю в кожу свой ноготь, потому что эта боль нужна мне как напоминание того, что прямо сейчас – я в безопасности, прямо сейчас – я жива.

Но через неделю? Через месяц?

Снаружи что-то хлопает, и это движение заставляет вспыхнуть прожекторы, расставленные по периметру. В считанные секунды весь задний двор освещен, и этот свет настолько ослепляет меня, что я замираю. Меня сковывает ужас, и единственное, что я могу сделать, – это встать, сжимая в руках одеяло, и смотреть в окно.

Мгновение спустя рядом со мной появляется Джейс и, прижимая меня к себе, отводит подальше от окна.

– Оставайся на месте.

– Ни хрена себе, – шепчу я в ответ.

Страх сковывает мою грудь, и я изо всех сил пытаюсь сделать вдох, но паника зажала легкие в тиски.

Я вижу, как в руке у Джейса мелькает пистолет, а секундой позже замечаю какое-то движение тени на кухне. Я готовлюсь закричать, но что-то останавливает меня, и я понимаю, что это Аполлон. Он молча подходит к раздвижной стеклянной двери и открывает ее. Джейс выходит наружу вместе с ним, и они вдвоем осматривают задний двор.

Меня посещает мысль о том, что я не знаю, где сейчас находится Вульф.

Я осторожно возвращаюсь и снова сажусь на диван, как раз в тот момент, когда Джейс возвращается. Он видит меня сидящей на диване и хмурится, а затем хватается за руку.

– Почему ты не можешь следовать инструкциям? – он тащит меня в гостиную, где обычно они тусуются.

– Я ждала, пока ты вернешься, – закатываю я глаза.

Несколько раз я слышала, как они собираются в этой гостиной, подшучивая друг над другом и играя в видеоигры, но старалась держаться от них в стороне, и на то были веские причины. Ведь то, что я хорошо общаюсь с ними один на один, не значит, что я должна подчиняться им, когда они вместе.

– Сядь.

– Я не гребаная собака, – ворчу я, все еще держа в руках уродливое одеяло, но все-таки сажусь на диван.

Дрожа, я подтягиваю под себя ноги и кажусь маленькой, словно утопая в этих подушках. Мой желудок скручивается в узел.

Легкость в нашем общении, кажется, испарилась, и лицо Джейса снова состоит из жестких линий, а его рука, в которой он держит пистолет, прижата к бедру. Он стоит на месте, пока не появляется Вульф, вооруженный таким же образом.

– Передняя часть чиста, – сообщает Вульф.

– Как и задняя часть, – докладывает появившийся Аполлон и кладет свое огнестрельное оружие на приставной столик.

– Есть какие-нибудь идеи, из-за чего это произошло, Кора? – спрашивает он, и меня передергивает.

– Спокойно, он ни в чем тебя не обвинял, – Вульф подходит ближе и садится рядом со мной. Он кладет руку на мою ногу, пытаюсь развернуть меня. – Вряд ли ты могла включить сигнализацию, а затем вернуться в дом до того, как мы это заметили.

Я прищуриваю глаза.

– Но в конце концов, она воровка, – говорит Аполлон, и они оба смеются.

Я непонимающе перевожу взгляд с одного на другого, и мой рот то открывается, то закрывается. Даже Джейс кажется сейчас менее напряженным, чем минуту назад. Он падает в кресло рядом с диваном и трет лицо.

– Возьмите планшет. Нужно просмотреть камеры. Возможно, это был один из питомцев наших соседей, но я не хочу рисковать.

– Утром я позвоню Дэниелу, чтобы он обновил нашу систему, – Вульф садится ближе ко мне. – Кто-нибудь хочет посмотреть кино?

– С попкорном? – спрашивает Аполлон, и мои брови ползут на лоб.

Вульф подталкивает меня локтем.

– Ты в порядке, детка?

Детка?

В моем мозгу будто происходит короткое замыкание, и я вскакиваю на ноги, смотря на всех них.

– Вы и в самом деле просто собираетесь вести себя так, будто только что ничего не произошло? У вас же есть детектор движений, который включает прожекторы на вашем заднем дворе. А что, если это был Титан? – я дергаю себя за волосы и пытаюсь успокоиться. – Что, если бы они увидели меня снаружи и подумали: «Вот он, идеальный шанс похитить ее»? Без обид, но если ваша реакция будет такой и дальше, то это просто отстой. Неужели у вас не было плана? – У меня вырывается истерический смех. – Я же могла пропасть просто на раз! – Я щелкаю пальцами. – Ну что?

Я бросаю взгляд на Вульфа, чье пристальное внимание приковано к моему запястью без браслета.

Черт.

– Э-э-э...

Он встает и берет меня за руку прежде, чем я успеваю спрятать ее за спиной, и переворачивает вверх. Уродливое клеймо пурпурно-серебристого цвета сейчас покраснело по краям, потому что кожа всегда раздражается из-за браслета. Вульф поворачивает мое запястье так, чтобы Аполлон и Джейс могли видеть песочные часы на моем запястье. Они оба издают нечленораздельные звуки негодования.

– Кора... – сдавленно звучит голос Вульфа, и я опускаю голову.

– Кронос сделал это в ту ночь, когда велел мне украсть маску.

– Ублюдок! – Джейс подходит ближе и убирает волосы с моей шеи. – Как он это сделал с тобой?

– Он приковал меня наручниками к своему столу.

Я едва могу произнести это предложение, потому что не понимаю их реакции. Конечно, они расстроены, но я боялась, что они придут в ярость из-за моего поступка. Все это было продиктовано тяжелым стыдом и бременем моих собственных ошибок. Конечно, истинной мотивацией скрывать клеймо был стыд.

– Я собираюсь его убить на хрен! – рычит Вульф. – К черту перемирие. За это он умрет! – Его пальцы сжимаются на моей ладони. – Почему ты нам не сказала?

– Потому что мне стыдно, – я натягиваю рукав толстовки как можно ниже. – Я ношу браслет, чтобы не видеть этого клейма, потому что не хочу вспоминать.

– Но все равно вспоминаешь? – спрашивает Аполлон, вставший по другую сторону от меня.

Его грудь касается моего плеча, и он стоит так близко, что у меня возникает чувство, что он хочет быть еще ближе. Они все столпились вокруг меня, окружая заботой, отчего в моем горле образуется комок, и, не в силах ответить, я молча киваю Аполлону, а он целует меня в висок.

– Он заплатит за это, – Вульф снова тянет меня на диван, а затем, задумавшись над чем-то, укутывает в одеяло. Он поднимает меня к себе на колени, усаживая боком, и обнимает за талию.

– Чтобы развеять твое беспокойство, скажу, что включенные прожектора нас не волнуют. Такое происходит по крайней мере раз в месяц, и всегда из-за какого-нибудь животного, – говорит Вульф, практически прикасаясь губами к моему уху. – Если кто-то действительно попытается проникнуть внутрь, он не уйдет отсюда живым. Его придется вынести в мешке для трупов.

Аполлон некоторое время наблюдает за нами, и в его взгляде борются эмоции, но я не могу распознать их. Возможно, это зависть и разочарование? Мгновение спустя он перестает хмуриться, но все равно кажется напряженным.

Я открываю рот, чтобы спросить, что с ним такое, но он исчезает за дверью кухни.

Джейс хватается пульта и включает телевизор, переключая киноканалы.

– Какой фильм выберем сегодня?

– Может, какой-нибудь боевик? – спрашивает Вульф, и я киваю в знак согласия.

– Я могу заснуть, – говорю я, прижимаясь к нему и кладя голову ему на грудь.

– Вот и хорошо, – бормочет он. – Джейс и так много берет во время твоих ночных блужданий, теперь настала моя очередь. – В его тоне слышится легкая горечь.

Но наша связь с Джейсом другая. Он ни разу не давал мне повода думать о нем в романтическом смысле, и я не уверена, что смогла бы

относиться к нему так. Между нами всегда есть напряжение, но это нечто другое, он кажется мне слишком отчужденным.

Вдалеке снова что-то хлопает, и я вздрагиваю.

– Аполлон готовит попкорн, – говорит Вульф, и его рука движется вверх и вниз по моей спине, успокаивая меня.

– Прости, – я закрываю лицо руками.

Я чувствую себя слабой, и от этого ощущения никуда не деться. Оно следует за мной повсюду. Люди говорят мне, что я сильная и мужественная, но это не так. Во мне есть упрямство, нездоровое количество страха и жажда чего-то лучшего, но точно не храбрость – скорее... отчаяние.

У Джейса и Вульфа больше не находится для меня мудрых слов, и я медленно вдыхаю тишину.

Маслянистый запах попкорна проникает в гостиную раньше Аполлона, а затем появляется он сам. Под мышкой он несет планшет, а в руках – три миски с попкорном. Вульф кладет одну из них мне на колени, а ребята берут две других. Аполлон устраивается на противоположном конце дивана, а Джейс включает какой-то фильм с Джерардом Батлером.

Мне удастся посмотреть большую часть фильма. Кто-то нападает на Белый дом, одному-единственному человеку удается обойти оборону и спасти страну вместе с президентом. Я видела такие сюжеты раньше, и злодей в таких фильмах не всегда тот, кто размахивает пистолетом. Иногда все устроено более тонко.

Эта мысль засела у меня в голове, и я обдумываю ее на протяжении какого-то времени. Но реальная жизнь и боевики – это две совершенно разные вещи.

В конце концов мои глаза медленно закрываются.

Глава 18

Кора

– Кора, я беспокоюсь за тебя, мы не разговаривали с тобой уже две недели.

Марли смотрит на меня с экрана телефона, и ее брови опущены в замешательстве. Я же тру глаза, стараясь казаться более бодрой.

– Ты снова не в своей квартире, и цвет стены позади тебя отвратителен. Ты мне скажешь, где ты, или я должна догадаться?

– Э-э-э, – на часах уже больше одиннадцати, и я не думаю, что когда-либо спала лучше, чем сегодня.

Кстати говоря, я даже не помню, как оказалась в кровати. Помню только, как губы Вульфа касались моей макушки, и как потом он пытался меня разбудить, но я лишь крепче прижималась к нему.

– Видимо, все-таки догадаться, – Марли постукивает себя по подбородку. – Ты едешь к кому-то заниматься сексом?

– Нет, – я показываю ей пустую кровать по обе стороны от меня.

– Ты переехала?

– Вроде как.

– Это как-то связано с тем сомнительным займом? Кора, у тебя неприятности?

Догадливая.

– Помнишь того парня из библиотеки? Он помогает мне разобраться с моими проблемами. Так что я пока остаюсь у него.

– Черт возьми, девочка, – визжит Марли и хлопает в ладоши. – Он чертовски сексуальный, так что я тебя в этом не виню. И знаешь, что? Ты заслуживаешь немного веселья в этом году, – выражение ее лица мрачнеет. – Ты через многое прошла, и я знаю, что заставило тебя пойти со мной в «Олимп». С моей стороны тащить тебя туда было нехорошо, особенно учитывая то, что я была в курсе того, что случилось между тобой и Паркером. Так что я рада, что ты не забиваешь на эту сторону жизни. Но если он будет плохо с тобой обращаться...

– Все не совсем так, – мое лицо пылает. – Мне просто трудно снова обрести себя.

– Знаю, детка, но я видела, как он на тебя смотрел, так что все в порядке, я не ревную. Просто рада, что ты налаживаешь свою жизнь, а если у него случайно есть брат или сестра... неважно, кто именно, я не привередлива.

Я ложусь на спину.

– Ну, у него есть сестра-близнец...

Едва стоило мне сказать эту фразу, как в глазах Марли разгорелся интерес.

– Расскажи мне о ней.

– Она классная и сражается в «Олимпе».

Марли ахает, а затем прикрывает рот рукой.

– Ах ты, сучка. Значит, ты была в «Олимпе» прошлой ночью? Боже, я видела девушку, которая сидела на коленях у Ареса, и мне показалось, что это ты. Но ты же ненавидишь драки.

Мое лицо стало жарче пламени.

– Ну, мы пропустили большую часть боя.

Я не утруждаю себя рассказом о том, что Аполлон, с которым она мельком познакомилась в библиотеке, – это Аполлон из «Олимпа». Я еще ни разу не упоминала его имени и не собираюсь раскрывать его сейчас. Наверное, я никогда не узнаю, как ему удастся оставаться вне подозрений, не используя имя другого бога.

– Я так горжусь тобой, – говорит Марли, и ее глаза наполняются слезами.

Я смеюсь, и мой смех граничит с истерикой, к которой я стала склонна в последнее время, но, слава богу, истерика переходит просто в хихиканье.

Она гордится мной.

– Я должна тебе кое-что рассказать.

Настала моя очередь приподнимать брови.

– Что?

– Прошлой ночью Джанет уехала домой кое с кем из «Олимпа». Она утверждает, что он ее родственная душа, – говорит Марли и закатывает глаза. – На нем была маска Посейдона, и я почти уверена, что это единственная причина, по которой он привлек ее.

Должно быть, он очень тщеславный ублюдок, раз встречается с такой поверхностной девицей, как Джанет.

– А еще я собираюсь поужинать со своим отцом, – объявляет она, и у меня отвисает челюсть.

– Да ладно? Когда?

– Сегодня вечером, – Марли встает и идет к своему шкафу. – Вот почему мне нужна твоя помощь.

Следующий час мы тратим на то, чтобы придумать, что ей надеть на сегодняшней ужин, и это, к удивлению, самое нормальное из всего, чем я занималась в последнее время. Я смеюсь больше, чем когда-либо с тех пор, как приехала в Стерлинг Фолс, и вскоре мы уже обе хихикаем над старыми воспоминаниями.

Когда я уже собираюсь повесить трубку, кто-то открывает мою дверь, и им оказывается не Аполлон. Марли замирает, и я вздрагиваю. Мне не придется врать о том, кто зашел ко мне в комнату, потому что она отчетливо видит его в камеру. Вульф стоит в дверях с таким видом, словно он... ну, если честно, просто бог секса.

– Чем занимаешься? – спрашивает он, приподнимая бровь.

– Мне нужно идти, Мар, – прежде чем она успевает задать мне какой-либо вопрос, я, как последняя трусиха, вешаю трубку и бросаю телефон на тумбочку. – Я помогала своей лучшей подруге решить, что надеть на ужин.

– Хорошо, – ухмыляется он.

– Что ты хотел?

– Узнать, не голодна ли ты, потому что мы подумываем о том, чтобы заказать на обед пиццу, – Вульф закрывает за собой дверь и

подходит ближе. – А также...

Когда он забирается на кровать, в моем животе порхают бабочки. Вульф отодвигает мой телефон подальше и нависает надо мной.

Слава богу, ты почистила зубы, Кора.

– Я хотел сделать это... – говорит он и целует меня.

Я обвиваю руками его шею и притягиваю к себе. Мы не обсуждали то, что произошло в «Олимпе», но я почти уверена, что он догадался, что у меня никогда не было оргазма... во всяком случае, такого. Не от чьих-то рук и не такого сильного, как подарил мне он.

Вульф прикусывает зубами мою нижнюю губу и слегка отодвигается от меня. Его рука скользит под пояс моих пижамных шорт. Он прикасается к моей коже, а затем опускает руку, проводя пальцем по клитору, и я выгибаюсь дугой. Вульф улыбается, а затем целует меня крепче, проникая языком в мой рот, в то время как его пальцы продолжают ласкать меня. Мне требуется смущающе короткий промежуток времени, чтобы по моему телу побежали мурашки.

Вульф проглатывает мои стоны, не отрывая от меня своих губ, пока я кончаю. А затем он проникает в меня пальцем и тоже стонет, когда мои мышцы сжимаются вокруг него.

Встав, Вульф пристально смотрит на меня.

– Ты чертовски красивая.

Я не знаю, что на это ответить. Я чувствую себя подростком, но то, что мы делаем, кажется мне правильным. Мы наслаждаемся поцелуями и оргазмами, не переживая о сексе. С одной стороны, это странно, но в то же время мило. Ладно, вычеркнем это.

Я не могу дождаться, когда же он трахнет меня.

Я обхватываю ногами его бедра и прижимаю его тело к моему.

– Чего ты ждешь? – спрашиваю я.

– Что? – хмурится он.

– Ну, я и ты...

– Для начала тебе нужно научиться получать удовольствие.

И, подкрепляя слова действиями, сначала он касается моей шеи губами, а затем языком. Я млею, но потом понимаю, что он только что мне сказал.

– Я мог бы просто трахнуть тебя, но не хочу торопить события.

Я фыркаю, когда мое разочарование достигает критической точки.

– А что, если тогда я просто пойду за этим к Аполлону?

Замерев на мгновение после этих слов, он отступает назад, а затем спрыгивает с кровати, оставляя меня лежать на ней в одиночестве.

– Это то, чего ты хочешь?

– Я...

У меня начинается паника, и во рту пересыхает от страха, что я только что все испортила.

Он выходит за дверь и возвращается спустя пару минут. Только теперь за ним следует Аполлон.

– Кора, – приветствует меня Аполлон, а затем поворачивается к Вульффу. – В чем дело?

Челюсть Вульфа сжата, но, когда я пытаюсь сесть, он бросает на меня хмурый взгляд, и я замираю.

– Она хочет секса.

Брови Аполлона поднимаются в немом удивлении.

– Но я почти уверен, что каждый засранец, с которым она спала, обращался с ней явно не лучшим образом, – Вульффу прищуривает глаза. – Правда же?

– Правда, – я отвожу взгляд, смущаясь.

– Я был склонен к тому, чтобы подождать с сексом и сосредоточиться на ней самой, но она пригрозила, что обратится к тебе, – выдыхает Вульф и закрывает за собой дверь.

Секунду я думаю, что он ушел, чтобы оставить нас с Аполлоном наедине, но, когда я поднимаю взгляд, я вижу, что он снова в комнате. Стоит, прислонившись к двери, словно привратник.

– Так чего ты хочешь, Кора? – спрашивает Аполлон.

– Я не знаю, – говорю я, ерзя.

Аполлон медленно кивает и подходит ближе, останавливаясь прямо возле кровати.

– Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе?

Мое лоно пульсирует, и я не думаю, что когда-либо в жизни испытывала настолько сильное желание, чтобы от него у меня расшатывались нервы.

Мой взгляд встречается с взглядом Вульфа.

– Ты хочешь, чтобы он тоже прикоснулся к тебе? – голос Аполлона звучит хрипло, а я в ответ снова ерзаю и киваю.

Почему бы и нет, к черту все.

– Хорошо, – шепчет он и протягивает мне руку.

Когда я беру ее, он помогает мне подняться на ноги, и его руки скользят по моим бедрам.

– Если ты захочешь, то скажешь, чтобы мы остановились.

Его слова поражают меня сильнее, чем все остальное, ведь мое согласие для него на первом плане.

– Кивни, если согласна, – он не упускает ни единой мелочи.

Я киваю.

Его руки движутся вверх, поднимая за собой мою толстовку. Он касается моего мягкого живота, моих ребер, которые стали более заметны за последние несколько месяцев, и моей обнаженной груди.

Что я могу сказать, я не понимаю тех девушек, которые спят в бюстгальтерах.

У Аполлона перехватывает дыхание, когда я поднимаю руки, позволяя ему полностью снять с меня толстовку. Опуская мои руки, он задевает костяшками пальцев мои соски, и они твердеют. Он повторяет это движение, наблюдая за моей реакцией, и я сжимаю бедра, чувствуя сотни мурашек, бегущих по телу. Аполлон обхватывает ладонью мою грудь, теребя пальцами сосок, и я вздрагиваю. Чтобы не раскачиваться и устоять на месте, я хватаю его за футболку и сжимаю ее в кулаке.

Вульф обходит нас сзади, наблюдая за моей реакцией на происходящее. Подойдя ближе, он убирает волосы с моего плеча и целует меня в шею, спускаясь к ключицам. Он спускает мои шорты вместе с трусиками, и я ногой отбрасываю их прочь. Вульф слегка тянет меня назад, позволяя мне опереться на него всем своим весом.

Аполлон опускается передо мной на колени, из-за чего его футболка, за которую я держалась, оказывается снятой.

Кажется, он очарован мной и моим телом. Аполлон берет одну из моих ног и закидывает ее себе на плечо. Повернув голову, он целует внутреннюю сторону моего бедра, а я сильнее опираюсь на Вульфа, надеясь, что он удержит меня в равновесии. Вульф поддерживает меня одной рукой за бедро, а другой теребит сосок, и мои губы приоткрываются.

Аполлон прокладывает цепочку из поцелуев по моей коже, пока не достигает вершины бедер, а его пальцы не раздвигают мои складочки.

– Ты само совершенство, – улыбается он.

Я выдыхаю, а затем стону, когда он неожиданно скользит пальцем внутрь меня. Он сгибает палец, но мне этого недостаточно, и он, будто чувствуя это, нагибается ниже и пробует меня на вкус. Его язык скользит вверх по моему клитору, и я клянусь, что мне кажется, словно он собирается вытянуть мою душу прямо из тела.

Его палец внутри меня сменяется двумя, и движения наращивают темп. Я протягиваю руку назад и обхватываю Вульфа за шею, повернувшись, чтобы поцеловать его. Его эрекция упирается мне в поясницу, и осознание того, что он хочет меня, будто вызывает перегрузку чувств.

Вульф прикусывает мою нижнюю губу как раз в тот момент, когда зубы Аполлона задевают мой клитор, и я вздрагиваю.

– Она близко, – говорит Вульф.

Аполлон все яростнее лижет и сосет мой клитор, раздвигая мои ноги, чтобы быть ближе, а я не могу удержаться и начинаю двигать бедрами, пытаюсь получить еще больше удовольствия. *Больше, больше.* Его пальцы во мне творят какое-то волшебство, а пальцы Вульфа на моих сосках только добавляют ощущений.

Я кончаю внезапно, сотрясаясь между ними обоими. Моя спина выгибается дугой, а глаза закатываются. Вульф подхватывает меня, когда мои колени подгибаются, и кладет на кровать. У меня возникает ощущение, что мои руки и ноги превратились в желе. Я делаю глубокий вдох. На этот раз мои мысли вовсе не безумны. Я чувствую себя так, будто нахожусь во сне, но в этом сне я не одна. Не сейчас, когда они оба смотрят на меня так, словно я только что преподнесла им подарок. Это кажется чудесным.

Я изумленно смотрю на них обоих.

– Это было... вау.

– Мы еще не закончили, – заявляет Аполлон.

Мои брови взлетают от удивления. Что еще? Они же ясно дали понять, что секса с проникновением, вероятно, сегодня не случится. Я говорю «вероятно», потому что вижу, как оба парня возбуждены, а из их штанов выпирают твердые бугры. Однако они не предпринимают никаких действий для того, чтобы облегчить свое состояние.

Аполлон жестом велит мне забраться обратно на кровать и следует за мной. Когда моя спина касается подушек, он нежно целует меня, я чувствую свой вкус у него на губах. И мне совсем не противно.

Я смутно осознаю, что Вульф раздвигает мои ноги, бормоча что-то о том, что сам хочет попробовать меня на вкус, но мне кажется, что я не смогу кончить снова. Мои мышцы все еще дрожат.

Но потом... мне становится хорошо. Его язык проникает внутрь и движется во мне. Я изгибаюсь, но Аполлон удерживает меня на месте. Он наблюдает за тем, как я смотрю на Вульфа, а потом обхватывает рукой мое горло. Я чувствую, как сердце вот-вот выскочит у меня из груди.

– Он положил руку тебе на горло, чтобы отметить, что ты принадлежишь ему, – тихо говорит Аполлон мне на ухо. – Он покрасил твою прелестную кожу в красный цвет, и я видел твое лицо, когда он это сделал, даже под маской.

Сейчас моя кожа тоже кажется мне ярко-красной, но только потому, что я вся горю.

– Это вызвало во мне ревность. Я первый хотел прощупать твой пульс, взять под контроль твое дыхание. Я хотел, чтобы ты смотрела на меня, когда я войду в тебя первый раз, – его губы приближаются к моему уху, шепча слова, которые он не должен произносить. Слова, которые усиливают мое возбуждение, подталкивая меня к грани.

Его большой и указательный пальцы скользят вверх по моему подбородку, поворачивая мое лицо к нему. Я чувствую его давление, но этого недостаточно, чтобы заставить меня паниковать.

– Я не могу дождаться, чтобы увидеть, куда нас это приведет. Когда ты привыкнешь к этому, мы проверим, как далеко мы зайдем. Как далеко мы сможем завести тебя.

Я дрожу.

– Но пока нет, красавица. Этого не будет, пока ты не доверишься нам.

Мое тело будто в огне, и это самый прекрасный огонь из возможных. Я отталкиваюсь от головы Вульфа, но он хватает меня за задницу и продолжает трахать своим языком. Затем его пальцы скользят к моему заднему входу, и он проводит ими по нежной сморщенной коже. Я сопротивляюсь, когда он медленно вводит палец внутрь, но новые ощущения, которые я испытываю, выводят мое удовольствие на совершенно новый уровень.

– Вот так, – говорит Аполлон, и его рука опускается вниз, находя мой клитор.

Рука Аполлона находится в опасной близости от лица Вульфа, но ему, похоже, все равно. Его пальцы сжимают мой чувствительный бугорок, и я напрягаюсь. Переполюющее удовольствие продолжает атаковать мое тело, пока от языка Вульфа я не взрываюсь в сокрушительной разрядке. Мои бедра сжимают его голову, а он продолжает двигать своим языком спереди и пальцем сзади. Аполлон не отодвигается от меня ни на дюйм, мое лицо все еще прижато к его лицу, а его рука на моем горле лежит только для того, чтобы он чувствовал мой пульс. Аполлон продолжает наблюдать за мной, позволяя мне почувствовать тяжесть его ладони.

Волны оргазма продолжают прибывать и биться об меня, пока я не открываю рот в бессловесном крике. Я не знаю, что я кричу или на кого, мне просто нужно немного расслабиться.

Вульф медленно поднимает голову, в последний раз целуя внутреннюю сторону моего бедра, а Аполлон отпускает мое горло. Хватая ртом воздух, я откидываюсь назад, и мне кажется, будто я только что пробежала долбаный марафон.

– Она потеряла дар речи, – хихикает Аполлон и целует меня в щеку.

– Господи, да я умираю, – бормочу я.

– Видимо, тебе этого не хватало, – смеется Вульф.

– А как насчет вас, ребята? – я смотрю на них и наклоняюсь к Аполлону, который пожимает плечами.

– Я пойду передерну в душе.

– Ага, – кивает Вульф, поддерживая друга.

Я вздыхаю и сажусь на кровать.

– Что ж, дайте мне пописать, а потом кто-нибудь из вас может воспользоваться моим душем.

Три оргазма за день.

Внезапно мой живот издает урчание, что вызывает еще один смешок у парней.

– Я пришел сюда, чтобы обсудить пиццу, но мы отвлеклись, – говорит Вульф, хватая меня за руку. – Мне жаль.

– Не беспокойся об этом, – качаю я головой. – Это было достойное отвлечение.

Когда я выхожу из ванной, в комнате находится только Аполлон, а рядом с ним на кровати лежит сложенное полотенце.

– Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим душем?

– Нет, – ухмыляюсь я. – Ты в порядке?

Он стонет, и я вижу, что его штаны спереди все еще натянуты, что говорит о его агонии.

– Ни в малейшей степени.

Несколько секунд я стою, пристально смотря на него, а затем мне приходится избавиться от мыслей, которые вертятся вокруг секса. Я прохожу мимо него, но он хватает меня за запястье.

– Эй.

– Да? – смотрю я на него.

– Ты просто потрясающая! Это на случай, если мы говорили эти слова недостаточно часто.

Я улыбаюсь ему в ответ.

Я могла бы привыкнуть к этому, ведь всем нравится, когда время от времени кто-то тешит их самолюбие, но у меня снова урчит в животе, и поэтому я спешу уйти. Если я буду медлить, то меня может погубить искушение совершить какую-нибудь глупость. Например, присоединиться к Аполлону в душе. Но для этого мне потребуется храбрость, которой у меня нет.

Спустившись, я проверяю несколько комнат на наличие в них Джейса, а потом оказываюсь на кухне. Мотоцикла Джейса нет даже в гараже, поэтому я сдаюсь, перестав его искать. Хотя, если быть честной, я рада, что он не слышал того, что только что произошло. Мои щеки так сильно горят, что мне приходится прижать к ним тыльные стороны ладоней, а потом налить стакан воды и выпить его залпом.

Я заглядываю в холодильник, размышляя о том, что бы я хотела съесть, если пиццы не будет в сегодняшнем меню. Даже если они собираются ее заказывать, мне нужно съесть хоть что-то, чтобы снять напряжение.

Видите? Поселите меня в доме с постоянным запасом еды, и я совсем размякну.

Я тянусь за мясной нарезкой, как вдруг раздается звонок в дверь, и я замираю, бросая взгляд в сторону входной двери. Полагаю, Аполлон заказал пиццу, пока Вульф отвлекся на меня... Но как доставщик прошел через ворота?

Я спешу к входной двери и рывком открываю ее, но за ней никого нет. Меня охватывает озноб, но я воздерживаюсь от того, чтобы выйти на улицу. Целая жизнь, проведенная за просмотром фильмов ужасов, подготовила меня к тому, что могут сделать плохие парни. Они хватают своих жертв, когда те чувствуют себя в безопасности, притворяясь, например, доставщиками пиццы.

Я смотрю на закрытые ворота, гадая, не послышался ли мне звонок и не обманывает ли меня зрение. Где этот человек, который смог попасть на территорию особняка?

– Кора! – голос Аполлона эхом разносится по лестнице, а секундой позже он входит в прихожую. На нем лишь полотенце, обернутое вокруг бедер. Его волосы все еще мокрые, а на торсе остались капли воды. Конечно, я и раньше видела его пресс, ведь он расхаживает полуобнаженный по «Олимпу», но его V-образная фигура, особенно части, скрытые сейчас под полотенцем... У меня пересыхает в горле, особенно с учетом того, что мы только что делали.

– Кто-то позвонил в дверь, – говорю я, сглатывая, и Аполлон тут же подходит ближе и оттаскивает меня от двери.

– Ты кого-нибудь видела?

– Нет, я подумала, что привезли пиццу.

– Я ее и не заказывал.

Мои губы приоткрываются, но я не знаю, что на это ответить.

Аполлон подходит к тумбочке и достает небольшой пистолет. Я не удивлена, видя его в руке парня, но беспокоюсь о том, что он может ему понадобиться. Поэтому остаюсь на месте, пока Аполлон исчезает за дверью. Мгновение спустя он возвращается, неся в руках большой конверт.

– Что это? – спрашиваю я.

– Не знаю, – он пожимает плечами, нахмутив брови. – Это лежало на земле.

Он запирает дверь, возвращает пистолет на место, а затем относит конверт на кухню. Любопытство берет надо мной верх, и я следую за ним.

Когда он кладет конверт на стол, я ахаю.

– На нем мое имя, – указываю я на маленькую наклейку в центре.

– Хочешь открыть? – спрашивает Аполлон, и я пожимаю плечами.

– Не знаю.

– Ладно.

Он разрывает ленту и приподнимает конверт так, что бумага, лежащая внутри, выскальзывает наружу и падает на столешницу. Аполлон колеблется, но мне требуется всего секунда, чтобы образ глянцевой фотографии размером восемь на десять запечатлелся в моем сознании. Я спотыкаюсь, отходя назад, и смотрю в сторону, стараясь забыть отретушированную фотографию, на которой я в светло-оранжевом наряде и цветочной маске сижу на коленях Ареса. Только вместо красного отпечатка руки на моем горле сияет рана, будто его перерезали. Изображение настолько реалистично, что я прижимаю пальцы к горлу, чтобы удостовериться в его целостности. Они также добавили на фотографию кровь, которая рекой стекает с моей шеи, а мои глаза за цветочной маской совершенно черные, но это не является какой-то манипуляцией с изображением, просто кто-то выжег глаза на бумаге уже после того, как распечатал снимок.

– Черт, – Аполлон прикрывает оскорбительную фотографию конвертом. – Пойдем.

Мы идем в кабинет, где со вчерашнего вечера все еще лежит его планшет. Я сажусь рядом с ним на диван, пока он открывает приложение для отслеживания камер.

– Сколько у вас камер? – спрашиваю я.

– Три на фасаде дома, одна сбоку. Кстати, прошлой ночью все было чисто.

– Кто это мог сделать? – спрашиваю я, чувствуя нарастающую боль в груди.

– Надеюсь, мы об этом сейчас узнаем.

Он перематывает запись назад, но на ней ничего нет. Никто не перепрыгивает через ворота и не открывает их. Даже не закрывает камеру, если уж на то пошло. Аполлон перематывает запись на еще более ранний промежуток времени, а затем встает, хмуро смотря на планшет.

– Оставайся рядом.

Дрожа, я выполняю его приказ, и мы вместе поднимаемся по лестнице. Сначала он колотит в дверь ванной комнаты, прежде чем мы заходим в его покои. Я до сих пор не знаю, в чьей комнате я проснулась в первый раз, но предполагаю, что она принадлежит либо Вульффу, либо Джейсу, потому что комната Аполлона серо-белая. На

стене висят постеры разных групп в рамках, но все выполнено с чуть большим изяществом, чем в моей подростковой комнате. Несмотря на серые стены, комната Аполлона кажется теплой, и мне нравится ее стиль.

Я захожу за ним внутрь как раз в тот момент, когда он сбрасывает полотенце со своих бедер. Мои глаза невольно опускаются.

Я обычный человек, даже перед лицом страха, но, черт возьми, он огромен. Я смотрю на член Аполлона, и, клянусь, он подергивается, направленный прямо на меня. Мне требуется время, чтобы прийти в себя, но теперь я не могу избавиться от мысли, как он входит в меня.

Внезапно я понимаю, что делаю, и Аполлон ловит меня на том, как я разглядываю его достоинство.

Я резко отворачиваюсь к двери, а Аполлон хихикает и начинает одеваться. Мгновение спустя в дверях появляется Вульф в джинсах и белой футболке с надписью «Карма, сука».

– Ты подавал сигнал SOS?

– Кто-то смог пробраться на нашу территорию и оставил фото, которое подразумевает угрозу для Кору, – говорит Аполлон, запасаясь оружием.

– Эй, эй, – я поднимаю руки. – Почему вы вооружаетесь так, будто идете на войну?

Они оба смотрят на меня, а затем Вульф смеется.

– Этого оружия даже близко недостаточно для того, чтобы начать войну. В доме чисто? – спрашивает он, и его веселье улетучивается.

Снова?

Между нами тяжестью повисает недосказанность.

Сначала кто-то проник сюда прошлой ночью и включил сигнализацию, а сегодня кто-то проник внутрь, миновав камеры, и оставил на крыльце этот конверт. Видимо, я здесь не совсем в безопасности, не так ли?

– Пошли, – говорит Вульф.

Я не хочу задавать свой вопрос вслух, поэтому, прикрывая рот рукой, следую за Вульфом в его комнату. Я обнаруживаю, что это не та комната, в которой я проснулась после того, как украла маску Аида, а это значит, что я находилась в комнате Джейса.

Пока я обдумываю это, а затем отмахиваюсь от выводов, которые из этого следуют, Вульф засовывает один пистолет в кобуру на

лодыжке, другой – в кобуру на бедре и пристально смотрит на меня.

– Ты умеешь стрелять?

– Не совсем, – я отступаю, чтобы мне не вручили оружие. – Зачем это мне?

– Мы обсудим доводы за и доводы против позже, а пока тебе следует научиться стрелять.

Есть много вещей, которым мне следует научиться.

– Знаешь, почему я называю тебя цветочком?

– Нет, но я предполагала, что из-за маски.

– Конечно, из-за нее тоже, но есть и другая причина.

– Какая?

Нас прерывает Аполлон, стучащий в дверной косяк.

– Давайте двигаться.

– Напомни мне рассказать об этом позже, – подмигивает Вульф.

Я снова начинаю нервничать и чувствую себя потерянным щенком, плетущимся за ними по пятам. На лестнице Аполлон с Вульфом разделяются. Аполлон поднимается по ступенькам на таинственный третий этаж, а Вульф бесшумно идет вниз. Я держусь за Аполлоном. Он тянется назад и, взяв меня за руку, прижимает ее к своей рубашке. Я понимаю его намек и хватаюсь пальцами за ткань.

Когда мы добираемся до верхнего этажа, у меня отвисает челюсть. Он небольшой, его площадь раза в два меньше первого или второго этажа, зато пространство полностью открыто. Задняя стена, выходящая на задний двор, застеклена от пола до потолка, и отсюда открывается прекрасный вид за пределы сада.

Внезапно я осознаю, что там нет строений или участков – просто деревья. Некоторые из них уже пожелтели. Это настоящий маленький лес, простирающийся прямо от дома и уходящий вдаль.

Аполлон начинает осторожно расчищать пространство вокруг нас, и я стою, не задавая вопросов. На этом этаже практически пусто, не считая нескольких накрытых простынями предметов мебели и открытой двери ванной комнаты с примыкающей к ней уборной. Возможно, на этом этаже могла быть главная спальня, если бы кто-нибудь из парней решил занять ее.

У Аполлона звонит телефон, и он протягивает его мне, чтобы я прочитала пришедшее сообщение от Вульфа.

Вульф: *Чисто.*

– Он говорит, что внизу порядок, – шепчу я, и Аполлон кивает в ответ.

– Тогда иди вниз и жди там.

Мне не нужно повторять дважды, потому что в этой комнате царит холод, как в давным-давно заброшенном месте. В месте, у которого был большой потенциал, но его просто оставили как есть.

Я бегу вниз и нахожу Вульфа на кухне, склонившегося над фотографией.

– Вот это жуть, – говорит он, поднимая голову, когда я вхожу.

– Я знаю.

– Кто мог это сделать? – он переворачивает фотографию изображением вниз, и мой желудок сжимается, когда я вижу на обороте фото одно-единственное слово, написанное красным.

«Беги».

Глава 19

Кора

На экране телефона высвечивается информация о входящем звонке с фотографией моей матери. Она выбрала просто ужасное время для того, чтобы звонить, хотя я ее игнорировала практически всю прошедшую неделю. Просто после всего случившегося я не хотела рисковать и разговаривать с ней. Не дай бог, она почувствует что-то неладное.

Я смотрю на Аполлона и Вульфа, стоящих за стеклянной дверью снаружи дома, где они провели вторую половину дня, встречаясь с представителями различных охранных фирм. После того, как глава одной охранной фирмы ушел, появился новый парень, с которым они сейчас и разговаривают. Этот мужчина мог бы легко стать моделью для журнала о татуировках, ведь он покрыт ими с головы до ног. Рисунки выглядывают из-под закатанных рукавов, поднимаются вверх по шее и спускаются вниз к груди, что позволяет увидеть вырез на его рубашке. Парень пугает меня. Возможно, потому, что он незнакомец, а я сейчас не испытываю особого доверия к таким людям. Мне представили его как Святого, и это имя мне уже было знакомо, ведь именно с ним ходил разговаривать Джейс, когда мы были в «Олимпе». Я никак не комментировала то, что меня нашли, и большую часть дня пряталась в

доме. И хотя все вокруг выглядели обеспокоенными, этот парень казался мне достаточно милым.

Убедившись в том, что все до сих пор находятся на улице, я направляюсь в кабинет, нажимая кнопку «принять вызов» на своем телефоне, и придаю голосу бодрости.

– Привет, мам.

– Кора, – мамин голос звучит услугой для моих ушей. – Я уже начала беспокоиться.

– Прости, – я сглатываю чувство вины. – Просто в последнее время здесь творилось что-то безумное.

– Я разговаривала с Марли, – признается она.

– Да?

Боже, что же ей рассказала моя лучшая подруга?

Зайдя в кабинет, я закрываюсь изнутри.

Конечно, я люблю Марли, и, разумеется, большинство ее действий мотивировано лучшими побуждениями, которые, как она считает, отвечают моим интересам. Иногда оказывается права, но бывает, что эффект от ее действий получается прямо противоположным. Если она хоть словом обмолвилась моей матери о неприятностях, в которые я недавно попала, я ее просто убью.

– Она проболталась мне о том парне, с которым ты встречаешься.

Подождите, по крайней мере, мама говорит о *парне*, а не о парнях. Ведь после того, как Марли увидела, как в мою комнату вошел Вульф, я не только избегала ее звонков, но даже оставляла свой телефон выключенным на большую часть дня. И дело вовсе не в том, что я ей не доверяю и не хочу ничего рассказывать. Просто я думаю, что признание о связи с двумя парнями заставило бы меня почувствовать все происходящее реальным, а я не уверена, что хочу, чтобы оно было таким. Когда я наконец наберусь смелости ответить ей, у меня будет припасено достаточно объяснений. Ну а до тех пор я определенно не готова к этому. Я все еще с трудом выживаю и прячу голову в песок.

Я тяжело опускаюсь на диван и подтягиваю под себя ноги.

– Ну ладно, мисс Болтушка, – поддразнивает меня мама. – Как проходят занятия?

Полностью онлайн.

– С учебкой все отлично, через несколько недель начнутся промежуточные экзамены.

Я отчетливо слышу шорох на ее стороне и решаю, что она разбирает покупки.

– Уже промежуточные экзамены? Вот это да! Семестр закончится раньше, чем ты успеешь оглянуться. Я тут подумала, что нам с твоим отцом следует съездить навестить тебя. Может, мы сможем приехать на День благодарения? Если только ты сама не хотела приехать домой.

Я подавляю вздох.

– Не уверена, что у меня получится, но было бы неплохо, если бы ты приехала сюда. Я очень скучаю.

Я скучаю по нашему району, по ровным широким улицам, окруженным деревьями, по детям, которые так часто катаются по этим улицам на велосипедах, и даже по собачникам. Я скучаю по нормальности. Знакомый гул Изумрудной Бухты для меня намного приятнее, чем звуки Стерлинг Фолс. Просто мой город сам по себе обладает более добрым духом, чем Стерлинг Фолс, который отвергает аутсайдеров. Он заставляет каждого человека биться за свое место, а еще ломает людей.

– У твоего отца есть друг в Стерлинг Фолс. Он работает в мэрии, совсем недавно они договаривались о том, чтобы поиграть в гольф в Изумрудной Бухте. Если хочешь, ты могла бы приехать вместе с ним на выходные.

От ее слов я оживляюсь. Конечно, то, что я смогу сбежать из города в ближайшее время, кажется нереальным, но что с того? Я же могу просто помечтать?

– Не знала, что у папы здесь есть друзья.

– Только один друг, дорогая, – хихикает мама.

Мой папа интроверт. У него есть лишь несколько хороших друзей, а всех остальных людей он считает просто знакомыми. И мне становится любопытно, кто же этот человек в Стерлинг Фолс, которого он считает другом, тем более что я не припоминаю, чтобы слышала о нем что-то конкретное.

– Чем еще ты занимаешься? – я тереблю дырку на своих джинсах.

– У меня накопилось несколько дней отпуска, и мы обсуждаем, стоит ли нам куда-нибудь поехать или лучше остаться дома, – рассказ мамы перебивает грохот на заднем плане. – А кроме этого... дай-ка подумать. О, на моей работе происходит нереальная драма...

Когда она начинает подробно рассказывать о какой-то своей коллеге, я пользуюсь возможностью, чтобы придумать, как завершить наш разговор.

Джейса до сих пор нет дома. Хотя я уверена, что Вульф и Аполлон уже не раз говорили с ним. Конечно, он самый надоедливый из них троих, и меня не особо беспокоит, где он бывает, но я хочу об этом знать просто для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Внезапно позади меня что-то звякает о стекло, и, повернувшись к окну, я оказываюсь лицом к лицу с какой-то маской.

Я кричу и падаю с дивана, ударяясь спиной о пол. Мои ноги взлетают в воздух, а телефон падает в сторону. Кто-то вбегает в комнату, и я мельком замечаю ботинки прибежавшего на мой крик человека, брюки и пистолет в руке, а затем надо мной, нахмутив брови, склоняется Вульф.

– Что случилось?

– Я...

Он помогает мне встать, и я снова вижу гребаную маску, лежащую на подоконнике.

Я стучу его по груди, указывая на нее.

– Ребята, вы что, хотите довести меня до сердечного приступа?

Я не видела этой маски на ком-то из них раньше и даже не знаю, чья она, но Вульф ухмыляется и, наклонившись, берет маску из древесной коры в руки и подносит ее к своему лицу.

– Это первая маска Аполлона. Они у нас разбросаны по дому, – он пожимает плечами и бросает маску на диван. – Не знаю, зачем он ее принес, но она определенно не кусается. Ты в порядке?

– Прекрасно, – прижимаю я руку к груди. – О черт, мама.

Вульф хватается мой телефон с пола и подносит его к своему уху.

– Миссис Синклер, – говорит он в трубку и улыбается мне.

Мои глаза расширяются, и я качаю головой, глядя на него, но он, конечно же, игнорирует мои знаки. Я бросаюсь к нему, но он удерживает меня в стороне и кивает в ответ на что-то, что говорит моя мама на том конце, а затем смеется.

– Да, это я. Кора немного испугалась и уронила телефон, она сейчас у меня... Точно.

– Вульф, – стону я и произношу его имя одними губами. – Заканчивай.

– Марли? – Глаза Вульфа заблестели. – Нет, нас не представляли официально.

Мой стыд растет, когда он отворачивается от меня и говорит моей маме что-то слишком тихо, чтобы я могла расслышать, а потом, повернувшись обратно, передает мне телефон.

– Держи, детка.

Я показываю ему язык. Конечно, это по-детски, так же, как и красть мой телефон. Во всяком случае, именно это я говорю себе, забирая мобильный и отходя от Вульфа.

– Прости, он...

Меня обрывает мамин смешок.

– Я жду подробностей, милая. Я просто умру без них. Кстати, у него приятный голос. Ты не могла бы его сфотографировать и прислать мне фото? – вздыхает она, возможно, мысленно планируя нашу свадьбу.

– Что он сказал тебе перед тем, как вернул мне телефон?

– О, что ему повезло, что он нашел тебя.

– Ну да, – отвечаю я гримасничая.

– Не принижай себя, – увещевает мама. – Послушай, дорогая, мне пора идти. У нас на сегодня заказан ужин на острове.

– О, развлекитесь! – весело говорю я, но меня снова захлестывает чувство одиночества, и я сосредоточиваюсь на своем дыхании.

Вульф подкрадывается ко мне сзади и обнимает за талию, а я откидываю голову ему на грудь.

– Я подумаю насчет фотографии.

– Не забудь! Люблю тебя, милая.

– Я тоже тебя люблю.

Я снова бью Вульфа по груди, а он запрокидывает голову, не в силах сдержать смех.

– Это было весело, – он берет мой телефон и засовывает его мне в задний карман. – Не хочешь выйти из дома?

– Выйти? Точно? – оживляюсь я.

Он убирает руку с моей талии, а затем мы идем в гараж, большая дверь которого уже открыта. Я останавливаюсь у его «мерседеса», но он показывает большим пальцем на светло-голубой кабриолет с откидным верхом.

– Правда?

– Джейс очень им дорожит, – фыркает Вульф. – Этот засранец никогда не разрешает нам брать его, но поскольку его здесь нет...

Взбесить Джейса – это то, что сейчас занимает первое место в моем списке приоритетов. Я не уверена почему, ведь его гнев может быть очень сильным, но я бы хотела насладиться этим зрелищем.

Я запрыгиваю внутрь и быстро собираю волосы, а Вульф надевает солнцезащитные очки и протягивает мне вторую пару.

– Вот и она, наконец-то, – он замолкает, глядя на меня.

– Кто она?

– Твоя улыбка, – он поворачивает ключ, и двигатель с ревом оживает. – Она пропала, когда появился тот конверт, а, возможно, даже раньше.

Я закатываю глаза, хотя то, что он сказал, – правда. Последние двадцать четыре часа я чувствовала себя не в своей тарелке.

Как только мы выезжаем на дорогу, я глубоко вдыхаю свежий воздух. Здесь не так ветрено, как я думала, но окна в машине подняты, и это дает мне ощущение того, что я нахожусь в безопасности.

– Кора, – произносит Вульф, привлекая мое внимание. – Я зову тебя цветочком не только из-за маски, а из-за чего-то большего.

Он поудобнее берет руль и включает сигнал поворота перед тем, как мы сворачиваем на более узкую проселочную дорогу, пролегающую через лес и ведущую на восток к «Олимпу». Что мне все-таки нравится в Стерлинг Фолс, так это то, что, несмотря на роскошный центр города и промышленные районы, он остается диким местом.

– Я умираю от нетерпения узнать, из-за чего, – я похлопываю по его ладони на ручке переключения передач. Вульф берет мою руку и кладет себе на бедро.

– Даже когда случается что-то ужасное, ты продолжаешь двигаться вперед. Ты справляешься даже с самой долгой зимой.

Ух ты. А я всегда приравнивала цветы к красивым вещам, которые в конечном счете увядают и умирают. Но у него совершенно другой взгляд на вещи, и несколько минут я не могу сформулировать достойный ответ.

– Твои мысли гораздо глубже, чем мои, – наконец отвечаю я. – Почему ты заговорил про зиму?

– Не догадываешься?

– Нет, – я удивленно поднимаю брови. – Я же в порядке.

– Ты само воплощение беспорядка, – усмехается он. – Ладно. Потому что на смену даже самой долгой зиме приходит прекрасная весна.

Я сжимаю его бедро и откидываю голову на сиденье.

Мы сворачиваем на дорогу, которая идет параллельно скалам, уходя на север к пляжу. Я вижу океан вдалеке, а потом выпрямляюсь.

На утесе кто-то есть.

Мы проезжаем небольшое скопление машин, припаркованных у дороги.

– Что это? – спрашиваю я, наклоняясь вперед.

– Этот утес немного ниже, чем тот, на котором стоит «Олимп», – ухмыляется Вульф. – Так что некоторые смельчаки пытаются здесь счастье в прыжках.

– Правда? – выдыхаю я.

– Хочешь посмотреть?

– Да.

Вульф слегка наклоняется вперед и прищуривается, глядя на группу людей у машин.

– О, идеально! Здесь Святой и Никс.

Я так полагаю, что Святой – это тот пришедший к нам татуированный парень, а Никс – девушка, сражавшаяся с Артемидой. Это не может быть просто совпадением, потому что имя довольно необычное.

Мы сворачиваем с дороги и встаем в конце ряда припаркованных машин. Здесь собралась группа из восьми-девяти человек, которые одеты совершенно по-разному: некоторые в толстовках и длинных брюках, другие в купальных костюмах и полотенцах. Едва наш двигатель замолкает, как кто-то оборачивается.

– Вульф! – татуированная девушка, которая сражалась с Артемидой, отделяется от остальных, направляясь к нам.

Никс высокая и худая, черная толстовка скрывает верхнюю часть ее тела, но черные велосипедные шорты обнажают ноги. На одном из ее бедер красуется впечатляющая татуировка, которая соединяется с другими, спускающимися по икре. Кожа второй ее ноги чиста.

– Собираешься прыгать? – спрашивает Вульф, обходя машину, и берет меня за руку.

– Конечно, – улыбается она. – Кто это?

– Кора Синклер. Кора, познакомься с Никс. Возможно, ты ее видела в «Олимпе».

– Да, она сражалась с Тем. Хорошая получилась драка.

Улыбка Никс становится похожа на оскал.

– Да, бой был хорош, но мне не нравится драться со своими друзьями.

– Где ты научилась?

– Сначала я просто наблюдала за другими людьми и, когда наступал подходящий момент, использовала каждую возможность, чтобы повторять за ними. А потом я связалась с этими ребятами и последние несколько лет провела в серьезных тренировках.

Никс очень хорошенькая. Ее волосы такие темные, что кажутся иссиня-черными, как вороново крыло. Кожа девушки бледная, а полные губы постоянно растягиваются в улыбке, будто она не может ее сдержать.

– Тебе нравится «Олимп»?

Настала моя очередь смущаться.

– Ну... там нормально.

– А цветочная маска?

Вульф хихикает и хлопает меня по руке.

– Вы пока поболтайте, а я скоро вернусь.

– Цветочная маска, в которой я была прошлой ночью? – я вопросительно смотрю на нее, и она кивает.

Интересно.

– Она была прекрасна, – говорю я. – Мне интересно, как в ней оказались настоящие цветы?

– Ее сделал мой жених, – Никс подходит ко мне и указывает на высокого мужчину с татуировками, прислонившегося к одной из машин.

Как и на Никс, на нем надета толстовка с капюшоном и черные пляжные шорты.

Когда его взгляд отрывается от толпы, он сразу же находит Никс.

– Повезло мне с ним, – бормочет она.

– Да?

– Он гений во всем, что касается рисования и татуировок.

– Его зовут Святой, да?

– Вульф упоминал о нем?

– Он познакомил нас сегодня утром, когда твой жених приезжал к нам домой.

Произнеся эти слова, я невольно обнимаю себя за талию. У Никс легкая энергетика, но, возможно, сама обстановка на утесе немного выводит меня из себя.

– Еще Вульф упомянул ваши имена, когда заметил, что вы тоже здесь.

– Понятно, – она жестом приглашает меня следовать за ней, и мы присоединяемся к толпе. – Ребята, это Кора. Кора, это все.

Они машут руками и хором здороваются со мной, а Вульф, увидев наше приближение, оставляет Святого и встает рядом. Его рука скользит в задний карман моих брюк, как будто мы школьники, и в ответ на этот жест я искренне краснею, снова. Потому что в школе я никогда не заводила нормальных романов, а Вульф воплощает их лучшую версию.

– Никс, ты следующая, – зовет ее кто-то, а девушка в ответ улыбается и подталкивает меня локтем.

– Пойдем, лучше всего наблюдать с лестницы.

Я поднимаю брови и смотрю на Вульфа.

– Сюда.

Никс снимает толстовку, и я вижу, что верхняя часть ее тела тоже покрыта татуировками. Во время боя я уже видела их, но вблизи они выглядят просто потрясающе. Большинство из них серые или черные, при этом все рисунки замысловаты и переплетаются друг с другом. Прямо под ключицей у нее изображен свернувшийся дракон, его глаз открыт и будто бы наблюдает за нами.

– Похожая татуировка есть и у Святого, – говорит Вульф мне на ухо, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Я не видела...

– Дракон привлекает всеобщее внимание, ведь это его лучшая работа. Говорят, на теле Никс есть еще один дракон, спрятанный в интимном месте.

Я слегка толкаю Вульфа локтем в живот. Он наклоняется вперед и обнимает меня, а его смех отзывается вибрацией в моей груди. Мы подходим к обрыву и видим, что в скале высечена лестница, про которую говорила Никс. По обе стороны от нее стоят металлические

столбы, к ним прикреплены веревки, образуя что-то вроде своеобразных перил. Лестница поворачивает, спускаясь по краю обрыва ниже того места, где сейчас стоит Никс.

Тихий звук воды успокаивает меня, а волны здесь кажутся не такими жестокими. Возможно, дело в направлении ветра или высоте, но вода не бьется о скалу, а мягко подбегает к ней, приветствуя, а затем удаляется.

Я осторожно иду вперед за Вульфом, который протягивает мне руку. Благодарная за помощь я беру ее, потому что каменные ступени лестницы неглубоки и находятся под наклоном. Едва ступив на них, я чувствую, что нахожусь на волоске от того, чтобы соскользнуть вниз. И я не могу представить, как буду карабкаться вверх, насквозь промокшая.

– Вода очень холодная? – спрашиваю я, просто желая, чтобы он отвлек мое внимание от камней, на которых мы стоим.

Вульф пожимает плечами.

– Наверное, не особенно. Конечно, летом воде требуется целая вечность, чтобы прогреться, но сейчас здесь самое теплое время. Давай, нам осталось всего несколько шагов.

Мы доходим до того места, где ступени поворачивают к лежащему на склоне утесу, одна сторона которого поднимается к вершине, а другая – это прямой спуск в воду. Вережки перил продолжают только со стороны скалы – они прикреплены к ней болтами. Каменные ступени кажутся мне шириной в один фут^[12], а возможно, и меньше.

– Черт, – если оглянуться, то отсюда я могу увидеть лицо Никс, которая показывает нам поднятые вверх большие пальцы, а затем исчезает, собираясь взять разгон.

– Готова? – спрашивает Вульф.

Я киваю. Мне нравится чувствовать адреналин, бурлящий в моей крови. Он согревает меня. Когда маленькая группа начинает аплодировать Никс, я выпрямляюсь.

Никс прыгает с края обрыва. Она отталкивается от земли и, подпрыгнув в воздух, группируется в клубок. Сначала Никс переворачивается, а затем выпрямляется и ныряет ногами вперед в двадцати футах^[13] под нами.

– Вот это да! – я пружиню на носочках, жалея, что все закончилось так быстро.

Я могла бы продолжать наблюдать еще сотню прыжков.

Я вижу, как Никс выныривает и кому-то машет. Видимо, Святому, который стоит на краю утеса и машет ей в ответ. Спустя секунду он тоже разбегаются и прыгает в воду. Его погружение не похоже на грациозный прыжок Никс, но он выныривает в нескольких футах от нее и, подплыв ближе, целует свою невесту.

Мое сердце замирает, и я жалею, что у меня нет с собой фотоаппарата, потому что это кажется мне идеальным моментом для фотографии. Я позволяю зависти захлестнуть меня. Я завидую не только смелости Никс, но и тому, что она кажется искренне счастливой. Во всяком случае, в этот момент. Когда наконец они разрывают поцелуй и плывут к лестнице, на их лицах сияют широкие улыбки.

– Хочешь попробовать? – губы Вульфа касаются моего уха.

Я настолько удивлена, что, кажется, мои глаза вот-вот вылезут из орбит.

– Не в этой жизни.

– Надеюсь, ты бы думала по-другому, если бы на кону стояла моя жизнь? – подтрунивает надо мной Вульф и кусает меня за мочку уха.

Жар, который не имеет ничего общего с адреналином, пронизывает меня насквозь, ударяя током прямо между моих ног.

– Ладно, тогда оставайся здесь, – говорит он и уходит, а я хватаюсь за веревку.

Он что, собирается прыгнуть?

Вульф карабкается вверх, а я сажусь на ступеньку. Святой и Никс тоже поднимаются, но, в отличие от осторожных шагов Святого, Никс даже не пользуется веревкой. Она просто идет по опасным ступеням, будто делает это постоянно.

– Вульф тоже решил прыгнуть? – спрашивает меня Никс, первая поднявшаяся ко мне.

Я протягиваю руку и даю ей пять.

– Это было потрясающе. Да, думаю, он собирается прыгнуть.

– Надеюсь, он захватил полотенце, чтобы не промочить сиденье шикарной машины Джейса? – смеется Святой, проходя мимо нас. – Я принесу наши.

– Спасибо, детка, – Никс смотрит на задницу Святого, пока он карабкается наверх, а затем вздыхает. – Слушай, не думаю, что у нас есть много времени до того, как Вульф вернется.

– Что? – поднимаю я брови.

– Они хорошие ребята, на самом деле, – говорит она, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Я не думаю, что тебе обязательно выбирать кого-то одного.

– Кого-то одного? – хмурюсь я.

– Я читаю любовные романы, – заявляет она. – И некоторые героини проявляют довольно-таки творческий подход в твоей ситуации.

– Ты что, предлагаешь мне создать свой собственный маленький гарем? – качаю я головой. – Это же безумие.

– Это лучше, чем разбивать их сердца.

Я хмыкаю. По правде говоря, мне претит сама идея выбирать между Аполлоном и Вульфом. Оргазмы, которые они мне дарили вместе, были впечатляющими, но отношения с ними обоими?

И с Джейсом, раздается голос в моей голове.

Черт возьми.

Вульф на вершине утеса издает вопль, от которого по моей спине пробегают мурашки. Это тот же самый вой, который они издавали, охотясь на меня четыре месяца назад. И он повторяет его снова, но у меня нет времени паниковать. Паника отступает сама собой, когда Вульф прыгает. Я прикрываю рот рукой, чувствуя, что не могу дышать, когда он находится в воздухе, а затем он врзается в воду в идеальном прыжке, и волна поглощает его. С каждой секундой, пока мы ждем его появления, в моей груди становится все теснее и теснее.

Он не всплывает.

Глава 20

Кора

Я вижу, как выражение лица Никс меняется с веселого на озабоченное, и спешу спуститься по каменной лестнице. Я добираюсь до самой воды, как вдруг Вульф появляется в двух футах передо мной. Он трясет головой, и капли воды разлетаются во все стороны, а затем его пристальный взгляд встречается с моим.

Моя грудь расслабляется, позволяя мне сделать вдох, и я прислоняюсь спиной к скале, подавляя желание ударить его.

– Кора, что случилось? – спрашивает Вульф, легко выбравшись из воды и присаживаясь передо мной на корточки.

К черту подавление желаний.

– Ты засранец! – выкрикиваю я и толкаю его в воду.

Падая, он размахивает руками, и это смотрится довольно комично.

Ухмыляясь, Вульф вылезает из океана и, не дав мне шанса оттолкнуть его, обхватывает меня мокрыми руками, поднимая вверх. Я автоматически хватаюсь за его плечи, взвизгиваю и зажмуриваюсь, когда он выпрямляется во весь рост. Мне требуется какое-то время, чтобы снова открыть глаза и поверить, что он не собирается кинуть меня в воду. Но даже тогда я не отпускаю его, а наслаждаюсь его крепкими объятиями, хотя пальцы моих ног едва касаются мокрой каменной ступеньки.

– Ты волновалась, – констатирует он, и, кажется, это открытие доставляет ему удовольствие.

Господи, в один прекрасный день эти парни убьют меня.

– Заткнись, – шепчу я, впиваясь ногтями в его кожу.

– Ну уж нет, – он хватается меня за задницу и поднимает выше, побуждая обхватить его талию ногами. – Хочешь промокнуть?

Я сцепляю лодыжки, обнимая его крепче, и смотрю в сторону воды, а он – на ступени, которые нам придется преодолеть.

В отличие от более высокой точки, в этом месте волны жестче и достигают ступеней. Вода проходит через лодыжки Вульфа, ударяется о стену и забрызгивает мои ноги.

– Я уже промокла, – говорю я, и это не совсем ложь, ведь, судя по тому, насколько тесно мы прижаты друг к другу, вода с его тела уже пропитала мою рубашку насквозь.

С моими джинсами дела обстоят не намного лучше. Да и мой разум мне отказывает, когда я нахожусь в объятиях Вульфа.

Он заразительно смеется, а затем начинает подниматься по ступеням, не отпуская меня, и кажется, этот подъем ему дается очень легко. Он совершенно бесстрашен.

– Отличное шоу, – восклицает Никс, когда мы достигаем вершины утеса.

Я чувствую, как объятия Вульфа становятся крепче, будто он спорит сам с собой, отпускать меня или нет. Я бы хотела, чтобы мы вернулись в особняк, потому что мое желание раздеться и почувствовать его внутри себя почти невыносимо, а мои эмоции стали походить на американские горки, и я не могу их контролировать. Вверх, вниз, вверх, вниз... Я понятия не имею, как это остановить.

– Мы уходим, – внезапно объявляет Вульф, и Святой следует с нами к машине, бросая на капот два полотенца.

– Нашлась пара добровольцев, которая отказалась от них.

– Я уже и забыл, каково это – тусоваться с нормальными людьми, – говорит Вульф, и Святой смеется.

– Нормальными? Это моя компания.

И кто же они?

Вульф оглядывает толпу, кивает, и его подбородок на мгновение касается моего плеча.

– Что ж, тогда передай, кто бы это ни был, что я оценил их жест.

– Ну ладно, оставлю вас двоих... – Святой пятится назад. – Чем бы, черт возьми, вы ни собирались заняться.

Некоторое время Вульф молча стоит, ожидая, пока Святой скроется из виду.

– Теперь ты можешь меня отпустить, – говорю я ему на ухо.

– Я знаю, что могу, просто не хочу.

– Чем скорее ты меня отпустишь, тем быстрее мы сможем найти тихое местечко...

Вульф смотрит на меня, и я различаю в его глазах озорство и похоть.

– Да?

Я киваю и прикусываю губу, а он опускает меня на землю и спешит воспользоваться одолженными нам полотенцами. Внезапно он подмигивает мне и сбрасывает свои боксеры, а я не могу притворяться, что не пялюсь, осознавая, что за последние двадцать четыре часа я видела *два* члена, которые превосходят все, которые я когда-либо видела до этого.

Вульф натягивает джинсы на голое тело, а затем надевает рубашку. Если бы не влажные волосы, я бы никогда не догадалась о том, что он прыгал в океан.

– На что это похоже? – спрашиваю я, снова смотря на утес.

Сейчас на вершине стоит не знакомый мне парень, и у меня складывается ощущение, что он набирается смелости перед прыжком.

– Это похоже на освобождение, – Вульф встает рядом со мной, тоже наблюдая за парнем. – Наши избранные в «Олимпе» проходят через это, но у них ситуация похуже.

Я знаю, что избранными они называют бойцов.

– Похуже?

– Их прыжок выше. Они прыгают со скалы у «Олимпа». Это проверка их мужества – или безумия. Во всяком случае, это одно из испытаний перед боем. Было слишком много желающих драться, и мы должны были хоть как-то ограничить их количество.

Я размышляю над его словами. Конечно, не каждый, кто хочет сражаться в «Олимпе», готов согласиться на прыжок, но я предполагаю, что спрос по-прежнему довольно высок, и выбор бойцов с таким же успехом мог бы стать полноценной работой.

– Так вот почему бои проходят только два раза в месяц?

Вульф кивает.

– Поэтому нам и не нравилось, когда это происходило каждую неделю.

– Понимаю, – говорю я, рассматривая себя.

Поскольку мои джинсы с внутренней стороны бедер и в промежности полностью промокли, а передняя часть рубашки прилипла к груди, полотенце мне не очень помогло, и я кладу его на коричневое кожаное сиденье, чтобы не испортить салон.

– Аполлон возил тебя к водопаду? – внезапно спрашивает Вульф.

– Да.

– А на водохранилище?

– Нет, – отвечаю я, встречаясь с ним взглядом. – Ты хочешь туда поехать?

– Да, – говорит он, переводя взгляд с меня на полотенце, а затем обратно.

– Хорошо, – соглашаюсь я, и Вульф заводит двигатель.

На этот раз я опускаю стекло, позволяя воздуху обдувать мою кожу. Несмотря на то, что мы почти не разговариваем, я нахожу милым, что одна моя рука снова лежит на его бедре, а вторая высунута в окно и ловит потоки воздуха.

Я уверена, что Вульф прикоснулся бы ко мне, если бы машина Джейса не была с механической коробкой передач.

Мы едем по главной улице Норд-Фолс, мимо набережной.

Справа от нас находится пляж. Движение затруднено из-за пробок, и в какой-то момент Вульф останавливается, чтобы пропустить переходящую улицу мать с детской коляской.

Он проводит пальцем по моему запястью без браслета.

– Ты перестала это скрывать?

Я киваю.

– Я сама не знаю, чего боялась. Наверное, просто смотреть на это клеймо, или что другие его заметят. Но я поняла, что приму его, только если буду его видеть.

Он снова гладит мое запястье, прижимаясь костяшками к коже, и по моим рукам бегут мурашки.

– А ты сражаешься? – этот вопрос напрашивается сам собой.

– Только не в «Олимпе», мне не нравится уязвимость.

В изумлении я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Вульфа. У него мужественный профиль, красивый нос и почти квадратная челюсть, а его губы изгибаются в улыбке под моим пристальным взглядом.

Потом его слова снова прокручиваются в моей голове.

– Уязвимость? Объясни.

В конце концов, бои – это же борьба. Когда на ринге был Джейс, он не казался мне уязвимым.

– Я вырос у Адских гончих, – хмурится Вульф. – Это банда больше похожа на банду мотоциклистов, чем на что-либо другое. Если ты видишь на улице проезжающий мимо экипаж, лучше просто съехать на обочину и пропустить их. Но, как бы там ни было, мой отец – их лидер, и, борясь, они укрепляют свои ряды.

Я медленно качаю головой, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– С юного возраста меня учили, что, если я хочу уважения, я должен за это бороться, – Вульф слегка дергается и кладет свою руку на мою.

Кажется, его успокаивает тот факт, что я не шарахаюсь от него в сторону.

– Тогда борьба для меня означала выживание.

– Ах, вот оно что, – я начинаю понимать его слова.

Борьба для него – не удовольствие, а жизнь.

– Вот почему ты выбрал Ареса, – размышляю я вслух. – Потому что для него борьба тоже была целью жизни, он жил войной.

Вульф кивает, и его кадык слегка вздрагивает при глотании.

– Если понадобится, я буду драться и выиграю, потому что должен, но только не для показухи.

– И все же ты основал «Олимп».

Внезапно с лица Вульфа исчезает мрачность, и его губы расплываются в улыбке.

– Цветочек, каждому в этой жизни нужно немного жажды крови. Да, мы основали «Олимп», но процветать ему помогают люди, которые возвращаются туда снова и снова. Оказалось, что мы не одиноки в своих желаниях, как бы некоторые из нас их ни боялись.

Я дрожу, чувствуя резкость в его словах. Я боюсь насилия, и оно отталкивает меня, но я не могу отрицать, что в тени наших душ живут

темные потребности, которые мы не озвучиваем. Это своеобразный подземный мир Стерлинг Фолс, и я не должна была ожидать другого.

* * *

Мы увидели водохранилище. И теперь сразу едем обратно.

Сегодня здесь проводят экскурсию для подростков, поступающих в академию Стерлинг Фолс. Заметив огромную толпу, Вульф слегка покачал головой и развернул машину.

По дороге домой мы решаем подсластить пилюлю разочарования и останавливаемся, чтобы купить мороженое. Мы съедаем его прямо около прилавка, чтобы не испачкать сиденья в кабриолете Джейса. Несмотря на хорошо проведенное время, во мне начинает расти беспокойство, потому что, хоть наши телефоны и молчат, Вульф продолжает проверять свой и не комментирует, зачем он это делает. А от его молчания моя тревога только усиливается.

Водоохранилище находится в Вест-Фолс, недалеко от территории Титанов, но Вульф не собирается ехать домой по самому короткому пути, наоборот, мы делаем крюк, двигаясь со стороны Норд-Фолс. Когда мы проезжаем два квартала, у Вульфа наконец звонит телефон, и он облегченно выдыхает. Ответив на звонок и выслушав собеседника, Вульф утвердительно кивает и вешает трубку, а затем съезжает на обочину.

– Что ты делаешь?

– У нас дома шериф, – хмурится Вульф. – Тебе нужно выглядеть так, будто ты не обнимала мокрого мужчину.

Вульф выпрыгивает из машины и открывает багажник, а затем возвращается со спортивной сумкой в руках.

– Надо было достать это раньше.

Я сжимаю ткань своей рубашки и убеждаюсь в том, что она почти сухая, но мои джинсы – совсем другое дело.

– А почему у нас шериф? – запоздало спрашиваю я, чувствуя нервозность.

– Потому что он придурок, – бормочет Вульф, протягивая мне шорты и футболку. – Мы можем сказать, что были в спортзале.

Я фыркаю, глядя на одежду, которую он мне дал. Футболка Джейса будет выглядеть на мне так, будто я надела на себя цирковой шатер, но я, не возражая, расстегиваю ремень безопасности и вылезая из джинсов.

Вульф стонет и отворачивается, вызывая мою ухмылку.

– Ты в порядке?

– Я пытаюсь не возбуждаться.

Я смеюсь и быстро переодеваюсь, стараясь делать это так, чтобы меня не видели, хотя рядом никого нет. Вульф припарковался рядом с чьим-то домом, который стоит в глубине кустарника.

– Можешь повернуться, – говорю я, завязывая узлом белую рубашку Джейса, чтобы создать впечатление, что я надела ее так специально.

Шорты Джейса тоже оказываются мне слишком большими, но лучшее, что я могу сделать, – это спустить их на бедра.

– Ладно, – смотрит на меня Вульф. – Пойдем посмотрим, чего хочет Брэдшоу.

Я вспоминаю, как парни сказали, что Брэдшоу находится под контролем Титанов.

– А нам безопасно разговаривать с ним?

– Давай предположим, что нам небезопасно разговаривать вообще с кем бы то ни было.

Ну здорово.

Когда мы приезжаем, у дома стоят целых три полицейских машины. Один автомобиль, внутри которого сидят два офицера, находится за воротами, а два других, в том числе с включенными мигалками, – на подъездной дорожке недалеко от дома.

– Да ладно, – бормочет Вульф.

Он нажимает на кнопку, и дверь гаража сначала с грохотом открывается, а затем закрывается позади нас, когда мы заезжаем внутрь. Мы молча наблюдаем, как она опускается, пока не оказываемся в залитом желтым светом гараже. Я медленно убираю руку с ноги Вульфа, чувствуя, как в моем животе скручивается клубок змей.

– Он арестует меня?

– За что?

– Ну, я не знаю, – мои глаза расширяются. – За все что угодно. Он мог бы придумать любую причину, чтобы отвезти меня к Кроносу.

– Мы не позволим этому случиться, пойдем.

Обойдя машину, Вульф открывает дверь с моей стороны, а затем протягивает руку, чтобы помочь мне выйти. Держа одной рукой свой телефон, другой я крепко сжимаю его ладонь. Вульф отпускает меня только перед самым входом в дом.

Не могу сказать точно почему, но мне никогда не нравилась полиция. Поэтому я еле-еле иду за Вульфом, стараясь не волочить ноги.

Мы направляемся в редко посещаемую переднюю гостиную, которая всегда казалась мне холодной, а элементы ее интерьера – безличными. Мебель в ней выглядит неудобной, поэтому обычно я сюда не захожу. Мне кажется, будто эта комната спроектирована так, чтобы принимать здесь нежеланных гостей, – вероятно, в надежде, что они побыстрее уйдут.

И действительно, шериф Брэдшоу примостился на краешке дивана с невероятно несчастным видом. То ли из-за неудобной мебели, то ли потому что ему просто претила мысль о том, чтобы находиться в этом доме со всеми нами.

Мужчина был одет в ту же униформу, но без шляпы. Ее он просто держал у себя на коленях. Однако меня удивил цвет его волос. Я должна была догадаться по рыжеватому оттенку его бороды, что волосы у него тоже рыжие, но они оказались коротко обрезаны по бокам, а основная длина сверху была тщательно обработана гелем и зачесана назад. Стоило мне увидеть его поближе, как дух товарищества, который я обычно испытываю к рыжеволосым собратьям, исчез. Он просто урод.

Когда мы заходим в комнату, я вижу Джейса, прислонившегося к стене, и Аполлона, развалившегося на одном из двух кресел. Если кого-то из них и беспокоит эта ситуация, то ни один не показывает этого.

– Шериф, – приветствует его Вульф, и рыжеволосый мужчина поднимается с дивана. Его взгляд устремляется прямо на меня.

– Ты все еще с ними?

Мои губы подергиваются в усмешке, ведь это очевидно, не так ли? Учитывая то, что я зашла в эту комнату вместе с Вульфом.

– Зачем ты нужна Титанам?

Не дав мне ответить, Вульф встает прямо передо мной.

– Как насчет того, чтобы ты рассказал нам, какого черта ты здесь делаешь, Брэд?

– Я уже спрашивал, – усмехается Джейс. – Но похоже, он хотел, чтобы присутствовали все зрители, прежде чем он раскроет свои секреты.

– Ну, раз уж пришли те, кого ты ждал, – Аполлон громко зевает, – давай покончим с этим. У нас есть дела.

Я дотрагиваюсь до спины Вульфа, и всего через секунду он берет меня за руку, однако я молчу и не отвечаю шерифу. Ведь я не уверена, что он хочет услышать. Если он хочет знать, что Титаны нашли во мне, то об этом он должен спросить их, хотя, скорее всего, этого не произойдет, ведь я более легкая мишень, на разговор с которой не требуется много смелости.

– Ну, во-первых, целью нашего визита было вернуть это, – он поднимает с пола лежащий рядом с ним рюкзак и ставит его на кофейный столик, а я пытаюсь воспротивиться желанию броситься к своей вещи.

Трогать его было бы глупо, ведь он находился у них слишком долго, и они могли сделать с ним все что угодно, а теперь он просто собирается вернуть его мне, будто ничего не случилось.

– Мы не нашли ничего, что связывало бы вас с преступлением, – приподнимает брови шериф. – Ты кажешься самой обычной девушкой.

– Уж спасибо, – я вкладываю в свой ответ немного фальшивой бравады, игнорируя подтекст его слов.

– Но внешность может быть обманчива, мисс Синклер, – говорит он, сузив глаза, и его челюсть начинает подергиваться. – Вам не мешало бы помнить об этом в кругу вашей компании.

– Теперь, когда ты вернул сумку Кору, тебе следует уйти, – Аполлон встает с кресла и указывает ему на дверь. – Если у вас возникнут еще какие-либо вопросы, вам следует позвонить.

– Конечно, конечно, – отвечает шериф Брэдшоу, не сводя с меня глаз, но Джейс уже отталкивается от стены и тоже указывает ему на дверь.

– Я провожу вас.

Вульф отодвигает меня за себя, когда шериф проходит мимо, и я рада, что он выступает в роли моего защитника.

Я нутром чувствую эту необходимость, хотя при первой нашей встрече шериф показался мне нормальным человеком, лишь немного враждебно настроенным к парням...

– Не беспокойся о нем, – говорит Вульф.

– Но он же под контролем Титанов.

– Ну и что, – хмурится он.

Аполлон наблюдает через окно, как шериф и его офицер садятся в свои патрульные машины. Им требуется минута, чтобы выехать за пределы особняка, а затем третья машина следует за ними.

– Забавно, – говорит вернувшийся Джейс. – Они появились сразу после того, как мы перегрузили нашу систему безопасности.

– Серьезно? – спрашиваю я, пристально глядя на него.

– Это может быть просто совпадением, – отвечает он, смотря на меня в ответ.

– Мы не верим в такие совпадения, – к нашим гляделкам присоединяется свирепый Вульф. – Конечно, это может быть и так, но начнем с того, что мы не знаем, зачем он взял ее сумку.

– Возможно, он хотел получить доступ к нам, – Джейс подходит к моему рюкзаку и расстегивает молнию. – Мне нужно, чтобы ты посмотрела и сказала, если чего-нибудь не хватает или сюда положили что-нибудь лишнее, или что-то заменено.

Ну здорово, несмотря на то, что никто на меня не давит, мои руки внезапно начинают дрожать. Когда я вынимаю вещи из рюкзака, у меня появляется ощущение, что каждый предмет в нем – это бомба, которая непременно взорвется у меня в руках.

Я достаю свои тетради, недочитанный любовный роман, горсть ручек и калькулятор.

Стоп.

– Э-э-э... это не мое.

– У тебя нет калькулятора?

– Есть, но на моем калькуляторе цифра ноль стерта, – я показываю Джейсу совершенно нетронутую клавиатуру. – Не знаю, как у меня так получается, но у меня всегда стирается цифра ноль, и к тому же у моего калькулятора должен быть скол в углу...

Внезапно Джейс прикладывает палец к губам, и я немедленно замолкаю. Я осматриваю края калькулятора, удивляясь тому, что на нем отколот кусочек пластика. Я нахожу скол похожим на тот, что был у меня, но этот намного меньше, будто кто-то пытался сделать копию моего калькулятора, но вышло не очень.

Но зачем?

Джейс забирает у меня калькулятор и открывает заднюю крышку – не там, где вставляется батарейка, а устройства целиком. Нашим взглядам открывается множество проводов, и мне кажется, что такое их количество было бы нормальным, если бы это был не калькулятор, а мини-компьютер. На самом деле я не очень разбираюсь в технике и просто пытаюсь оценить реакцию Джейса, но он кажется воплощением стойкости. Он просто закрывает крышку обратно и забирает калькулятор с собой, выходя из комнаты.

Я смотрю на Вульфа и Аполлона, но они тоже молчат, хотя Вульф печатает что-то на своем телефоне, склонив голову, а Аполлон просто стоит у окна. Проходит совсем немного времени, и Джейс возвращается в комнату без калькулятора.

– Давайте предположим, что это дело рук Титанов, а не шерифа, – вздыхает он, и мои брови взлетают вверх.

– Кронос становится чертовски смелым, – говорит Аполлон, подходя ближе и обнимая меня. – Ты в порядке?

– Все хорошо, – говорю я ему в грудь, неуверенно обнимая его в ответ.

Мне требуется некоторое время, чтобы расслабиться, а потом я чувствую, что не хочу отпускать его.

– Он просто выводит меня из себя.

Большую роль здесь играет авторитет Кроноса. Кто на самом деле мог бы сказать «нет» шерифу Стерлинг Фолс, если бы Кронос приказал ему забрать меня? Парни бы попытались это сделать, но кто они такие против его значка?

Подумав об этом, я содрогаюсь.

– Эй, сейчас ты с нами, – губы Аполлона касаются моей макушки.

С нами.

Внезапно я вспоминаю, о чем говорила Джейсу как-то ночью. О том, что я не вынесу, если меня кому-то продадут, и хочу, чтобы парни сделали все что могут, чтобы предотвратить это. Джейс пообещал мне,

что так и будет. Он пообещал, что готов пойти на убийство, если это будет необходимо.

– Кора.

Я крепче прижимаюсь к Аполлону, не желая встречаться взглядом с Джейсом.

Джейс – это моя своеобразная проверка происходящего на реальность. Вероятно, только он не стал бы мне лгать по поводу моих шансов, а я подозреваю, что использование Титанами шерифа резко снизило для меня вероятность выбраться из этой ситуации живой или, по крайней мере, невредимой. Я знаю это так же, как и он, хотя на самом деле это ясно всем.

– Кора, – повторяет Джейс.

Я делаю глубокий вдох, вдыхая сосново-медовый аромат Аполлона, и все-таки отхожу от него. А когда я это делаю – о боже, – я вижу, как Джейс, уперев руки в бока, смотрит на меня самым суровым образом.

– Ты больше не покидаешь дом хотя бы без одного из нас. Ты больше не выходишь на улицу и не открываешь дверь. Ты, черт возьми, даже не подглядываешь сквозь жалюзи.

– Значит, я настоящая пленница.

Не могу сказать, что я удивлена, особенно учитывая развитие событий.

– Это только до тех пор, пока Кронос не успокоится, – говорит Джейс, и его лицо смягчается.

– Да, конечно, – качаю я головой. – Только вот он никогда не успокоится.

Поэтому я разворачиваюсь и иду вверх так быстро, как только могу.

Возможно ли, что, прячась в особняке, мы сможем разрешить эту ситуацию?

Глава 21

Аполлон

Обменявшись взглядами с Джейсом, мы, не сговариваясь, одновременно надеваем на лица простые черные маски и садимся в машину. Мы уже делали это раньше, поэтому не нуждаемся в разговорах. Достаточно того, что мы можем общаться с помощью языка нашего тела. Обычно в таких ситуациях нас трое, но на этот раз Вульф остался защищать Кору. К тому же есть особые правила, которые не позволяют Вульфу появляться в некоторых районах Стерлинг Фолс, если только ситуация не является критичной. Как тогда, когда мы забирали Кору из «Спуска», бара Титанов. То, что город разделен на территории, позволяет поддерживать хрупкое перемирие между бандами, но если Титан будет обнаружен за пределами Вест-Фолс или Адская гончая за пределами Ист-Фолс, игра для них будет окончена. Обычно это означает, что нарушителя отправят обратно к своим, поломанным и окровавленным.

Мы уже много лет не являемся Адскими гончими, но Вульф продолжает носить фамилию своего отца и даже похож на него внешне. Поэтому если нам с Джейсом удастся избежать многих последствий, то у Вульфа это не получится. А сегодня вечером у нас прибавится шансов быть пойманными, ведь то, что мы собираемся сделать, – это не попытка перехватить власть и не переговоры с Кроносом, вернее, с Уэсли Грейвзом, но под этим именем его знают только в узких кругах. Имя Уэсли звучит гораздо человечнее, чем Кронос, поэтому неудивительно, что он выбрал имя титана, олицетворяющего время.

При мысли о клейме в виде песочных часов на запястье Кори моя кожа горит и чешется. С того дня, когда Вульф выделил ее из толпы во время ее первого визита в «Олимп», она носила браслет и скрывала от нас это клеймо. Наши сотрудники не переставали твердить нам о том, какой смелой она была, надев цветочную маску, но лишь недавно – с тех пор как мы увидели это клеймо – браслеты перестали скрывать запястье девушки.

С одной стороны, я хочу аплодировать ее храбрости, а с другой – каждый раз, когда я вижу ее еще не совсем зажившую кожу, мне приходится подавлять желание поехать в Вест-Фолс и пустить пулю в лицо Уэсли Грейвзу. Это успокоило бы назойливый шум в моей голове, хотя бы на мгновение. Я жил с этим требующим насилия шумом с детства. Именно он побудил Цербера, отца Вульфа, принять меня в их ряды. Он тоже слышал мой гнев, звенящий громко, словно колокол, и обуздал его, превратив меня в оружие.

– Сосредоточься, – говорит Джейс сквозь зубы.

Хмыкая в знак согласия, я проверяю, на месте ли мой пистолет. Нужно действовать тихо, ведь в этом доме есть система безопасности, которую, думается мне, мы сможем обойти с относительной легкостью, и тогда встанет вопрос, кого я найду внутри.

Мы с Джейсом пробираемся сквозь деревья, и я указываю ему на пожарную лестницу. Уэсли владеет зданием, полным квартир. Их двенадцать, если наш источник прав. Сам он живет в пентхаусе, но мы не собираемся идти туда. Также мы решили не возвращаться в «Спуск», потому что нам не верилось, что он может хранить там ценные вещи. Это было бы слишком просто, особенно когда у него есть возможность нанять охранников и перевести их на сменную работу, чтобы не переживать из-за того, что его семья может находиться в опасности.

Уэсли Грейвз. Семья.

То, что у него есть женщина и двое детей, – девочка-подросток и мальчик шести лет – было его самым сокровенным секретом, который мы раскрыли после двухнедельного наблюдения за одной из квартир. Правда, мы ни разу не видели, чтобы дети выходили на улицу. Нам удалось разглядеть их только через окно. Женщина же приходила и уходила, но когда мы смогли увидеть ее поближе, то поняли, что на ее пальце нет кольца, а значит, мы не могли с уверенностью говорить, что

они в браке. За эти две недели между ними не было какой-то постоянной связи, но мы точно знали, что они живут здесь, а он заботится о них, и этим можно воспользоваться.

На южной стороне здания, которая примыкает к другому многоквартирному дому, находится пожарная лестница, но эти строения разделяет десятифутовая^[14] полоса травы. Эта пропасть слишком велика, чтобы перепрыгнуть через нее или перебраться с крыши на крышу другим способом. К тому же два патрулирующих охранника обходят территорию каждые полчаса. Они сменяют друг друга на своих позициях так, что передняя часть остается неуязвимой.

Мы с Джейсом добираемся до пожарной лестницы, пригибаясь, чтобы оставаться незамеченными, и я отстегиваю от своего пояса дымовую шашку. Также у меня припасено с собой несколько гранат на тот случай, если мы по уши вляпаемся.

Я кладу шашку в сторону и вскрываю замок на окне подвала.

– Две минуты, – говорит Джейс.

Он широкими шагами подходит к углу дома, осматривая территорию, а затем быстро возвращается назад.

– Прости, десять секунд.

Черт возьми.

Замок щелкает, и окно открывается, а у меня остается секунда, чтобы посмотреть, сработала ли сигнализация, и, когда я убеждаюсь в том, что вокруг все тихо, я беру дымовую шашку и проскальзываю в проем. Джейс исчезает тем же путем, каким мы пришли, а я закрываю окно и прижимаюсь к стене как раз в тот момент, когда мимо проходит охранник.

Возможно, когда мы вошли в дом, сработала какая-то тихая сигнализация, но в любом случае я уже здесь. Подвал, в который я попал, в основном служит складом и офисом службы уборки, но дверь закрыта. Здесь совершенно темно, если не считать нескольких окон, через которые внутрь проникает немного лунного света, и сияния таблички «выход» над дверью, ведущей на лестницу. Мне не привыкать к слабому освещению, и вскоре мое зрение позволяет мне достаточно легко ориентироваться в темноте.

Я нажимаю на кнопку вызова лифта, и через несколько секунд раздается громкий сигнал, извещающий о его прибытии. Двери лифта открываются. Я вхожу внутрь и нажимаю кнопку верхнего этажа, а

потом выдергиваю чеку из дымовой шашки и бросаю ее на пол, выпрыгивая из лифта прежде, чем двери закроются. Я быстро достигаю лестницы, двигаясь совершенно бесшумно, а это не так уж и сложно, если ты знаешь, как распределить свой вес. Я поднимаюсь по ней, перепрыгивая через ступеньки. На лестничных клетках нет охранников, но они дежурят на этаже, и, как только двери лифта откроются, мы надеемся, что это отвлечет их.

На полпути вверх я приседаю на корточки, когда дверь этажом выше со скрипом распаивается. Два охранника выбегают на лестничную клетку и поднимаются на следующий этаж, не потрудившись проверить, что находится под ними.

Я качаю головой, ведь они достаточно скоро поймут, что угроза находится внизу, а не наверху, но сейчас наступает время моего выхода. Я снова достаю пистолет, прокрадываюсь на последний этаж и дохожу до небольшого коридора, который ведет к дверям двух квартир. Я рассматриваю двери, а затем приближаюсь к крайней правой. Она не заперта, поэтому я тихонечко вхожу внутрь. Я начинаю исследовать комнаты, осматривая их в поисках какого-нибудь картотечного шкафа или сейфа.

На моем бедре жужжит телефон, и я мельком читаю сообщение от Джейса.

Джейс: Я на месте.

Что ж, черт возьми, как раз вовремя.

– Ты кто?

Я разворачиваюсь, поднимая пистолет, и вижу девочку, стоящую передо мной с миской попкорна в руке. Она кажется более юной, чем подросток, у нее длинные темные волосы, огромные глаза и внешность долгового ребенка, который совсем недавно пережил резкий скачок роста. Разве девочки не растут быстрее мальчиков? Нам требуется больше времени, чтобы наверстать упущенное.

Вот черт.

– Не кричи! – предупреждаю я.

– Здесь нет ничего ценного, – закатывает она глаза.

– Только ты.

Девочка пожимает плечами.

– Не сказала бы, а что ты ищешь?

– Листок бумаги.

– Ну что ж, – смеется она, – удачи.

А затем она указывает на одну из дверей дальше по коридору.

Я вопросительно смотрю на нее, но она не кажется мне напуганной. Или, возможно, это ловушка? Девочка просто разворачивается и идет в другую комнату все с той же миской попкорна в руке.

Черт, теперь я тоже хочу попкорн.

Я приоткрываю дверь, а затем распахиваю ее настежь, видя, что на столе, стуле и даже на полу небрежно свалены в кучу стопки бумаг. Должно быть, здесь тысяча страниц.

Неудивительно, что она пожелала мне удачи, ведь эти бумаги могли быть организованы в совершенно бессмысленную систему, которая понятна только Уэсли.

Стопки разделены огромными скрепками на переплете, и, когда я рассматриваю их, на мгновение мое сердце замирает. Все эти бумаги – контракты. Здесь сотни юридических документов, и у меня возникает желание сжечь их.

Черт!

Я закрываю за собой дверь и отправляю Джейсу фотографию этих бумаг. Секундой позже он звонит.

– Что это, черт возьми, такое?

– Контракты.

Я слышу, как Джейс ругается себе под нос.

– Ты видишь имя Кору?

– Нет, – и я не собираюсь перебирать их все, ведь мы оба знаем, что ее контракта здесь нет.

– Я собираюсь сжечь это, – говорю я.

– Аполлон...

– Заткнись, Джей! Мы оба ненавидим его до чертиков, и, по крайней мере, благодаря этому наш сегодняшний вечер будет стоить затраченных усилий.

– Тогда мы укажем на нас, – рычит он.

– Что ж, это правда, но я почти уверен, что Уэсли Грейвз догадывается о наших планах. Вот почему эти контракты здесь. Этот ублюдок знал, что мы придем.

Я думаю о встреченной мной девочке и о том, что она выглядит совсем не так, как я ожидал. Будто ей все равно.

– Думаю, нас разыграли, – медленно произношу я и, слыша позади себя скрежет металла, снимаю пистолет с предохранителя.

– Черт! Точно! Нас преследовали. Беги к пожарной лестнице.

– Сколько их?

Нам следует купить блютуз-гарнитуру или что-то в этом роде, потому что, чтобы открыть дверь и держать пистолет в руке, мне приходится зажимать телефон между ухом и плечом.

Коридор пуст, но мое сердцебиение учащается, и кровь бурлит в моих жилах. Я живу ради этого чувства, ради опасности.

– Их двадцать. Только что сюда заявила целая гребаная армия.

А мы привезли с собой недостаточно боеприпасов для войны. Только недавно Кора пялилась на нас с Вульфом, когда мы собирали оружие по нашему дому. Тогда его количество казалось ей слишком большим. Так вот, сейчас даже вдвое больше оружия было бы недостаточно. Наши ожидания сегодня совершенно не соответствовали действительности.

– Лестница?

Я обыскиваю остальную часть квартиры, а затем возвращаюсь в комнату.

Если я правильно помню, то лестница находится на восточной стороне, и хорошо, что я могу до нее добраться.

– Они на лестничной клетке.

– Что?

– Просто держи пожарную лестницу свободной.

Я вешаю трубку, засовываю телефон в карман, а затем выдергиваю чеку из одной своих гранат. Бросаясь обратно к лестнице, я сбрасываю гранату вниз, а затем бегом возвращаюсь внутрь и бросаю еще одну в комнату с бумагами. Если повезет, у меня есть десять секунд, но иногда темперамент охраны трудно оценить.

Первый взрыв гранаты раздается далеко внизу, и квартира сотрясается. Пол дрожит, а девочка продолжает лежать на диване, уставившись в черный экран телевизора. Она совершенно неподвижна, если не считать руки, которая перекладывает попкорн из миски в ее рот.

– Ты же не ребенок Уэсли? – я поднимаю ее с дивана. – Верно?

Она смеется, запрокидывая голову.

– Нет.

У меня нет времени на шутки.

– Ты приманка?

– Я тщательно продуманная уловка, – теперь ее голова наклоняется вперед, и она закатывает рукава.

На сгибах ее локтей я вижу темные следы от уколов и старые шрамы, а также клеймо в виде песочных часов у нее на запястье. Мое сердце болит за эту девочку. Я знаю, что, если я брошу ее здесь, потом мне будут сниться кошмары.

Для меня ее тоже зовут Кора. Для меня она моя сестра. Для меня она каждая сломленная девушка, которую Кронос использовал для достижения своих целей, и я раздавлен этим. Глаза девочки подрагивают, а затем ее взгляд фокусируется на мне.

– Знаешь, это было неплохое представление. Может, ты останешься тут? Здесь ты будешь счастлив. Тебя будут кормить и давать наркотики.

– Мы должны идти.

Называйте меня гребаным мучеником.

– Так кто же ты?

– Скоро стану солдатом, – хихикает она, вставая с дивана, но потом спотыкается.

Она роняет миску с попкорном, и ядра кукурузы разлетаются по всей комнате. Внезапно взрывается вторая брошенная мной граната, и стена между той комнатой и этой разлетается на части, и мы падаем назад. Комнату заполняют обломки и дым, а я задираю рубашку, закрывая нос и рот, делая то же самое и для нее. Девочка кашляет и стонет.

– Прекрати, – говорю я, когда она начинает кричать, словно банши^[15]. – Позволь мне вытащить тебя отсюда! – Я хватаю ее за руку и тащу к окну, но она сопротивляется всю дорогу, размазывая по лицу слезы и сопли.

Девочка наносит мне приличный удар ногой в колено, и я почти падаю, а моя хватка ослабевает, из-за чего ей удается убежать.

На этот раз крики раздаются гораздо ближе, и дверь распаивается.

Мое время официально истекло.

Глава 22

Кора

Я просыпаюсь, лежа на животе, и чувствую, как сверху на меня давит что-то тяжелое. Ерзая, я пытаюсь стряхнуть с себя эту тяжесть, но внезапно чьи-то пальцы дергают меня за волосы, прижимая лицом к матрасу. Я автоматически напрягаюсь, и мой сон улетучивается. Чтобы понять, что происходит, мне требуется секунда. Под мои бедра подложена подушка, его ноги прижимают мои друг к другу, а его член находится внутри меня. Крепко держа мое бедро, он вбивается в меня, а его рука сжимает мою задницу. Его прикосновения почти обжигают, а за попытку пошевелиться меня наказывают еще большей болью, которую и так причиняет каждый его толчок. Мои глаза крепко зажмурены, и я издаю приглушенный подушкой крик, пытаюсь вырваться. Я больше не могу. Он отпускает мои волосы, чтобы зажать мне ладонью рот. Мои слезы его не трогают, они просто стекают прямо на простыни. Внезапно он переворачивает меня на спину, и тяжесть исчезает.

Я открываю глаза и смотрю на темный потолок, а мое сердце бешено колотится, пока я прихожу в себя. Чувство уязвимости пробралось мне под кожу, и я не могу от него избавиться. Но моя одежда не тронута.

Это был сон. Просто ужасный сон.

Мое постельное белье смято, но, вероятно, это сделала я сама во время ночного кошмара. К тому же я полностью одета. И все же я не могу оставаться в этой постели ни секундой больше. Меня охватывает желание убежать. Я чувствую себя так, словно меня облили грязью, и мне хочется содрать с себя собственную кожу, чтобы не чувствовать того, что я чувствую сейчас.

Я рывком открываю дверь и выбегаю в коридор, но останавливаюсь в неуверенности, куда мне идти. Я нахожусь на грани истерики, которая пузырится у меня в горле, удерживая мои легкие в заложниках.

Из-под двери Вульфа пробивается мягкий свет, и, увидев его, я стучу, не успевая себя остановить.

Он довольно быстро открывает дверь и хмурится, глядя на меня.

Пройдя мимо него, я встаю посреди комнаты, оглядываясь вокруг. Его кровать все еще застелена, и на ней лежит открытая книга, но он явно не был занят чтением, потому что на его прикроватной тумбочке я вижу светящийся экран планшета, на котором отображаются данные с камер наблюдения по всему дому.

– Ты занят? – спрашиваю я, и мой голос звучит выше, чем обычно.

– Только не для тебя. Ты не можешь уснуть?

– Мне приснился плохой сон, – выпаливаю я.

Вульф закрывает дверь и садится на край кровати.

– Хочешь поговорить об этом?

Мне бы не хотелось, но иногда занозы гноятся, если их не вытащить, а я не вытаскивала их слишком долго. Ведь я не могла сообщить подробности моих отношений родителям. Единственное, что они знали, – это то, что Паркер издевался надо мной. Ведь какой родитель хочет услышать, что их ребенок был подвержен...

– Иногда я просыпалась от того, что Паркер занимался со мной сексом, – рассказываю я, отведя взгляд. – Если я начинала кричать, он закрывал мне рот ладонью, но все равно не останавливался.

Взгляд Вульфа становится бешеным.

– Это было не самое худшее, что он делал со мной, но именно это привиделось мне сегодня в кошмаре, и... – я переминаюсь с ноги на ногу, откладывая этот момент, но мне необходимо произнести вслух то,

что я хочу сказать. – Если ты когда-нибудь сделаешь со мной то же самое, то, черт возьми, я сойду с ума.

Внезапно Вульф встает с кровати.

– Я никогда так не поступлю, Кора. Это же было... не по обоюдному согласию.

– Знаю.

Но он смотрит на меня так, словно я не понимаю этого, а может быть, и правда не понимаю, потому что я осознала, что только что сказала Вульфу, что сойду с ума, если он изнасилует меня. Конечно, я бы сошла с ума, но какого хрена я вообще сказала ему об этом?

Секунду позже на меня обрушивается чувство вины, которое захлестывает меня с головой, и мурашки пробегают по спине.

– Я просто... просто...

– Эй, эй, все в порядке. Иди сюда.

Он снова садится на кровать, а я сажусь рядом с ним, не зная, чего ожидаю, но он наклоняется и целует меня в щеку. Это быстрый, мимолетный поцелуй.

– Я не причиню тебе вреда, – обещает тихим голосом Вульф.

Он будто знал, через что я прошла, даже тогда, когда мы были в масках.

Я забираюсь к нему на колени, и он инстинктивно обнимает меня.

– Что ты делаешь?

Я прижимаюсь губами к его горлу, и в мою грудь приникает вибрация от стонов в его груди.

– Он был последним, кто трахал меня, – еще один поцелуй. – Я была просто объектом для его утех. Он словно забрал частичку меня, и я хочу вернуть ее обратно. Я хочу снова почувствовать себя желанной.

Слова «с тобой» остаются невысказанными, но я надеюсь, что он это чувствует.

Я прокладываю дорожку из поцелуев к его подбородку, устремляясь к уголкам губ.

– Пожалуйста.

– Ты уверена? – он обхватывает мою щеку ладонью.

– Да.

На лице у Вульфа ясно читается смятение, будто в его голове разыгрывается нешуточная борьба, но в конце концов он кивает.

– Но ты будешь все контролировать.

Я чувствую спазм в груди.

– Я не хочу все контролировать.

– Я имею в виду, – говорит он спустя несколько секунд, – что за тобой остается последнее слово. Если ты говоришь «стоп» – мы останавливаемся, неважно, когда это будет сказано. Мы сразу остановимся. Ты понимаешь меня?

Я киваю и пытаюсь обуздать бабочек, порхающих в моем животе. Я не знаю, доверяю ли я Вульффу в вопросе защиты меня от Кроноса. Я не знаю, верю ли я в то, что он может остановить то, что грядет, но прямо здесь и сейчас я верю в то, что он не причинит мне зла.

Вульфф помогает мне встать, кладет лежащую на кровати книгу на тумбочку и откидывает одеяло.

Я смотрю на его постель, которая не похожа ни на постель в моей комнате, ни на постель в доме у Паркера. Но я все еще чувствую пот Паркера на своей коже, слышу его бормотание мне на ухо. Этот кошмар то и дело прокручивается в моем мозгу.

Вульфф обходит кровать и останавливается прямо передо мной.

– Не на кровати?

Я киваю.

– Хорошо, – просто говорит он, не задавая никаких вопросов.

Подойдя ближе, Вульфф успокаивающими движениями гладит меня по рукам, а затем наклоняется и целует меня. На мгновение я застываю, но потом мой разум отключается, и сердце берет над ним вверх. Обвивая руками его шею, я прижимаюсь к Вульффу. Его язык проскальзывает в мой рот, и мои мысли тут же затуманиваются. Он настойчиво ведет меня назад, пока я не упираюсь спиной в стену.

Вульфф разрывает поцелуй, и его губы направляются к моему горлу. Он щиплет мою кожу, и я задыхаюсь от ощущений, пронзающих меня. Довольный моей реакцией, он проделывает это снова. Он посасывает и покусывает мою шею, одновременно стягивая с меня шорты и трусики. Они падают на пол, и я ногой отбрасываю их прочь.

Я задираю его рубашку, и мы отрываемся друг от друга ровно настолько, чтобы я могла снять ее через его голову. Он проделывает то же самое с моей футболкой, и его взгляд опускается на мою грудь. Вульфф проводит подушечкой большого пальца по моему твердеющему соску, и я шумно вздыхаю. Он обхватывает рукой одну из моих грудей, сжимая сосок между пальцами, а затем наклоняется и берет в рот

сосок второй груди. Я хватаюсь за его плечи, выгибаясь дугой, а под моей кожей пробегают маленькие электрические разряды, которые приносят такое удовольствие, что я не уверена, что смогу вынести еще хоть что-нибудь. Внезапно Вульф отпускает мой сосок и целует меня в ложбинку груди. Его поцелуи становятся более деликатными, когда он переключает свое внимание на мой живот и ниже.

– Вульф, – шепчу я. – Пожалуйста, возьми меня.

Но вместо этого он опускается передо мной на колени и поднимает свой взгляд.

– Мы уже говорили об этом, цветочек, – он берет одну из моих ног и закидывает ее себе на плечо. – Твое удовольствие на первом месте.

Я откидываю голову к стене, когда его язык скользит между моих ног. Вульф играет пальцами с моим клитором, в то время как его язык уделяет внимание всему остальному. К тому моменту, когда его рот наконец целиком накрывает мой клитор, я уже задыхаюсь от удовольствия. Вульф берет мои руки и кладет их себе на голову, а я, закрыв глаза, провожу по ней ногтями. Когда он делает своим языком что-то, заставляющее меня извиваться от наслаждения, я вцепляюсь пальцами в его волосы. Он проделывает это снова и снова, и снова, пока я не начинаю дрожать, и во мне не поднимается горячая волна, приближающая меня к разрядке.

– Я сейчас кончу, – выдыхаю я. – Вульф...

Он улыбается, не отрывая от меня своего рта, и легкая вибрация от его смеха – это последнее, что подталкивает меня к краю пропасти. Я прижимаюсь к его лицу и двигаю бедрами, пытаюсь получить еще больше, когда меня захлестывает оргазм.

Вульф обхватывает руками мои бедра, прежде чем у меня подкашиваются колени. Вернее, колено, ведь вторая моя нога все еще лежит у него на плече.

Он быстро целует мою ногу, ставит ее на пол, а затем снимает свои шорты. Я сглатываю, глядя на его выскочивший член.

– Презерватив, – бормочет он, но я хватаю его за руку.

– Если ты чист, я тебе доверяю.

Он делает паузу.

– Ты принимаешь противозачаточные средства?

– У меня стоит спираль.

Я не утруждаю себя рассказом, что поставить ее меня заставил Паркер. Это бы испортило момент.

– Если ты уверена, – глаза Вульфа темнеют.

– Уверена, пожалуйста.

Не теряя время, Вульф жадно целует меня, возвращая все эмоции, которые казались мне утраченными. Они пронизывают меня насквозь: надежда, гнев, вожеление, радость. Моя грудь вздымается от нахлынувших чувств, но все заканчивается слишком быстро, потому что Вульф разворачивает меня лицом к стене и кладет мои руки на стену. Затем он раздвигает мои ноги чуть шире, и я чувствую его член у своей киски.

– Готова? – спрашивает он, целуя меня в плечо.

– Трахни меня до потери сознания, – приказываю я, но потом добавляю мягче: – Готова.

Он всаживается в меня, и мои губы приоткрываются. Я поняла, что у него большой член, еще когда глазела на него, но все же одно дело – видеть, а совсем другое – чувствовать его внутри себя. Моя спина выгибается, и Вульф стонет мне в ухо.

– Ты прекрасна, чертовски прекрасна.

Он чуть выходит из меня, чтобы затем войти снова, глубже.

– Боже! – выдыхаю я.

– Да?

Я прижимаюсь к Вульфу, двигаясь навстречу его мучительно медленным толчкам. Мне кажется, что он собирается убить меня, нарочно двигаясь так медленно. Но потом я замечаю легкую дрожь в его мышцах и понимаю, что он сдерживается, чтобы не напугать меня излишним напором, поэтому продвигается вперед дюйм за дюймом.

Я выгибаюсь назад, чтобы поцеловать его, а когда наши рты соприкасаются, я захватываю в плен и посасываю его язык, отчего его бедра двигаются быстрее. Мы стонем в унисон, и сдержанность Вульфа исчезает. Он врзается в меня так сильно, что мне кажется, будто я сейчас разобьюсь вдребезги. Мои руки – единственное, что оберегает мое лицо от столкновения со стеной.

Ладони Вульфа скользят по моему телу, одна находит мой сосок, а другая направляется к клитору. Возбуждение становится почти чрезмерным, и мы разрываем поцелуй. Наши губы все еще

соприкасаются, скользя друг по другу при каждом движении, но мы просто ловим наши стоны.

А затем я распадаюсь на части в его руках и на его члене, достигая кульминации. Это удовольствие не сравнится с первым, и мои мышцы ритмично сжимаются вокруг него.

– Черт... – рычит Вульф, двигаясь быстрее и жестче, а затем замирает, полностью войдя в меня.

Его член пульсирует, а лоб упирается в мое плечо, пока его тело полностью не расслабляется.

Вот это да.

Когда волны оргазма сходят на нет, Вульф разворачивает меня к себе, а на его лице читается беспокойство и изумление.

– Кора?

Я улыбаюсь ему, усталая и удовлетворенная.

– Это было фантастически.

– Пожалуйста, могу я сейчас отнести тебя в свою постель? – спрашивает он, утыкаясь носом в мою щеку.

Этот вопрос удивляет меня, но я стараюсь не показывать этого. Просто я не могу вспомнить, когда в последний раз кто-то хотел, чтобы я осталась рядом после того, как получил свое удовольствие. Даже сейчас сперма Вульфа все еще сочится из меня.

– Мне нужно в туалет, – шепчу я.

– Но ты же вернешься? – он кивает и смотрит на меня.

– Конечно.

Главным образом потому, что идея вернуться в свою постель и находиться там в одиночестве кажется мне ужасной.

Тем более что Вульф смотрит на меня так, словно хочет повторить то, что мы делали, еще раз.

Я поспешно чищу зубы, мочусь, а затем пересекаю холл, направляясь обратно в комнату Вульфа. Он ждет меня в своей постели, снова одетый в свои черные боксеры. Его рука закинута за голову, а другая держит книгу. Некоторое время я наблюдаю за ним с порога, пока он не поднимает на меня взгляд.

– Тащи сюда свою милую попку, цветочек, – он бросает книгу на пол, а я, ухмыляясь, закрываю за собой дверь и забираюсь к нему на кровать.

Вульф немедленно притягивает меня ближе, а затем выключает свет, и мы ложимся на бок, лицом друг к другу.

– Ты хочешь поговорить об этом? – он повторяет один из своих вопросов, и, полагаю, это открытое приглашение поговорить о Паркере.

– Нет, – я прижимаюсь ближе к Вульфу, а так как единственное, что на нас надето, – это трусы, соприкосновение его кожи с моей согревает меня изнутри.

– Но спасибо тебе.

– В любое время, цветочек, – вяло говорит он, похоже, находясь на грани сна. – Надеюсь, он получил по заслугам?

Я переехала к Паркеру после того, как окончила среднюю школу. К тому времени у меня уже была работа, и я пыталась накопить денег на колледж. Мои родители уезжали в путешествие, посвященное празднованию знаменательной годовщины. Двадцать пять лет со дня свадьбы. Кто захочет взять свою приемную дочь в путешествие, которое должно было стать вторым медовым месяцем? Они как раз и собирались уехать на месяц, но не хотели, чтобы я оставалась дома одна. Предполагалось, что наше совместное проживание с Паркером не продлится долго.

Наши отношения и без того были непростыми. Находясь рядом с ним, я словно ходила по минному полю, а жизнь вместе только усугубила ситуацию. Поначалу он был очаровательным, и я не заметила, как привязалась к нему, но потом все изменилось. В конце концов я поняла, что с меня хватит. Он зашел слишком далеко и причинил мне слишком много вреда, поэтому я порвала с ним. Но нашего разрыва было недостаточно. Я продолжала встречать его на улице, поэтому я бросила свой дом и свой город, чтобы больше его не видеть.

– Ничего он не получил, – шепчу я, потому что в темноте это легче признать.

Паркер сделал так, что я перестала доверять своим суждениям и тем более самой себе.

– Он получит по заслугам, – отвечает Вульф.

Нас будит телефон Вульфа.

Когда мы просыпаемся, он лежит на спине, наши ноги переплетены, а я прижимаюсь к нему всем телом. Едва Вульф открывает глаза, он, будто зная, что я собираюсь встать с кровати, прижимает меня к себе крепче. Вульф тянется к телефону, и, прежде чем он принимает вызов, я успеваю заметить на экране имя Джейса.

– Что случилось? – немедленно спрашивает Вульф.

Я не слышу слов Джейса, только различаю низкий тембр его голоса.

Вульф садится на кровати и включает лампу, а затем, спустя всего несколько секунд, вскакивает и, прижимая телефон к уху, надевает рубашку.

Я не могу подняться с постели из-за сковавшего меня ужаса. Мне сказали, что Джейс и Аполлон ушли по какому-то поручению, но большинство поручений, которые выполняются посреди ночи, не из приятных. Я знаю об этом не понаслышке, поэтому не задавала вопросов, но что я могу сказать теперь? Тогда я не хотела знать, куда они направляются, но теперь я чувствую, что случилось что-то плохое.

– Кора! – Голос Вульфа выводит меня из оцепенения. – Одевайся, – говорит он, уже надевая джинсы.

– С ними все в порядке? – заставляя себя встать с кровати, я осматриваю пол в поисках своей одежды, но не могу ее найти.

Не могла же она просто исчезнуть?

Руки Вульфа опускаются мне на плечи, и я вздрагиваю.

– Сходи за одеждой, детка. – Он выглядит обеспокоенным, но говорит со мной очень мягко.

Сочетание тревоги и нежности в его голосе совершенно сбивает меня с толку. Он не ответил на мой вопрос, но срочность ситуации заставляет меня двигаться быстрее, поэтому я несусь через холл в свою комнату и быстро нахожу джинсы, носки, ботинки и бюстгальтер. *Боже, бюстгальтер.* Я почти пережила приступ паники, пока была обнажена.

Я натягиваю толстовку, а затем выдергиваю зарядное устройство из телефона и выхожу в холл, где меня уже встречает Вульф. Он кладет руку мне на поясницу и ведет меня вниз по лестнице, прямо в гараж.

– С ними все в порядке? – снова спрашиваю я.

Мы садимся в черный джип, и он оживает под нами, когда Вульф заводит мотор.

– Эта машина пуленепробиваемая, – говорит он, внимательно глядя на меня. – У нее усиленный стальной корпус, а такой материал используют военные. Джейс купил его на всякий случай.

Я с трудом сглатываю, понимая, что он снова не ответил на мой вопрос. *Опять.* Мы выезжаем, и я смотрю через окно, как закрываются двери гаража. Спустя несколько секунд мы уже летим вниз по улице, а я нащупываю дверную ручку и сжимаю ее, пока во мне борются тревога и страх.

– Вульф, пожалуйста, скажи мне.

– Я почти уверен, что это была ловушка, – его руки на руле напрягаются.

– Что за ловушка?

– Они попытались украсть твой контракт.

У меня отвисает челюсть.

– Тот, который заставил меня подписать Кронос?

– Мы думали, что поступаем умно, но Джейс и Аполлон угодили в западню.

– Но тебе звонил Джейс, – я выпрямляюсь на своем сиденье и жестом приказываю ему ехать быстрее. – А раз звонил он, то что с Аполлоном?

– Он ранен, – Вульф бросает на меня взгляд. – Но, как я понял Джейса, все не так уж и плохо.

– Тогда почему...

– Кора, пожалуйста, не задавай вопросов, он не рассказал мне всего.

Я киваю.

Вульф остался дома вместе со мной, в то время как его друзья убежали играть... в воров. Их план не сработал. Должно быть, мое беспокойство составляет лишь десятую часть того, что сейчас чувствует Вульф.

Мы проносимся мимо университета Стерлинг Фолс, а зеленые часы на приборной панели показывают мне, что сейчас четыре утра. На улицах тихо и безлюдно. Это способствует нашей растущей скорости. Скоро взойдет солнце.

Вульф бросает мне свой телефон.

– Прочти сообщение.

Моя рука дрожит так сильно, что я не сразу могу его открыть.

– Это Джейс, он прислал адрес.

Но как только я диктую его Вульффу, тот хлопает рукой по рулю так сильно, что я чуть ли не подпрыгиваю.

– Это Вест-Фолс, – выдавливают Вульф. – Если меня там заметят, то пристрелят на месте или чего похуже...

Что ж, это уже совсем не хорошо.

– Обычно мне плевать на опасность, но, если меня застрелят, кто помешает им забрать тебя? – качает головой Вульф и сильнее нажимает на газ.

Двигатель взывает, и мы мчимся вперед.

– Открой бардачок!

Сейчас не время для споров и колебаний, поэтому я беспрекословно выполняю его просьбу. Внутри лежит маленький пистолет, а рядом с ним – три магазина.

– Ты раньше держала в руках оружие?

Аполлон уже спрашивал меня об этом, и я сказала: «не совсем». На этот раз я выбираю более правдивый ответ.

– Несколько раз, – сглатываю я.

– Заряди, покажи мне.

Я вставляю магазин и оттягиваю затвор назад. Когда верхний патрон загружается в пистолет, я показываю результат Вульффу.

– Что ж, отлично, – он смотрит на пистолет в моих руках и кивает. – У него нет предохранителя, так что не нажимай на спусковой крючок, если не хочешь в кого-нибудь выстрелить.

– Ты... ты хочешь, чтобы я взяла его?

– Да, только не стреляй в Джейса, Аполлона и меня.

– Я просто постараюсь ни в кого не стрелять, – говорю я, держа руку на оружии, но мой указательный палец находится на безопасном расстоянии от спускового крючка.

Даже случайное подергивание пальцем может привести к проблемам.

Вульф сжимает губы, но не подвергает мои слова критике, а я не утруждаю себя тем, чтобы рассказать ему, что мой единственный опыт стрельбы был на семинаре в местном колледже. Мы посвятили неделю изучению безопасного обращения с оружием и практике стрельбы. Но

моя стрельба была ужасна, и все инструкторы говорили, что я слишком напрягаюсь в ожидании отдачи. Но как я могла этого не делать? В тот момент я уже встречалась с приступами гнева Паркера, и напряженно вздрагивать стало моей второй натурой.

Когда мы въезжаем на территорию Титанов, я замечаю колоссальную разницу между ней и остальным городом. И дело не в том, что улица выглядит как-то по-другому, просто в этой части города я чувствую враждебную энергетику, возможно, потому, что мы здесь чужие. Вульф автоматически снижает скорость до более приемлемой, потому что даже в этот час на улице встречаются люди. Их немного, но достаточно, чтобы мне было трудно сосредоточиться на чем-то, кроме того, что находится прямо передо мной.

Впереди нас из-за угла появляется машина и направляется в нашу сторону.

Выругавшись, Вульф быстро сворачивает на боковую улицу, а затем останавливается перед каким-то домом и выключает фары. Обернувшись, я вижу, как та же машина сворачивает за нами, и ее фары освещают наш джип. Вульф напрягается. Быстро придвинувшись ко мне, он хватается за шею и притягивает к себе. Его губы касаются моих как раз в тот момент, когда машина проезжает мимо. Краем глазом я замечаю, как ее пассажир пристально смотрит на нас, корча гримасу отвращения. Не найдя к чему придраться, они продолжают ехать вперед.

Едва машина скрывается из виду, Вульф откидывается на спинку своего сиденья и дотрагивается до моей нижней губы.

– Патруль, – объясняет он, и мои глаза расширяются. – Они ищут Аполлона и Джейса.

– Почему?

Вульф качает головой.

– Если бы я мог, я бы оставил тебя дома, Кора. Но в такой ситуации это небезопасно.

– Я знаю, все в порядке, – говорю я, касаясь его руки.

– Не в порядке, но мы разберемся с этим, когда вернемся домой.

– Угу, – соглашаюсь я и прищуриваю глаза, когда он замолкает.

По правде говоря, я бы тоже пока не хотела оставаться в доме одна. К тому же ребята нравятся мне все сильнее.

Мы крадемся по территории Титанов, избегая встречных машин, и останавливаемся в центре города. Высокие многоквартирные дома стоят тут среди предприятий почти вплотную друг к другу. В одном из домов во всех окнах горит свет, и он кишит Титанами.

– Что, черт возьми, там произошло? – спрашиваю я, наклоняясь вперед, но вижу только фасад здания, освещаемый фарами, а дорогу к нему преграждают машины. – Только не говори мне, что они все еще там.

– Нет, но они поблизости.

Вульф поворачивает, и через два квартала мы выезжаем на небольшую парковку, первые два уровня которой забиты автомобилями. На всех них есть наклейки с надписью «житель Вест-Фолс». Если нам придется оставить джип здесь, а какой-нибудь Титан будет патрулировать это место, то наша машина будет заметна среди других, как белая ворона.

Вульф заезжает на третий уровень и паркуется задним ходом между двумя машинами. Здесь больше свободных мест, но Вульфа это, похоже, не беспокоит. Он выпрыгивает из джипа, на ходу доставая оружие. И поскольку он не велел мне оставаться внутри, я следую за ним. Я боюсь издать какой-либо шум, поэтому мы оба осторожно закрываем двери машины, а когда замки защелкиваются, на парковке вспыхивает свет. Я держу пистолет в руке, пока мы спускаемся по лестнице на первый этаж, но внезапно Вульф останавливает меня, побуждая спрятаться в тени. Мимо нас проезжает грузовик с двумя мужчинами в кабине, и, как только они сворачивают за угол, Вульф протягивает мне свободную руку.

Я принимаю ее, переложив пистолет в левую ладонь, и мы спешим перейти улицу. Мы двигаемся вниз по узкому переулку между домами, но, несмотря на то, что улица идет дальше к пересекающей ее дороге, Вульф останавливается у чьей-то калитки и медленно открывает ее.

Мы входим на заросший сорняками задний двор какого-то дома, окна которого обращены на параллельную улицу с той, с которой мы пришли. Вульф идет впереди меня, он приводит нас к веранде со стоящим на ней закрытым грилем. Деревянные ступени скрипят под нашим весом, но мы осторожно идем дальше, пока не добираемся до круглого стеклянного стола с грязными пластиковыми стульями. На

стеклянной двери висят жалюзи. Они закрывают нам обзор того, что происходит в доме. Вульф подходит к двери и трижды стучит по стеклу. Поднимая руку, он приказывает мне ждать на месте, и я остаиваюсь. Учитывая то, что я уже знаю, что Аполлон ранен, а возможно и того хуже, мне на ум приходят разные ужасные сценарии. Нам необходимо каким-то образом незаметно вернуться на парковку, а затем выбраться из Вест-Фолс, ведь парней разыскивает патруль.

Это миссия похожа на самоубийство.

Стеклянная дверь открывается, и я вижу появившегося в дверном проеме Джейса. Его пристальный взгляд переходит с Вульфа на меня, и внутри все переворачивается.

– Заходите, – говорит Джейс низким голосом.

Я буквально бегу мимо него, но он хватает меня за плечо.

– Что бы ты ни увидела, просто сохраняй спокойствие, хорошо?

Я киваю и вырываюсь из его хватки. Вульф и Джейс остаются позади. Пройдя через маленькую старую кухню, я кладу пистолет на столешницу и направляюсь в коридор. Мои шаги заглушаются толстым ковром под ногами. В коридоре не так много света, но я буквально на ощупь пробираюсь в ближайшую комнату. Открыв дверь, я вижу, что на диване неподвижно лежит чья-то фигура, а в воздухе пахнет кровью.

Глава 23

Кора

Я прикрываю рот рукой, не решаясь двигаться дальше.

Он мертв?

Но внезапно я слышу вдох. Этот внезапный звук кажется пугающим, будто он не дышал до того, как я вошла. Мое сердце замирает.

Я заставляю себя сделать неуверенный шаг вперед, хотя, даже входя в этот дом, я больше боялась не обнаружить его мертвым, а того, что ему больно.

– Привет.

Я чуть ли не подпрыгиваю от скрипучего голоса Аполлона.

– И тебе привет, – говорю я, пока мои глаза привыкают к темноте.

Его белая рубашка приподнята, и я вижу на ней какие-то следы. На животе у Аполлона белая повязка.

– Не о чем беспокоиться, – шепчет он. – Что ты здесь делаешь?

Я опускаюсь на колени рядом с ним и беру его за руку.

Находясь так близко к нему, я могу разглядеть пятна на его рубашке и с уверенностью могу сказать, что это кровь. Конечно, мне ясно, что он получил ранение, но он все равно пытается выглядеть мужественно, чтобы я не беспокоилась.

Мгновение я не могу вымолвить ни слова.

– Вульф не хотел оставлять меня одну в доме, – отвечаю я и сжимаю его руку.

– Умно.

– Сейчас он в другой комнате с Джейсом. Что с вами случилось?

Аполлон с трудом пытается сесть и откидывается на подушке. Лишь от одного этого движения его лицо превращается в маску боли, и он делает несколько прерывистых вдохов, прежде чем снова заговорить.

– Нас надули. Кронос загнал нас в ловушку, а мы этого даже не заметили.

– Вы пытались достать контракт?

Аполлон кашляет, и этот кашель переходит в приступ, от которого он сгибается пополам.

– Черт возьми, это больно. Прости, Кора, мы пытались.

– И?

– Все довольно быстро превратилось в кровавое шоу, – смеется он.

– Он оставил за собой след из тел, – говорит Джейс, протягивающий Аполлону чашку с водой и трубочкой. – Кронос захочет отомстить.

Я поднимаю на него взгляд.

– Это моя вина.

Аполлон несогласно мычит, а Джейс задерживает на мне взгляд всего на мгновение, а затем поворачивается и выходит из комнаты.

Я смотрю ему вслед, и мое сердце подкакивает к горлу. Почва выбита у меня из-под ног, и я не знаю, где приземлюсь. Я не знаю, как мне в этом разобраться.

– Эй, – Аполлон касается моей щеки, поворачивая обратно к себе. – Это не твоя вина. Во всем этом вообще нет твоей вины. Каждый из нас делает выбор и пытается жить с ним.

Мы автоматически замираем на месте, когда свет фар какого-то автомобиля пробивается сквозь занавески на переднем стекле. Я слышу голоса, призывающие жителей открыть двери своих домов. Это территория Титанов, и их слово – закон.

Встав с корточек, я выглядываю в окно, наблюдая, как в домах вокруг загорается свет. Люди открывают свои двери перед Титанами, и когда те дойдут до этого дома – лишь вопрос времени.

– Чей это дом?

Аполлон хмурится и встает с кровати, прижимая руку к повязке на боку. Выражение его лица самое что ни на есть страдальческое.

– Мы в доме родителей нашего друга. Они уехали отсюда несколько лет назад, так что мы пользуемся им, если нужно остановиться на Вест-Фолс.

Но это же не происходит слишком часто?

– Нам пора выдвигаться, – вернувшийся в комнату Джейс берет меня за руку и отводит от окна. – Ты пойдешь со мной.

– Я? – еле слышно пишу я. – А Аполлон...

– Он идет с Вульфом, – Джейс хмуро смотрит на меня сверху вниз. – У меня нет времени спорить с тобой.

Когда мы оказываемся на кухне, ко мне подходит Вульф. Он берет мою руку и кладет в нее пистолет, зажимая его моими пальцами. Вульф кивает, пытаясь меня ободрить, но все, что я чувствую, – это нервы, которые, словно змеи, извиваются под моей кожей.

Мы с Джейсом оставляем раненого Аполлона и Вульфа, который, по его собственному признанию, был бы застрелен, если бы его застукали на территории Титанов. Прежде чем я успеваю что-либо сделать – запротестовать или спросить о чем-то, – Джейс выталкивает меня через заднюю дверь, и вот мы уже бежим по траве. Он крепко держит меня за руку чуть выше локтя, и мы, слегка пригибаясь, движемся вдоль забора, чтобы оставаться в тени. Мы останавливаемся как раз перед концом ограждения, и я напрягаюсь, силясь что-нибудь расслышать. Когда я оглядываюсь назад, у въезда в переулок уже мигают фонарики патруля. Я дергаю Джейса за руку, привлекая его внимание, и показываю пальцем на свет фонарей. Он не реагирует, но отпускает меня, и я перекидываю пистолет в правую руку. Мои ладони становятся скользкими от пота, когда я слышу, как Титаны начинают колотить в очередную дверь, но я не могу сказать, та ли это дверь, из которой мы вышли, или соседняя. Джейс забирает у меня пистолет и засовывает его за пояс моих брюк. Он натягивает поверх них мою толстовку, затем проделывает то же самое с собой и протягивает мне руку.

– Веди себя как обычно.

– Серьезно? – усмехаюсь я, но все равно беру его за руку, потому что лучше иметь хоть какой-то спасательный круг, чем вообще ничего.

Выйдя на тротуар, мы смотрим сначала направо, потом налево и переходим улицу. Джейс намеренно делает темп наших шагов ровным и неторопливым. На этой улице пока нет патрулей, но они двигаются в этом направлении.

– Ты думаешь, обыск домов для жителей Вест-Фолс в новинку? Титаны подготовили их к этому, а наше представление предназначено для всех, кто смотрит, а не только для членов банды, стучащихся в двери, – объясняет мне Джейс тихим голосом. – Титаны будут спрашивать у людей, видели ли они что-нибудь необычное, и, поскольку большинство спали, когда вы приехали, они могли не заметить вас с Вульфом, а сейчас они просто видят парочку, идущую к своей машине или направляющуюся на раннюю рабочую смену.

Тогда наше представление действительно имеет смысл. Мою шею покалывает от настороженности, и я всеми силами борюсь с желанием обернуться.

– С Аполлоном все будет в порядке? – шепчу я.

Джейс кивает и сжимает мою руку.

– Конечно! Мы и раньше ловили пули, так что все не так плохо, как могло бы быть.

От этих слов я не чувствую себя лучше, ведь он сообщил мне, что в него тоже стреляли.

Джейс придерживает мне дверь в гараж, и, когда я проскальзываю внутрь, мы вместе поднимаемся на третий уровень. Подъем дается мне нелегко, и к тому времени, как мы добираемся туда, я тяжело дышу. Пожалуй, к списку дел, которыми мне следует заняться, прибавились еще и тренировки. Мне надо научиться стрелять и драться. Одной из строчек в этом списке было возвращение домой, но этого, вероятно, не произойдет.

Джейс улыбается, когда он нажимает на кнопку дистанционного управления на пульте, и фары джипа мигают. Я практически слышу, как он мысленно благодарит Вульфа за выбор бронированной машины. Или, возможно, ему просто действительно нравится этот джип.

Я забираюсь внутрь и кладу пистолет себе на колени. Джейс выезжает с парковки на гораздо более медленной скорости, чем это сделал бы Вульф, но, выехав, указывает на мой пистолет.

– Если хочешь, чтобы его было легче взять, то, по крайней мере, положи его в карман толстовки. Так будет удобнее, если нас остановят.

– Думаешь, они меня узнают?

– Будем надеяться, что они слишком сосредоточены на поисках двух мужчин. Они мельком видели Аполлона, но подозревают, что с ним был я.

Ну здорово.

Выехав на улицу, мы отправляемся на запад, но едем в объезд, петляя, чтобы избежать встречи с Титанами или копами перед многоквартирным домом, в котором горит свет. Я замечаю только что прибывших полицейских, которых до этого здесь не было, но не спрашиваю Джейса о нашем маршруте. Я уверена, что у него есть план, во всяком случае, я на это надеюсь.

С первого взгляда видно, что в этом районе крутится намного больше денег. Потому что дома здесь выглядят как особняки, по сравнению с Норд-Фолс, проехав который мы сворачиваем на юг, а затем увеличиваем скорость, когда въезжаем в промышленный район. Сейчас почти пять утра, и небо начинает светлеть, но на улице уже много людей. Я подавляю зевок, смотря на суету снаружи. Судя по запаху, мы проезжаем рыбный рынок, который уже полон грузовиков, людей, разгружающих товар, и рабочих, которые спешат на смену.

Я немного расслабляюсь, когда понимаю, что мы выехали за пределы территории Титанов.

Джейс сворачивает на главную дорогу, которая приведет нас к университету Стерлинг Фолс, и я понимаю, что уже знаю дальнейший путь. Мы проедем мимо кампуса, а затем повернем на северо-восток, туда, где находится наш дом.

– Спасибо тебе за попытку, – наконец тихо говорю я. – Это было приятно.

– Пожалуйста, не называй это попыткой, – морщится он. – Это была чертовски непродуманная трата ресурсов.

Ну да, Аполлон был важным ресурсом.

– Что ж, я все равно ценю...

Вдруг я вижу ослепляюще яркий свет фар, появившийся словно из ниоткуда, а затем меня оглушает визг шин. Джейс пытается повернуть, но уже слишком поздно, и, когда я поворачиваю голову, в моем окне видна решетка приближающегося к нам полуприцепа. Его огни обжигают мне глаза, и, едва я успеваю собраться, он врывается в заднюю часть нашего джипа. Этот удар слишком силен для нашего

автомобиля, каким бы навороченным он ни был, и нас заносит вбок. Я кричу, но мой крик теряется в скрежете металла. На секунду наша машина зависает в воздухе, а затем переворачивается вверх тормашками.

Я пытаюсь прикрыть голову руками, но, слава богу, ремень безопасности не дает мне удариться о потолок. Земля же все равно движется мне навстречу, и я зажмуриваюсь, готовясь к удару и хватаясь за все, что могу найти. Но в итоге я все-таки ударяюсь обо что-то головой, и перед глазами все белеет.

Я не знаю, потеряла ли я сознание, но оно возвращается ко мне со вспышкой боли в голове. Я пытаюсь отстегнуть ремень безопасности, но с ужасом понимаю, что перед глазами мелькают белые пятна.

– Джейс?

Должно быть, наша машина продолжала скользить, потому что ремень безопасности – это единственное, что удерживало меня от падения. В месте, где он впился в кожу, скорее всего, будет синяк, к тому же у меня ужасно болит грудь. Пытаюсь унять головокружение, я поднимаю руки и кладу одну из них на приборную панель, и давление на грудь немного ослабевает. Свободной рукой я дотрагиваюсь до виска и понимаю, что мои пальцы становятся скользкими от крови. Несмотря на шум в ушах, я пытаюсь понять, насколько серьезно я ранена, но кровь – это все, на чем я могу сосредоточиться на данный момент. Боль в моей голове буквально убивает меня, застилает глаза, и я прерывисто вдыхаю, пытаюсь сосредоточиться, а затем мое внимание переключается на Джейса, который лежит подо мной на осколках разбитого окна со стороны водителя. На секунду мое внимание переключается на траву с той стороны стекла, а затем снова на Джейса. Я вижу, что он совершенно неподвижен, и какое-то время я могу только смотреть на него. Вокруг его тела и в волосах разбросаны осколки, его глаза закрыты, и он не двигается. По моим венам скользит страх.

– Джейс, – повторяю я хриплым голосом. – Джейс, очнись.

Отпустив приборную панель, я тянусь к Джейсу, задыхаясь от боли, вспыхнувшей в моих ребрах. Я пытаюсь дотронуться до парня, но лишь задеваю рукав его толстовки кончиками пальцев. Я дергаю за ремень безопасности, пытаюсь отстегнуться, но у меня не получается. Я без толку нажимаю на кнопку снова и снова, но, кажется, ее

заклинило. Я застряла. Время будто замедлилось, но благодаря тому, что аккумулятор джипа еще работает, я, прищурившись, смотрю на зеленое свечение часов на приборной панели и убеждаюсь в обратном. Меня накрывает приступ паники, и я крепко зажмуриваюсь, пытаюсь выровнять дыхание и успокоить дрожащие руки.

Это всего лишь сон, ужасный кошмар.

Но когда я открываю глаза, я нахожусь точно в таком же положении. Слезы разочарования выступают на моих глазах, и я снова тянусь к Джейсу.

– Джейс, очнись.

Я не могу сказать, мертв он или без сознания, но после того, как я усиленно моргаю, пытаюсь сфокусироваться, я замечаю на стекле под ним растекающуюся лужу крови.

Мне кажется, что часы на приборной панели застыли, и к моему горлу поступает тошнота, когда я снова дотрагиваюсь до своего лица. Моя кожа ледяная, а щеки пылают. Меня пробирает сильная дрожь, и холодный пот выступает на спине.

– Пожалуйста, будь жив, – шепчу я.

– Сюда! – кричит кто-то снаружи.

Раздается глухой удар, и после того, как моя дверь распахивается, я вижу опустившегося на колени мужчину с ножом в руке.

– Вот ты где.

Я съеживаюсь, когда мужчина наклоняется ко мне, но он только расстегивает мой ремень безопасности. Прежде чем я успеваю упасть на Джейса, мужчина хватается за толстовку, сжимая ткань у моего горла, и одной рукой вытаскивает из джипа. Я пристально смотрю на него, пытаюсь понять, что происходит.

На вид ему лет тридцать. Он смуглый, на нем черная одежда и бейсболка без логотипа. На бедре у него висит пистолет, а в руке пустые ножны для длинного клинка, который он туда и убирает. Он крепко держит меня за бока, а затем передает кому-то еще, стоящему рядом. Меня подхватывают другие руки, и я резко выдыхаю, когда мои ноги касаются земли. Пошатываясь, я хвастаюсь за шину.

Мужчины, оказавшиеся рядом, точно не пожарные и не спасатели, но их слишком много для простого совпадения.

Внезапно ветер меняется, и я чувствую дым, валящийся из-под капота джипа. Я кашляю, и мужчина оттаскивает меня в сторону. Мир

вокруг меня начинает вращаться.

Я крепко зажмуриваюсь, пока он одной рукой грубо подталкивает меня в спину, а другой удерживает за живот.

– Смотрите-ка, что у нас здесь, – он вынимает пистолет из кармана моей толстовки и засовывает его в свой карман. – Что упало, то пропало.

О боже, это был не несчастный случай.

У меня скручивает желудок, когда я вспоминаю внезапный свет фар и отвратительный звук решетки полуприцепа, прилетевшей в кузов джипа.

Я отталкиваю руки мужчины и поворачиваюсь, пытаюсь понять, где я нахожусь. Голова снова начинает кружиться, и земля едва не уходит из-под ног. Я быстро моргаю, чтобы прояснить зрение.

Мы находимся между промышленным районом и центром города. По обе стороны дороги есть поле, которое служит разделительной полосой. С одной стороны от нас расположено множество складов, а с другой – высокие здания.

Огромный грузовик, который сбил нас, стоит на дороге на холостом ходу, выглядя намного лучше, чем изуродованный джип. Мужчина вновь хватается за меня и тащит через поле обратно к дороге по битому стеклу, которое хрустит под ногами. Мы удаляемся от джипа, задняя часть которого превратилась в груды искореженного металла, а из-под капота все так же валит серый дым. Я оборачиваюсь как раз в тот момент, когда человек, который вытащил меня, отходит от нашей машины.

Я вырываюсь из держащих меня рук, но мои движения слишком слабы.

– Джейс! – кричу я.

Мне нужно вернуться к джипу, несмотря на дым и огонь.

Мужчина снова хватается за меня, легко забирая контроль.

– Прекрати!

И тут мой разум в силу обстоятельств будто отключается. Мой взгляд опускается на землю, и некоторое время я смотрю в одну точку.

– Откуда нам знать, что это та самая? – произносит второй мужской голос.

Кто-то берет меня за руку и поднимает рукав толстовки, обнажая клеймо.

– Вот откуда! К тому же они не трахаются с кем попало, только с ней.

Они – это Аполлон, Джейс, Вульф.

– Проверь, жив он или нет? – произносит холодный голос. – А если жив, то прикончи его.

Мне хочется закричать, но мой крик безмолвен, и лишь его эхо отдается в моей голове. Затем на мгновение мне кажется, что я больше ничего не слышу.

Двое мужчин направляются к джипу, небо над которым уже заволочило дымом. Один забирается наверх, используя шины как рычаг для подъема, а я резко выворачиваю запястье и, вырвавшись из крепкой хватки, направляюсь к машине. Я делаю всего два шага, когда они снова ловят меня, не давая вернуться за Джейсом. Один из мужчин снова разворачивает меня по направлению к грузовику, за которым стоят еще два внедорожника, а другой, в черной кожаной куртке, забирается в кузов полуприцепа и открывает дверцу, чтобы запихнуть меня туда.

Мое самообладание лопается, словно мыльный пузырь, и, открыв рот, я кричу так громко, как только могу, умоляя о помощи, хотя понимаю, что это бесполезно. На улице нет никого, кроме мужчин, которые явно похищают меня.

Я не могу сесть в этот грузовик! Если я сделаю это, то исчезну раньше, чем хоть кто-то успеет это понять. Поддавшись дикому инстинкту, несмотря на то, что мои конечности меня практически не слушаются, я брыкаюсь резче и наконец ударяю держащего меня человека локтем. Вскрикнув, он роняет меня, а затем я чувствую, как что-то хрустит у меня в позвоночнике. Мои ноги подгибаются, и колени врезаются в землю. Я едва успеваю опереться на руки, но ударяюсь головой о тротуар, и от этого удара у меня клацают зубы.

Пистолет! Если бы я только не вынула его из-за пояса...

Они бы все равно его нашли.

Другой мужчина хватает меня за запястья и заламывает руки за спину. Я сгибаюсь от боли, которая пронзает мои плечи, пока не касаюсь лицом земли. Шершавый асфальт царапает кожу моих щек, а холод просачивается внутрь тела.

– Она слишком дерзкая, – говорит кто-то, ставя колено на мою поясницу и удерживая меня на месте.

Мое плечо вот-вот выскочит из сустава, и от этой боли из глаз текут слезы, но мой плач теряется в смехе мужчин. Я не знаю, как долго они держит меня прижатой к земле, но спустя какое-то время они поднимают меня. Мое поцарапанное лицо с прилипшим к нему гравием болит, но мне приходится подавить тошноту, когда я вижу, куда мы направляемся. Еще больше рук хватают меня, отрывая от земли, и заталкивают в грузовик. У меня больше нет сил брыкаться или драться, и тут снаружи грузовика раздается выстрел.

– Джейс!

Прежде чем я успеваю среагировать, чья-то рука обхватывает мой нос и рот. Недостаток кислорода побуждает меня снова начать бороться, но я не могу разорвать крепкую хватку.

Возможно, Джейс мертв, как и Аполлон. Скоро умру и я, а также Вульф, если они его еще не нашли.

Мои попытки биться становятся все более неуклюжими, а зрение завлакивает черный туман. Мои руки без сил соскальзывают с запястий, которые удерживают меня, и я опускаюсь на пол.

– Вот и все, – говорит похититель.

Он наклоняется ближе ко мне, глядя на мое лицо темными глазами. Его ненависть почти осязаема, несмотря на то, что все его лицо, кроме глаз, закрывает черная маска, на плотной ткани которой нарисован ухмыляющийся череп. Более дерзкий, он не похож на череп Аида.

Другой мужчина все еще закрывает рукой мой нос и рот, и я яростно мотаю головой, заставляя себя оставаться в сознании. Мои легкие горят, а слезы капаят из глаз.

Маска смерти – именно таким и должен был быть мой конец.

Глава 24

Вульф

Кто-то кулаком колотит во входную дверь, и я поднимаю Аполлона, игнорируя его стоны.

– Оставайся в сознании, придурок, – говорю я, видя, как подрагивают его веки. – Я не собираюсь тащить тебя на руках всю дорогу отсюда, – я усиливаю хватку, проверяя, что он все еще в сознании. – Ублюдох, какой же ты тяжелый.

– Я все слышу, – говорит он, спотыкаясь вместе со мной.

– Ну и отлично, – улыбаюсь я, несмотря на нервозность.

Мы не первый раз попадаем в ситуацию, когда кто-то из нас подстрелен, но сейчас для этого не то время и не то место.

Мы выходим через заднюю дверь, и Аполлон указывает на половицы крыльца.

– Ты хочешь спрятаться под крыльцом?

Он пожимает плечами.

– Черт возьми, ты выжил из ума, – говорю я, помогая ему спуститься по лестнице. – Я не думаю, что Титаны знают, что родителей Никс уже давно нет в живых. Как считаешь, мы сможем сыграть на этом?

– Не знаю.

Я меняю хватку, перенося на себя больший вес, и благодаря этому мы быстро двигаемся к воротам. Я оставляю Аполлона у забора и

выглядываю в переулок. К нам приближаются двое мужчин, и, понимая, что выстрелы привлекут к себе внимание, я засовываю пистолет обратно в кобуру и достаю нож. Этот надежный клинок ни разу не подводил меня, и я быстро возношу молитву богу, за которого себя выдаю, чтобы этого не произошло и сегодня. Часть меня не верит в то, что эти боги существуют, но другая часть знает, что в жилах «Олимпа» течет магия. Это не просто иллюзия – это атмосфера, люди, чувство величия. Мы взяли это за основу и создали из «Олимпа» что-то новое. Но он не был бы «*Олимпом*» без здания, в котором находится.

– Что ты делаешь? – спрашивает Аполлон низким голосом.

– То, что должен, – отвечаю я, закатывая глаза.

Нам просто необходимо выбраться отсюда целыми и невредимыми, поэтому я выхожу в переулок и жду.

Мужчинам не требуется много времени, чтобы заметить меня, а один из них оказывается мне знаком. Он принимал участие в боях в «Олимпе», но боец он был не из лучших. Я почти уверен, что это он сражался с парнем из колледжа в ту ночь, когда я впервые встретил Кору. Мы знаем, кто они такие, еще до того, как они придут в «Олимп», но, черт возьми, кто знает, как они поведут себя в этой ситуации.

– Кто это у нас здесь? – слышу я голос бойца, который подталкивает локтем своего приятеля. – Пес на территории Титанов?

– Это преступление наказуемо, – говорит другой, и я поднимаю руки, выходя из своего укрытия.

– Хотите меня наказать? Тогда придите и заберите меня.

Мой нож привлекает их внимание, и они обмениваются взглядами. На территории Титанов очень много мест, которые им было нужно проверить, а поиск слишком утомителен. Конечно, сначала их окрыляет адреналин, потому что каждый Титан хочет быть тем, кто найдет Аполлона и Джейса, но после того как они проверили значительную часть города, начиная с десятого или двадцатого дома, их раздражение начинает разгораться с большей силой. Незаметно к ним подкрадывается желание выплеснуть свою ярость, поэтому я просто молчаливо приглашаю их выместить злость на мне. И кажется, они согласны, потому что мужчины вынимают свои пистолеты, и другой, не известный мне парень, бросается вперед. Наша драка

заканчивается, едва успев начаться. Он наносит мне несколько ударов, но затем я попадаю кончиком своего клинка ему в горло и отступаю назад. Он натывается спиной на своего друга, обхватывая руками шею. По его пальцам течет кровь.

– Ты заплатишь за это! – рычит боец.

Он лучше подготовлен, чем его напарник, поэтому постоянно меняет свое положение, будто танцует, и я понимаю, что наша драка займет слишком много времени. Убирая свой нож, я поворачиваюсь к нему лицом и улыбаюсь. Моя улыбка выводит его из себя, и, когда он бросается на меня, я ловлю его руку своими ладонями и выворачиваю вниз, навстречу своему поднимающемуся колену. Сквозь его вздох я слышу хруст костей и использую его боль, чтобы заманить его в ловушку. Я достаю свой клинок и вонзаю ему в шею. Толкая его вперед, я перерезаю его трахею и артерии.

Через несколько секунд он умирает, и я стучу костяшками пальцев по воротам, за которыми сидит Аполлон.

– Все чисто.

Мои слова не совсем верны, потому что на мне изрядное количество крови двух Титанов и Аполлона. Когда мой друг, прихрамывая, выходит в переулочек, его губы кривятся в усмешке.

– Что?

– Тонко подмечено про чистоту, – смеется он. – Помоги мне, черт возьми.

Я качаю головой и хватаю его за руку, кладя ее к себе на плечи. Мы переступаем через тела и идем вперед. Если бы Аполлон не был ранен, я уверен, что он был бы рад помочь мне расправиться с Титанами. В отличие от меня, в умении обращаться с ножом ему нет равных. А то, что он делает им, похоже на искусство.

Мы видим, как в начало переулочка заезжает машина и, замедляя ход, останавливается.

Аполлон напрягается, но я продолжаю тащить его вперед.

– Все в порядке, большой мальчик, – хихикаю я. – Это Никс.

– Пошел ты, – стонет Аполлон. – Зачем ты втянул ее в это?

– А кому ты хотел, чтобы я позвонил? Артемиде?

Аполлон что-то недовольно бормочет себе под нос, но я его игнорирую. Так как этого идиота подстрелили, он заслуживает того, чтобы немного покапризничать в пути.

Когда мы подходим ближе, я слышу, как со щелчком снимается блокировка дверей, и открываю заднюю дверцу. Я заталкиваю Аполлона внутрь, едва не ударив его головой о крышу, а затем сажусь рядом с ним. Друг отодвигается от меня на противоположную сторону.

– Прости, Никс, – говорю я, закрывая дверь.

– Ты в порядке? – спрашивает она, оборачиваясь.

– Я? – усмехаюсь я. – В полном.

– Но ты весь в крови.

Я пожимаю плечами.

– Это очевидно.

– А ты? – Никс переводит взгляд на Аполлона.

– Ты можешь задавать свои вопросы по дороге? Нам удалось выбить немного времени для Джейса и Кори, но нам необходимо вернуться домой, – я наклоняюсь вперед. – Но мы ценим твою помощь, вопросы и тот факт, что тебе не все равно.

Несмотря на то, что мой тон немного саркастичный, я действительно ценю ее поддержку, но не хочу, чтобы она спрашивала о вещах, которые не имеет право знать. Это приведет ее лишь к неприятностям в будущем.

Никс качает головой, поворачиваясь лицом к дороге, и трогается с места. Задние стекла ее машины достаточно затемнены, так что нам не о чем особо беспокоиться, но она все равно старается избегать встреч с людьми и с разъяренной толпой охотящихся за нами Титанов. Мы медленно проезжаем мимо полицейских и пожарных машин, припаркованных перед многоквартирным домом, одна сторона которого выглядит как кратер.

– Что, черт возьми, ты сделал? – она наклоняется вперед, пытаясь разглядеть то, что находится перед ней.

– Отличный вопрос! В ход пошли несколько гранат, одна или две дымовые шашки и приличное количество боеприпасов.

Посмотрев на Аполлона, я нервно чертыхаюсь и бросаюсь к нему, обнаруживая, что его глаза закрыты, а тело слишком расслаблено.

Это нехорошо.

Я убираю руку, которую он прижимал к своему боку, и выругиваюсь.

– Что случилось? – Никс пытается оглянуться, но я свирепо смотрю на нее.

– Отвези нас в больницу прямо сейчас.

* * *

– Давай, приятель! – большая часть веса Аполлона приходится на меня, и я наполовину несу его, когда мы входим в отделение неотложной помощи в местной больнице.

Эти люди часто становятся свидетелями последствий бандитских разборок, ведь не у всех есть желание и возможность обращаться к частным врачам. Здешний персонал научен тому, что им не следует задавать слишком много вопросов, – это наш обоюдный способ выжить.

Пройдя через двери, я прижимаю руку к ране Аполлона, повязка на которой промокла насквозь, и кровь теперь не только струится по моим пальцам, а еще и разбрызгивается по линолеуму, оставляя за нами след.

Он потерял слишком много крови.

Стоит медсестре за стойкой администрации поднять взгляд, как ее лицо сразу бледнеет, и она нажимает кнопку вызова врача, а затем бросается к инвалидному креслу.

Вскоре приходят доктора и вкатывают инвалидную коляску с Аполлоном в двойные двери операционной. Медсестра пытается помешать мне последовать за ними, но я показываю ей пистолет у себя за поясом, и она отступает, будто я бросил под ее ноги гранату. Но я же не направлял пистолет на нее, я не конченный придурок.

Я спешу вслед за Аполлоном, но врачи переключают его на носилки, и кто-то кладет руку мне на плечо. Я разочарованно фыркаю, но мужчина твердо стоит на своем.

– Мы возем его в операционную, вы не можете сопровождать его туда.

– Ладно, – огрызаюсь я, разминая пальцы и игнорируя желание потянуться за пистолетом. – Сколько времени это займет?

Врач приподнимает плечи.

– Зависит от того, что мы увидим, и насколько велик ущерб. Мы будем работать как можно быстрее, но я не ручаюсь за время.

Ну здорово.

Врач отправляет меня в комнату ожидания, и после нескольких минут хождения взад и вперед я подхожу к посту медсестер и оставляю им свой номер телефона. Поразмыслив, я также звоню Тем, ведь она сила, с которой нужно считаться, особенно когда дело касается ее брата. Я не сообщаю ей подробности, о которых она меня спрашивает, потому что не могу этого сделать. Желание Аполлона было предельно ясно – Артемида должна оставаться в неведении касательно этой стороны нашей жизни. Я убираю телефон подальше от уха и смотрю в пол, пока она кричит на меня.

Чувствую ли я себя виноватым? Черт возьми, конечно. Вместо того, чтобы быть с ними, я занимался сексом с Корой. Когда голос Артемиды в трубке замолкает, я снова прикладываю телефон к уху и бормочу извинения, но не могу вспомнить, когда последний раз произносил эти слова для кого-то, кроме Кору. Перестав обвинять меня, Тем говорит, что скоро приедет, только вот я не смогу ее дождаться. Когда я вешаю трубку, я нахожусь уже на полпути к выходу.

Чертов Аполлон.

По крайней мере, Кора с Джейсом сейчас в безопасности.

Выбегая трусцой на улицу, я цепляюсь за эту мысль.

Выражение глаз Кору, когда я сказал ей, что мы разделимся, причинило мне боль. Но если бы она увидела, как я убиваю этих Титанов, то что бы она подумала? Бывший контролировал ее с помощью насилия. Возможно, она не рассказала мне обо всем, что происходило между ними, но я понял это по ее дрожи и страху. Понял по шрамам, которые еще не до конца исчезли с ее кожи. Ее разум помнит о насилии так же, как и ее тело.

К счастью, Никс уехала после того, как привезла нас в больницу, ведь могло возникнуть много вопросов по поводу жертвы огнестрельного ранения, и я не хотел бы, чтобы кто-нибудь разговаривал с ней. Ни сегодня, ни когда-либо еще, ведь мы защищаем своих.

Я пытаюсь набрать номер Джейса, но звонок переходит на голосовую почту. Подумав, что он мог потерять телефон, убегая от Титанов, я звоню Коре и слушаю бесконечные гудки, пока наконец автоответчик бодрым голосом не произносит:

– Вы позвонили Коре, сейчас меня нет...

Рыча, я вешаю трубку, не оставив сообщения.

Черт возьми, чем они занимаются, если не отвечают на звонки?

Я иду по парковке, пока не нахожу машину постарше, на которой довольно легко можно взломать замок. Оказавшись внутри, я наклоняюсь и соединяю провода, заводя двигатель. Он мурлычет, как котенок.

У меня звонит телефон, но, вопреки ожиданиям, на дисплее не высвечивается номер медсестры или Кору с Джейсом.

– Отец? – я не могу вспомнить, когда в последний раз мы разговаривали с ним по телефону.

Я предполагал, что он просто потерял или удалил мой номер, потому что, когда ему что-то нужно, он обычно звонит Джейсу. С другой стороны, сейчас телефон Джейса переключается на голосовую почту, и, вероятно, из-за этого он звонит мне, чтобы решить какой-то вопрос касательно его бизнеса. И все же в моем голосе сквозит осторожность.

– Что случилось?

– Где ты?

– Я в больнице, вернее, выхожу из нее. Так что тебе нужно...

– В новостях показывают ваш автомобиль, – его голос звучит отрывисто, и я хмурюсь.

– Что?

– Ваш бронированный джип, который тебе всегда так нравился. Его показывают в новостях.

Черт возьми.

– Пап, у меня нет поблизости телевизора, можешь сказать что-нибудь конкретное?

Он знакомо и раздраженно вздыхает.

– Похоже, он вдребезги разбит. Он выкатился на поля в Саут-Фолс.

– Что?

Мой джип разбит вдребезги?

Я убираю телефон от лица и смотрю на экран. С последнего звонка Джейса прошло несколько часов, и от Кору тоже не было никаких вестей.

– Как, черт возьми, это получилось?

– Похоже, в него врезались, – спокойно отвечает отец.

Меня переполняет отчаяние, и я крепко сжимаю телефон.

– Я тебе перезвоню.

– Туда уже приехал департамент шерифа, – добавляет он. – Они обнаружили...

– Я перезвоню, – вешаю трубку и набираю номер Джейса, но звонок снова переходит на голосовую почту.

Я набираю номер Коре, но на этот раз даже не слышу гудков.

– Вы дозвонились до Коре...

Я вешаю трубку.

Когда мать ушла от нас, я был ребенком и часто страдал от приступов паники, но папа внушал нам, что паника – это удел слабых, жалких подчиненных, а не лидеров. И с тех пор я будто бы забыл, что это такое, но ощущение, которое держит меня за горло в данный момент, и невозможность сглотнуть в течение нескольких секунд подсказывают мне, что паника вернулась. Кажется, мне не хватает воздуха. Я прижимаю руку к груди и зажимаюсь, теряя самообладание. Под моими веками взрываются белые вспышки.

Я заставляю себя дышать спокойно, концентрируюсь на вдохах и выдохах. Мои легкие болят, но я держу глаза закрытыми и, крепко вцепившись в руль, продолжаю дышать на счет. Проходит всего минута или две, прежде чем боль в груди утихает, и я открываю глаза.

Отлично, все под контролем.

Разблокировав телефон, я пробую еще раз набрать Джейсу, а потом Коре, но они не отвечают, так же, как и отец, которому я все-таки перезваниваю.

Черт.

Я решаю обратиться к Святому. Конечно, он не из тех людей, которым я обычно звоню в таких ситуациях, ведь он занимается юридической стороной нашей деятельности – в отличие от Никс, которая может себе позволить немного поработать в серой зоне. Но Святой отвечает на телефон еще до того, как проходит первый гудок.

– Ты в порядке? – тут же спрашивает он.

– Я... да, я в порядке, что, черт возьми, происходит?

– Над твоим джипом в Саут-Фолс кружит вертолет службы новостей. Полиция ничего не говорит, но в новостях сообщают, что на месте происшествия работает управление по борьбе с наркотиками, – он молчит. – Это плохо, чувак! Я не знаю, пострадал ли тот, кто был за рулем, но...

– Подожди.

Какого черта агентство по борьбе с наркотиками делает на месте автомобильной аварии? А больше всего меня интересует вопрос: что, черт возьми, случилось с Джейсом и Корой?

– Тебе нужна помощь?

Нужна ли мне помощь? Мне нужен гребаный спасательный круг, но я не могу втянуть его в это, не зная, что происходит.

Это выкрутасы Адских гончих или ход Титанов? Или, может быть, это дело рук того, кто просто хотел увидеть наше крушение?

– Пока нет, но оставайся у телефона и... спасибо.

Я вздрагиваю. Я действительно сказал «спасибо»?

– Я здесь, если понадобится тебе.

Я вешаю трубку и бросаю свой телефон на пассажирское сиденье.

Не считая нескольких смятых оберток от соломинок в пустом подстаканнике и брошенного чека на заднем сиденье, машина, в которой я оказался, чиста. И я сижу в ней некоторое время, прежде чем выехать с больничной парковки. Сам не свой, я на автопилоте веду машину прямо к «Олимпу». Судя по новостям, полиция, благослови господь их маленькие чертовы сердечки, не связала нас с этим делом, так что если они и охотятся за нами, то, скорее всего, думают, что смогут задержать нас по поддельному ордеру за подброшенные наркотики. И есть шанс, что «Олимп» может стать нашим убежищем.

Я паркуюсь перед главными дверями и, выбежав из машины, захожу внутрь. В нашем «Олимпе» всегда было что-то похожее на то, как я представляю себе Пантеон в Древней Греции. Я воображаю, как осторожно и почтительно вели себя те люди, и на какие смелые поступки они были готовы пойти, чтобы снискать милость богов в те времена.

Нам пришлось изменить в этом здании совсем немного, что отличает «Олимп» от древнего Пантеона. Большинство коридоров стали ловушками. Помимо тренировочных залов, которые ведут в главную бойцовскую зону, здесь прибавились исчезающие коридоры и лестницы. Они, словно по волшебству, в один момент появляются, а в следующий исчезают, если вы не знаете, как сделать так, чтобы они появились снова. Это делалось для того, чтобы не пускать наших гостей слишком далеко и показать нам, кто пытается заглянуть за завесу нашей деятельности, но с ними мы разбирались отдельно.

Я люблю каждый дюйм этого огромного пространства.

Я захожу в комнату Аида и направляюсь напрямиком к дальней стене. Наклонив одну из фальшивых книг, я жду, пока дверцы в книжном шкафу приоткроются, и захожу в нашу оружейную комнату, чтобы заpastись боеприпасами. В конце концов, все происходящее вполне означает войну.

У меня звонит телефон, и на экране высвечивается имя Святого.

– Они забрали ее, – говорит он без предисловий, и у меня сжимается грудь.

– Откуда ты знаешь?

– В даркнете только что начался обратный отсчет аукциона, – выдыхает он. – Она выглядит не очень хорошо.

Начатый аукцион ответил на вопрос, *кто* это сделал. Титаны, Кронос.

Гнев захлестывает меня с головой.

– Пришли мне.

– Уже прислал. Мы пытаемся выяснить, сможем ли мы отследить, где происходит это дерьмо, но это почти невозможно. Мы знаем, что у Титанов есть, по крайней мере, один технически подкованный человек, который может скрывать их геолокацию.

– Спасибо, – я вешаю трубку и открываю сообщения.

Ссылка, которую прислал Святой, очень странная, но я достаточно ему доверяю, чтобы перейти по ней. На секунду мой телефон виснет, а затем внезапно загружается ролик из видеорегистратора внедорожника, следующего за джипом, но соблюдающего дистанцию. Я стискиваю зубы, когда вижу, как полуприцеп врезается в мою машину и переворачивает ее, а грузовик продолжает приближаться. Он поворачивает в последнюю секунду, избегая съезда с дороги, а джип вверх тормашками катится вперед. Все это занимает секунды, но воспроизведение идет в замедленном режиме. Моя машина выкатывается на поле и останавливается. С этого ракурса я могу увидеть только ходовую часть джипа и полуприцеп, работающий на холостом ходу в стороне.

Мой экран снова виснет, а затем воспроизведение видео продолжается, но с другого момента. Один мужчина движется к джипу, держа наготове оружие, а другой, в черном, взбирается наверх и с помощью какого-то инструмента отодвигает дверь. Он протягивает

руку внутрь и вытаскивает из машины Кору. Я вижу кровь у нее на голове. Мужчина опускает ее на землю и передает другому, который обыскивает девушку. В кармане ее толстовки находят пистолет, и мужчина прячет его за поясницу.

Я прикрываю рот ладонью, пытаюсь продолжать дышать, видя, как она отчаянно сопротивляется, и, несмотря на то, что видео не имеет звука, я чувствую, как она кричит. Ее взгляд направлен за пределы камеры туда, где должен быть джип. *Она зовет Джейса.* На долю секунды Кора вырывается из их хватки, но они сбивают ее с ног, и она падает на колени. Я крепко сжимаю зубы, когда кто-то подходит к ней сзади и хватается за запястья. Они заламывают ей руки, пока она не сгибается от боли. Когда она наконец падает на землю, этот больной ублюдок ставит колено ей на спину. С этого ракурса я не вижу ее лица, только разметавшиеся по асфальту темно-рыжие волосы.

Меня сейчас стошнит.

Ярость сотрясает меня изнутри, требуя выхода. Требуя, чтобы я позволил своим демонам совершить свою месть.

Продержав Кору в таком положении несколько секунд, они поднимают ее с земли и запихивают в кузов грузовика, а затем камера меняет фокусировку и показывает на небо. Видео обрывается, заменяясь цифровым таймером, отсчитывающим время для проведения аукциона. Пять дней.

Я просматриваю видео снова, впитывая каждую его деталь и дыша сквозь тошноту. После того, как они вытащили Кору, на видео больше не видно ни джипа, ни Джейса.

Они не должны были быть такими уязвимыми. Черт, этого вообще не должно было произойти.

Пройдя через комнату к боксерской груше, висящей на цепи, я ударяю по ней кулаком. Сначала один раз, а потом снова и снова, пока не превращаюсь в потное животное. Мне нужно направить свой гнев на что-то более продуктивное, но мой разум отказывается мне подчиняться. Это был план по захвату Кору. Кронос знал, что в конце концов мы наведаемся в ту квартиру, чтобы уничтожить контракт, и он идеально расставил для нас ловушку, в которую мы попали.

Я кричу, разбивая костяшки кулаков в кровь, но я приветствую эту боль, поскольку то видео снова и снова воспроизводится в моей

голове. Когда они отгаскивали ее от джипа, отсутствие звука не мешало мне представлять ее агонию.

Но где, черт возьми, Джейс?

Глава 25

Кора

Меня держат в маленькой темной комнате, единственным источником света в которой служит небольшое окно, выкрашенное в белый цвет. Несмотря на металлическую решетку на окне, я могу наблюдать в него смену дня и ночи. Именно так я поняла, что я здесь уже пятый день.

В первый день ко мне пришел Кронос. Взяв меня за подбородок, он вертел моей головой то в одну, то в другую сторону, шипя сквозь зубы и ругаясь на отметины у меня на шее и царапины на щеке. Если бы я не была так напугана, то, возможно, заметила бы в разговоре с ним, что также давно лишена девственности. Потому что в глубине души я знаю, что именно нравится этим больным ублюдкам. Напоследок Кронос прижал большой палец к порезу у меня на голове, и спустя некоторое время в комнату пришел человек, который привел меня в порядок. Он наложил швы и забинтовал мою голову, правда, свои действия он сопровождал молчанием. Также мне дали два безрецептурных обезболивающих, которые отлично справились со своей задачей, притупив пульсацию в моей голове на несколько часов.

С тех пор я больше никого не видела, даже тех людей, которые обычно дважды в день просовывали через нижнюю прорезь двери, которая запирается снаружи, поднос с едой. Комната, в которой я

оказалась, напоминала мне тюремную камеру для одиночного заключения. В ней даже были туалет и крошечная металлическая раковина. Все пять дней я задавалась вопросом: как долго человек может обходиться без разговоров с другими людьми, и не сойду ли я от этого с ума.

Но сегодня все было по-другому.

Несмотря на то, что наступило утро, завтрак мне так и не принесли, а спустя время я услышала сначала приближающиеся, а затем замершие перед дверью шаги. Еще сегодня я чувствую себя особенно странно. Будто телом нахожусь здесь, а моя душа совершенно в другом месте. Мои мышцы больше не болят, а слезы не наполняют глаза, когда я думаю о том, что произошло. Джейс должен был найти способ остановить это, но теперь его больше нет, и я даже не могу больше плакать по нему. Я все еще продолжаю представлять себе, как мои парни врываются сюда с оружием наперевес, выкашивая всех Титанов, которые приложили руку к моему исчезновению, но представлять это становится все труднее, раз они мертвы.

Я открываю глаза, не понимая, когда успела их закрыть, и мне слышится эхо выстрела, который сделали у машины. В моем горле застрекает крик, и я едва его сдерживаю. Видимо, я слишком долго находилась в этом полусонном состоянии.

По моей коже бегут мурашки, когда я слышу, как засов со скрежетом отодвигается, а дверь распаивается внутрь. В дверном проеме стоит молодая девушка с длинными светлыми волосами, одетая в черное платье с маргаритками, а позади нее стоит мужчина. Мне кажется, она моего возраста или даже чуть моложе и слишком невинная на вид, потому что она не может смотреть мне в лицо.

– Ты будешь сотрудничать? – спрашивает мужчина, и я вздрагиваю от его слов.

Я хочу ему ответить, но язык меня не слушается, а рот, кажется, набит ватой. Моя голова поднимается и опускается в каком-то подобии кивка, и, кажется, ему этого достаточно.

Я замечаю, что в руках у него поднос с едой, и делаю шаг вперед.

– Пойдем со мной, – говорит девушка, и, чувствуя ее неземную ауру, я следую за ней, хотя знаю, что именно так феи заманивают свою человеческую добычу в леса.

В коридоре слишком светло, и я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза от слепящего света. Спотыкаясь, я иду за девушкой по бетонному полу узкого коридора, стены которого сделаны из обычного гипсокартона. Мои ноги босые, и я мерзну, ступая по холодному бетону. Я обхватываю себя руками, защищаясь от холода и раздумывая над тем, где я нахожусь. Я могу предположить, что это недостроенное здание или здание, где идет ремонт. Так как вариантов слишком много, мне не следует пытаться гадать, поэтому я просто хихикаю про себя. На ум приходит множество причин, по которым эти стены остались такими.

– Заткнись, – услышав мое хихиканье, мужчина толкает меня подносом в спину.

Я замолкаю, продолжая следовать за девушкой, которая ведет меня в помещение, к которому примыкает настоящая ванная комната с душем, видимым через приоткрытую дверь. Мужчина ставит поднос на туалетный столик, а затем оставляет нас одних, запирая внутри.

– Ты в порядке? – я должна была спросить это, правда, мой голос звучит хрипло, ведь я не пользовалась им уже пять дней.

Я должна была спросить это, потому что я точно не в порядке, а значит, девушка тоже может быть в опасности.

Она кивает и указывает мне на ванную комнату.

– Прими душ и вымой голову.

Сегодняшний день кажется особенным, и не в хорошем смысле этого слова. Я захожу в ванную комнату и закрываю за собой дверь, но девушка бросает на меня извиняющийся взгляд и снова ее открывает, а я киваю ей в ответ и раздеваюсь, складывая одежду на унитаз. Я включаю воду, настолько горячую, насколько это возможно. Я бросаю взгляд на свое отражение в зеркале, но не утруждаю себя разглядыванием. Беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что кожа вокруг царапин покрылась синяками темно-фиолетового и желтого цветов, а в остальном я все-таки почти в порядке. Если не смотреть на мое лицо, то я кажусь почти здоровой. Да и несколько недель жизни с ребятами сотворили со мной чудеса, восполнив недостаток еды и физических упражнений. Но теперь я вернулась к исходной точке.

Выйдя из душа, я вытираюсь и замечаю разложенную на стуле одежду. Девушка стоит в комнате, прислонившись спиной к стене, не сводя глаз с покрашенного окна. По комоду, стоящему рядом с ней,

разбросана косметика, но внезапно мой желудок сжимается, когда я вижу уже пустой поднос, на котором не осталось еды.

– Зачем ты так поступила? – спрашиваю я, и она качает головой.

– Одевайся, а потом мне нужно сделать тебя...

– Пригодной для продажи?

Девушка вздрагивает в ответ на мои слова, но это правда. Вот почему сегодняшний день такой особенный. Это день аукциона. На стуле висит белое платье, похожее на ночную сорочку, и белые трусики. Тяжело вздохнув, я надеваю платье через голову, едва не запутавшись в крошечных бретельках. Верх платья почти не прикрывает мою грудь, и я пытаюсь поправить его, но тут мало что можно сделать.

Девушка жестом предлагает мне сесть на стул, и я закрываю глаза, пока она наносит на мое лицо макияж: немного тонального крема, консилер для кожи под глазами, тушь для ресниц, блеск для губ. Потом она расчесывает мои волосы и закалывает их так, чтобы они прикрывали швы на моем виске.

Если бы Джейс был жив, он бы уже вытащил меня из этого дерьма. Когда мы оставили Аполлона с Вульфом на территории Титанов, Аполлон был уже ранен.

Что, если Кронос схватил и их тоже?

Мое сердце болезненно сжимается, и я пытаюсь совладать с внезапным приливом горя. Мои губы дрожат, но я не позволяю себе расплакаться, сжимая их.

– Пожалуйста, не плачь, – девушка наклоняется ко мне, пока мы не оказываемся лицом к лицу. – Если ты испортишь макияж, они отыграются на мне. Пожалуйста, возьми себя в руки. Ты сможешь дать волю слезам, когда останешься одна.

Я внимательно смотрю в ее широко раскрытые глаза, полные страха, и сразу же парящее ощущение того, что я нахожусь не здесь, исчезает, сменяясь уверенностью в реальности происходящего. Я просто хочу выжить, поэтому я киваю и провожу пальцем у себя под носом. Я стараюсь взять себя в руки, и девушка, кивая мне, возвращается к своей работе. Когда она заканчивает укладывать мои волосы, я все еще остаюсь босиком. У меня забрали обувь, которая была на мне в день похищения, а другую так и не дали.

Когда мы завершаем марафет, девушка стучит в дверь, и ее отпирает тот же самый мужчина. Он отступает назад, склонив голову набок, оценивая мой вид. Когда я выхожу, в мою голову понемногу возвращается боль, и с каждым шагом я все больше убеждаюсь в реальности происходящего со мной.

Я иду по извилистому коридору в большую открытую комнату, которая, благодаря высоким стенам, обшитым вагонкой, а также люстрам над моей головой, еще светлее, чем коридор, и может быть потенциальным местом для проведения всякого рода мероприятий. Также я вижу установленную на штатив камеру, обращенную к невысокой платформе с большим белым холстом, стоящим на ней. Этот холст напоминает мне фотофон для съемок.

В углу комнаты я вижу Кроноса, разговаривающего с женщиной в угольно-сером костюме. Я вздрагиваю, когда узнаю его. *Шериф Брэдшоу*. Конечно, сейчас он в штатском, но рыжие волосы и борода выдают его так же сильно, как и мои волосы.

Мое появление привлекает их внимание, и Кронос шагает ко мне, оставляя шерифа стоять на месте. Титан останавливается в нескольких футах от меня и улыбается, раскачиваясь на каблуках и держа руки в карманах. Сегодня он тоже в костюме.

– Превосходно, скажи своей жене, что она проделала впечатляющую работу, – говорит Кронос, и мужчина позади меня хмыкает в знак согласия, а мое сердце замирает.

Так эта девушка – его *жена*? Определенно не по своей воле, ведь он выглядит слишком устрашающе, да и она, похоже, не в восторге от того, что оказалась здесь.

– Так вы занимаетесь сводничеством? – я поджимаю губы.

Мне вообще не следовало открывать рот и привлекать к себе внимание. Но какой в этом смысл? Я и так нахожусь в центре этого, что бы я ни делала.

– В тебе по-прежнему присутствует наглость, – ухмыляется Кронос. – Не взглянуть ли нам еще раз на *твой* контракт?

В его взгляде появляется какое-то непонятное выражение, и я вздрагиваю, вспоминая, что Аполлон сказал про *ловушку*. Его слова эхом раздаются в моей голове.

Кронос достает планшет и нажимает на кнопку, после чего на экране появляется электронная версия моего контракта. Мужчина

пролистывает несколько страниц, прежде чем остановиться и указать мне на выделенную часть.

У меня сводит желудок, когда я понимаю, что подписала документ, пропустив эту часть.

В случае если кредитополучатель не в состоянии погасить кредит, выполнять обязательства и вносить платежи, он/она соглашается подчиниться обязательствам по контракту, передавая себя в долговое рабство, пока кредит не будет погашен. Право на сервитут может быть передано третьим лицам по усмотрению кредитора.

Боже, меня сейчас стошнит.

Будто чувствуя это, Кронос отступает назад, и я сгибаюсь пополам. Меня рвет на пол, и я едва не забрызгиваю его ботинки. Когда мой желудок перестает бунтовать, я выпрямляюсь, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Кронос обходит лужу и хватает меня за плечо, притягивая ближе.

– Я бы тебя ударил, если бы мне не было дела до твоего хорошенького личика. Это неуважение! – он толкает меня, и я едва не наступаю ногой в свою же рвоту.

Девушка, которая делала мне макияж, бросается вперед с рулоном бумажных полотенец и встает перед ним на колени.

– Видишь, Кора, я научу тебя вести себя прилично, как и ее, – он щелкает пальцами. – Вот так это будет работать: ты будешь сидеть тихо, как мышь, а если ты попытаешься позвать на помощь, я позабочусь о том, чтобы тебя настиг твой самый страшный гребаный кошмар. Кивни, если поняла.

Я смотрю на него, кипя от злости, но медленно киваю. В моей голове я представляю себе его смерть. Представляю Джейса, Вульфа и Аполлона, врывающихся внутрь и убивающих каждого из них. Это единственная фантазия, за которую я крепко держусь.

Один из Титанов подходит ко мне ближе и ведет меня к платформе. Этот парень высокий и худощавый, со светло-русыми волосами. Я намеренно встречаюсь с ним взглядом, прикусывая внутреннюю сторону своей щеки, заставляя себя не отворачиваться. У него голубые глаза, но далеко не такие кристально-чистые, как у Джейса.

Его губы изгибаются, а затем он сажает меня на стул и подходит к камере, на которой загорается красная мигающая лампочка.

Я убираю волосы с лица и смотрю в объектив. Меня ослепляет вспышка.

– Да, вот так хорошо, – кричит Кронос, обращаясь неизвестно к кому.

Я бы хотела, чтобы парящее чувство вернулось, но чем дольше я нахожусь в этой комнате, тем яснее становится у меня в голове. *Они накачивали меня наркотиками.*

Мой взгляд опускается на руки, лежащие на коленях, и я изо всех сил стараюсь не менять выражение лица.

Конечно, они накачивали меня наркотиками. Без них я просто бы сошла с ума, особенно с мыслями о том, что случилось с парнями. Этот ужас засел в глубине моего сознания.

Вот почему девушка избавилась от моей еды.

Свет в комнате тускнеет, мои ладони тут же становятся холодными и липкими, и я смотрю на улыбающегося Кроноса. Должно быть, у него кружится голова от предвкушения, что он вот-вот вернет свои деньги.

Внезапно меня освещает луч прожектора, и мне инстинктивно хочется прикрыть глаза рукой, но Кронос поднимается на платформу и вытягивает мои запястья, скрепляя их стяжками, а затем проводит пальцем по клейму песочных часов. Если бы в моем желудке что-нибудь осталось, меня бы снова стошнило. Стяжки впиваются в мои запястья, а затем он отпускает меня, и мои руки снова безжизненно падают мне на колени.

– В отличие от некоторых, ты не дрогнула, и я восхищаюсь этим, – Кронос спрыгивает с платформы, направляясь к камере. – Если бы ты могла предложить мне больше, у меня, возможно, возникло бы искушение оставить тебя себе. Выше нос, девочка, позволь им увидеть твое лицо и твои сиськи.

Я приподнимаю подбородок и хмуро смотрю ему в глаза.

Гребаный ублюдок.

– Джейс мертв?

– Ты думала, что он сможет выжить после пули, выпущенной моим человеком?

После этих слов в моем сознании становится пусто, ведь какая-то часть меня не верила, что он на самом деле умер. Зря я начала об этом говорить, потому что надежда, которую я лелеяла на свое спасение, разлетелась вдребезги.

Мои глаза горят, но я все еще не могу плакать, а на лице Кроноса появляется жалость.

– Ты можешь надеяться на то, что они придут, чтобы спасти тебя, но все это просто фантазии. Рыцарей в сияющих доспехах не существует, и сюда придет лишь твой покупатель.

Прикусив язык, я сосредоточиваюсь на том, чтобы не выдать своих эмоций. Моя грудь полностью опустошена и болит, будто кто-то только что вырезал мои легкие и растоптал их. Я пытаюсь не поддаваться панике и делаю неглубокие вдохи, не отрывая взгляда от своих ног.

Титан подходит к компьютеру, установленному на столе за камерой. Он что-то быстро печатает, а затем нажимает на кнопку и показывает своему боссу поднятый вверх большой палец. Я пристально смотрю ему в глаза, но он игнорирует меня и перепроверяет настройки камеры.

– Прямая трансляция, – говорит Кронос. – Однако звука не будет, так что не утруждай себя криками о помощи.

Титан поворачивает ноутбук так, чтобы его босс, стоящий у него за плечом, видел экран.

– Мы работали над этим всю неделю. Потребовалось приложить усилия, чтобы скрыть наше местоположение. Благо, в наши дни много вещей происходят виртуально, и у нас нет необходимости принимать людей в этом помещении, – Кронос ухмыляется. – Встань и покружись. Аккуратно и медленно.

Несмотря на панику, сковывающую мое тело, я следую его указаниям и осторожно поворачиваюсь вокруг себя. Пластиковые стяжки на моих запястьях впиваются в кожу.

– На тебя уже делают ставки, – сообщает он.

– Темная паутина интернета – очаровательное место. Оно привлекает к себе всех людей, скрывающих свою натуру на публике, – внезапно раздается голос Бредшоу.

Я перевожу взгляд на шерифа, но мне кажется, что он не смущен, а скорее наоборот. Он сам наблюдает за мной с прищуренными

глазами.

Я уже внесла его в свой список так же, как Кроноса и каждого гребаного Титана, которые издевались надо мной, чтобы доставить меня сюда. Не забыла я и про глупого блондина за компьютером.

Я теряю счет времени, пока стою под прожектором. Кронос смотрит на меня, наблюдая за тем, как я поворачиваюсь. Время от времени он рывкает, приказывая мне двигаться или что-то делать.

– Любопытно, кто же станет покупателем? – в какой-то момент говорит Кронос.

К этому моменту у меня уже дрожат ноги, и мне трудно держать глаза открытыми, но я моргаю, проясняя зрение.

– Они заплатят, и мы отправим тебя туда, куда они захотят, – улыбается он, и его внимание переключается на шерифа. – Мне очень нравится, что наш план реализуется. Подумать только: все началось с того, что маленькая девочка попросила у меня займы. Если бы тогда мне сказали, что мы впоследствии окажемся здесь, я бы в это не поверил.

– Ты хочешь сказать, что при первой встрече ты не видел над ней знака доллара? – усмехается шериф, и Кронос смеется.

Этот звук терзает мои уши и посылает мурашки брезгливости по спине. Я вздрагиваю.

– Теперь ты не такая уж и невидимая, не правда ли?

Я помню, как он угрожал моим родителям и моей подруге. Помню тон его голоса, когда он настаивал на том, чтобы я уехала из Стерлинг Фолс. Именно Кронос заставил меня почувствовать себя в этом городе как в клетке, а Джейс, Аполлон и Вульф открыли ее двери. Хоть они и пытались воздвигнуть вокруг меня свои собственные стены.

– Ладно, Броуди, я устал. Выключай канал и запри ее, пока все не закончится.

Камера выключается, и Титан встает из-за стола с компьютером, чтобы увести меня с платформы. Он толкает меня вперед, проводя мимо своего босса, а его рука больно сжимает мою. Я прикусываю язык, чтобы не сказать что-нибудь такого, о чем потом пожалею, но мысленно добавляю имя Броуди в свой список.

Кронос садится за компьютер, уставившись на экран.

– Скоро увидимся, девочка.

Глава 26

Кора

Раньше я много думала о своем будущем. Где в итоге я окажусь, с кем буду знакома, чем буду заниматься. У меня не так много воспоминаний о детстве, которое прошло в приюте до момента удочерения. Я помню лишь большой дом и много других детей, спящих в больших комнатах на двухъярусных кроватях. Мальчики с одной стороны, девочки с другой. Их постоянные крики и достаточно милую пару, которая управляла этим заведением. Они делали для нас все что могли, когда другим было совершенно наплевать. Однако мое первое настоящее воспоминание связано с тем днем, когда мы с родителями направились в здание суда. Я сжала руку своей новой матери, когда судья одобрил удочерение, и я стала официально принадлежать им.

Мне было шесть лет, у меня появилась новая семья, и в этот день меня окружали слезы счастья. Моя же старая семья исчезла, будто ее никогда не существовало. На самом деле никто не мог сказать мне ничего конкретного о моем прошлом. Мне было известно лишь то, что моя мама оставила меня на ступенях церкви в Изумрудной Бухте ранним утром. Когда я силюсь вспомнить ее лицо, или церковь, или человека, который нашел меня там, у меня ничего не выходит. Хотя я уже не была младенцем, которого можно просто оставить в какой-то

корзине. Мне было пять лет, я могла говорить, могла ходить и то, что я все еще сидела там несколько часов спустя, было чудом. Меня нашел священник, пришедший на утреннюю службу. Он приютил меня в церкви, вызвал социального работника, и я была незамедлительно доставлена в приют Святой Терезы. Несколько месяцев спустя я обрела своих нынешних родителей, а остальное уже история.

Но мое будущее всегда казалось мне абстрактным, и даже после удочерения я не могла понять, кто я. Я пошла в школу, потом устроилась на работу, когда мне исполнилось шестнадцать. Тогда же папа научил меня водить машину и сидел на заднем сиденье, когда я сдавала экзамен на получение водительских прав. Все это я делала, потому что просто должна была. Я собирала своего рода галочки, словно они могли дать мне крылья свободы. Диплом о среднем образовании, диплом общественного колледжа, водительские права...

Все пошло под откос, когда я встретила Паркера. Мое будущее сократилось, и я надеялась пережить хотя бы предстоящий день – не то что десятилетие. Я была очарована им, как и все остальные, и одурачена, как и все остальные. Очень скоро он показал мне, что скрывается за маской его красивого лица. После несчастного случая, который заставил меня понять, что мне нужно бежать от него, я получила стипендию в СФУ, и у меня появилась цель. Однако после побега от Паркера и из Изумрудной Бухты я поняла, что застряла. Как ни странно, я перешла из одной клетки в другую, а мои мысли часто возвращаются к детям, с которыми я делила комнату в приюте. Мне бы хотелось верить, что, когда они выйдут оттуда, у них будет четкое представление о том, что делать со своей жизнью, и я увижу их снова, куда бы ни направлялась, но будущее – коварная штука, и его трудно предсказать, а еще труднее не сбиться с пути.

А теперь у меня и вовсе нет будущего. Я так боюсь, что впустую потратила свою жизнь. Я слишком много на себя взяла и разрушила собственную душу из-за какой-то идеи, возникшей в моей голове. Мне следовало уехать из Стерлинг Фолс после того, что случилось в «Олимпе». Я должна была признаться своим родителям насчет денег и попросить их забрать меня домой, но, как только я связалась с Кроносом, я уже не собиралась отступать, особенно когда он начал угрожать найти их и взыскать с них мой долг. Всю свою жизнь я

собирала и хранила свои знаки отличия и достижения, но на самом деле мне следовало перековать их в броню.

Дверь в моей камере открывается, и внутрь входит шериф Брэдшоу. Он оглядывает небольшое пространство, а затем его взгляд встречается с моим. На самом деле он будто видит меня насквозь.

Брэдшоу подходит и опускается на колени рядом с моим тонким матрасом.

– Ты не знаешь, что поставлено на карту.

Я подтягиваю ноги и обхватываю их руками. Последние несколько часов на мне было надето платье, приготовленное Кроносом, и я настолько замерзла, что, кажется, даже мои кости дрожат от холода.

– Думаю, понимаю, – с трудом выговариваю, потому что мое горло пересохло и болит. – Надо мной нависла угроза.

– Тебе нужно видеть картину в целом.

Я прищуриваю глаза, и у меня урчит в животе, напоминая о том, как долго я обходилась без еды. Поднос, который они принесли мне недавно, стоит нетронутым в углу. Я вылила апельсиновый сок и наполнила стакан водой из маленькой раковины. Это единственное, что побывало в моем желудке, с тех пор как... не могу вспомнить, я запуталась во времени.

Шериф достает из кармана складной нож, и я автоматически дергаюсь, но он бросает его на матрас, не открывая.

– Это еще зачем?

– Зависит от того, что ты собираешься с этим делать.

– Но я не смогу сбежать, это место – настоящая крепость.

Я смотрю на нож, а потом беру его в руки. Мне требуется несколько секунд, чтобы заставить его открыться, а потом закрыться, и я кладу его обратно рядом с собой на матрас, пытаюсь разобраться в словах шерифа. Не только в цели его визита или причине гнева в его глазах, или в его жесте, когда он бросил на матрас нож, а во всем вместе взятом.

– Итак, покупатель.

Шериф приподнимает подбородок.

– Кто он? – спрашиваю я.

– Он не представился, – Брэдшоу встает. – Но тебе будет лучше, если ты покинешь Стерлинг Фолс, ты так не думаешь? Убирайся

отсюда, пока не стало хуже.

Я упускаю шанс спросить его, что может быть хуже крови на моих руках или плена в этой камере, но шериф выходит, и дверь снова запирается.

Кронос не оповестил меня, как долго продлится аукцион, и я подозреваю, что у него есть для этого какой-то скрытый мотив. Так что не думаю, что у меня в запасе много времени. Казалось, все эти недели, а, возможно, и месяцы мой мозг был будто отключен, а теперь я *проснулась*. Это Вульф открыл мне глаза, и теперь все мои тщательно выстроенные стены были разрушены.

Я не могу продолжать бездействовать. Лекарства, которыми меня пичкал Кронос, возымели должный эффект. Я предполагаю, что это были какие-то успокоительные, а не наркотики. Тем более, меня не заставляли курить, и никто не делал мне уколы. Скорее всего, препараты были в моей еде или напитках.

Смотря на дверь, я беру в руки нож и снова то раскрываю, то закрываю его. Я тренируюсь, пока у меня наконец не получается делать это одной рукой. После я пытаюсь спрятать нож где-то на своем теле, надеясь, что его прикроет эта тонкая сорочка, потому что у меня нет другого выбора. В уме я продолжаю прокручивать аварию, в которую попала, и пытаюсь вспомнить лица Титанов, которые там были. Лица мужчин, которые отгаскивали меня прочь от джипа, в то время как кто-то из них нажал на курок, убивая Джейса.

Самое странное, что сейчас я почти не чувствую боль от потери, хотя прекрасно знаю, что однажды она вырвется наружу. Но сегодня она больше похожа на неразбитое яйцо с нежной хрупкой скорлупой, которая хранится за моей грудной клеткой.

День неумолимо идет к своему завершению, и в конце концов солнце за окошком садится. Точно по сигналу, моя дверь снова открывается, и в камеру заходит тот самый женатый Титан. Он снова скрепляет мои руки стяжками, но на этот раз за спиной. Мы идем по коридору, и я чувствую, что с каждым шагом мое будущее становится все призрачнее. Мы минуем большую комнату, в которой стояла камера, и выходим на улицу. Я щурюсь, когда холодный воздух обдувает мою кожу, и по тыльной стороне рук пробегают мурашки. Если бы они были свободны, я бы прикрыла ими грудь, хотя от того, что грядет, нужна защита помощнее.

Титан подводит меня к внедорожнику и открывает заднюю дверцу. Он подталкивает меня в спину, и я делаю шаг вперед, замечая, что в машине уже сидит Кронос. Я будто на автомате забираюсь внутрь, и Кронос улыбается мне.

– Хорошие новости, девочка, твой новый владелец из местных, – говорит он, и я дрожу. – Он с лихвой вернул твой долг, а это было моей главной целью. По правде говоря, я не ожидал, что мы так быстро преодолеем этот денежный порог, но как бы то ни было, сделка заключена, и все цифровые контакты подписаны. Если ты сбежишь, за тобой приду уже не я, а они. – Он самодовольно ухмыляется, глядя на мое лицо. – Но если ты будешь хорошо себя вести, я даже скажу тебе, кто это.

Ну конечно, чтобы я знала имя монстра, который придет за мной.

– На самом деле я думаю, что у нас все сложилось идеально, – он кивает водителю, и мы отъезжаем от обочины. – Тебе не обязательно покидать Стерлинг Фолс, а мне не нужно платить за то, чтобы везти тебя через всю страну.

Мне неудобно сидеть со стянутыми за спиной запястьями, поэтому я неловко пересаживаюсь, а Кронос разваливается на сиденье рядом со мной. Я наблюдаю в окно внедорожника, как мы спускаемся по извилистой, обсаженной деревьями дороге, а затем сворачиваем на другую, а потом еще на одну, пока не заезжаем вглубь леса. Нам требуется почти пятнадцать минут, чтобы снова выехать на асфальтированную дорогу.

– Куда мы направляемся? – спрашиваю я.

Мой голос такой тихий, что я еле себя слышу, но Кронос понял мой вопрос. Он бросает на меня мимолетный взгляд, а затем снова смотрит в окно, будто я не существую.

– Вот как все будет. Я доставлю тебя в нейтральное место и оставлю там, а твой новый владелец заедет за тобой в удобное для него время, но он получит твой адрес только после того, как на мой счет поступят деньги.

– И когда это произойдет? – спрашиваю я, облизывая губы, а он резко оборачивается ко мне с новым интересом, появившимся в его взгляде.

– О, мне нравится твой страх, – наклонившись ближе, он убирает темно-рыжие волосы с моего плеча. – Я совсем забыл, какой он

вкусный. Интересно, позволит ли тебе новый владелец оставить это. – Он щелкает пальцем по моему кольцу в носу. – Это немного по-детски, тебе не кажется?

Я отшатываюсь от него, но не могу даже пересесть, потому что его пальцы запутываются в моих волосах, притягивая меня ближе. Кожа моей головы горит огнем, а его лицо совсем рядом. Настолько, что его нос прижимается к моему виску. Когда Кронос вдыхает, я изо всех сил стараюсь не вздрогнуть.

Мгновение он внимательно наблюдает со мной, не убирая руки с моей головы, а затем отпускает меня. Я прислоняюсь спиной к окну, отодвигаясь как можно дальше, чем вызываю его смех.

Я вижу, что мы направляемся в центр города, проезжая мимо его бара, который кажется тихим для такого времени. Это странно, потому что сейчас не настолько поздно, чтобы завсегда и не хотели пропустить пару бокалов.

– Кампус? – я выпрямляюсь, понимая, что мы заехали в район колледжа.

Конечно, мы прибыли не прямо в СФУ, но мы определенно близко, я готова поспорить. Машина останавливается перед рядом домов, в которых живут студенты. Кронос кладет свой телефон в нагрудный карман и поворачивается ко мне. Он хмурится, когда его взгляд падает на мою грудь.

– Таким образом ты только привлечешь к себе внимание.

Я опускаю глаза на свой наряд, осматривая платье и босые ноги.

– Если ты хочешь, чтобы я была в чем-то другом...

– Нет, – машет он рукой. – Неважно, побудь здесь.

Он исчезает, хлопнув дверью, а я встречаюсь взглядом с водителем в зеркале заднего вида, но он быстро отводит глаза. Я уже околела от холода в своем открытом платье и перестала надеяться на то, что кто-нибудь спасет меня.

Вернувшись, Кронос открывает дверь внедорожника, разрезает пути на моих запястьях, а затем швыряет мне одежду, в которой меня похитили. Мне приходится стряхивать осколки стекла со своей толстовки с капюшоном, а на моих джинсах четко видно пятно крови. Я быстро надеваю все на себя, не заботясь о том, чтобы снять платье. Вернее, я ни за что бы не сняла его перед ними, поэтому я просто заправляю его в толстовку, завязывая ткань так, чтобы она не свисала.

Я оглядываюсь в поисках ботинок, но, так как он их не принес, я вновь остаюсь босиком.

– Вытаскивай ее, – приказывает Кронос и отходит в сторону, а его лакей выдергивает меня из внедорожника.

Я открываю рот, чтобы закричать, но что-то твердое и холодное касается моего бока, проскальзывая под толстовку.

– Ты знаешь, что это такое? – говорит Титан. – Я не против нажать на курок, если ты хотя бы попробуешь пикнуть.

Я сглатываю и поджимаю губы, думая попытаться сразиться с ним и сбежать, но, оказавшись снаружи, я понимаю, что мы не одни. Машину, на которой мы ехали, сопровождали другие, припарковавшиеся сейчас позади нас. Титаны расслабленно вылезают из них, будто ничего не происходит, а я запоминаю лица всех, кого могу разглядеть.

Мужчина, приставивший пистолет к моим ребрам, кладет руку мне на плечо и ведет меня в один из домов, а Кронос следует за нами. Мы проходим мимо лестницы, ведущей наверх, затем по переднему холлу и останавливаемся у двери в подвал. Долю секунды я сопротивляюсь своей участи, но, когда воля к жизни побеждает, я иду вниз.

Несмотря на то, что дом выглядит пустым, подвал забит коробками, стоящими у стен, и сдвинутой мебелью.

Титан убирает руку с моего плеча и, схватив складной металлический стул, тащит его в центр подвала.

– Садись! – приказывает Кронос.

Я не люблю подвалы, но выполняю его приказ, потому что хочу узнать, собирается ли он назвать мне имя покупателя.

Мурашки бегут по моей коже, когда я вспоминаю, что он называет его моим владельцем.

Титан приковывает мои запястья к креслу с помощью новых стяжек, а я стараюсь сдержаться и не морщиться, когда холодный металлический стержень стула впивается мне в кожу. Мужчина проделывает то же самое с моими лодыжками, а затем отходит в сторону, позволяя Кроносу проверить надежность моих пут. Тот дергает мои запястья, кожа на которых уже содрана, и кивает сам себе.

– Ты можешь идти, – Кронос указывает Титану на лестницу. – Подожди меня снаружи.

Его лакей не тратит время впустую, оставляя нас наедине.

– Ну же, улыбнись, – Кронос поднимает свой телефон и делает снимок, а затем цокает языком и отправляет его кому-то.

– Ты была куплена корпорацией, которая работает в Стерлинг Фолс последние пять лет.

– Кем? – хмурюсь я.

– Корпорацией, которая управляется другой корпорацией, которая, похоже, существует только на бумаге, – теперь уже хмурится Кронос. – К сожалению, именно они подали заявку в последний момент, и их цена оказалась намного выше, чем ожидалось, поэтому моя команда не смогла вовремя заблокировать их.

Мой желудок сжимается.

– Теперь мы добрались до сути, – выражение лица Кроноса мрачнеет. – В то время как сообщники Джейса Кинга были успешно заблокированы, о Цербере Джеймсе никто не подумал. – Я замечаю, что на лице Кроноса появляется ярость.

Но имя, которое он мне назвал, кажется мне знакомым.

– Это предводитель Адских гончих?

Я вспоминаю слова Кроноса о том, что на этот раз за мной придут «они». Но зачем им делать ставку? Тогда, в закуской, Вульф сказал о том, что его отношения с отцом были хуже некуда, и он не хочет к ним возвращаться. К тому же он намекнул, что его отец был страшным ублюдком. *Зачем* ему я? Чтобы досадить Кроносу? Подразнить Вульфа и Аполлона? Потому что, должно быть, с убийством Джейса у них просто опустились руки. Я не увидела никаких отчаянных попыток вытащить меня из этой ситуации, в жизнь не было воплощено никаких сценариев с применением огнестрельного оружия, о которых я продолжала мечтать.

Я снова чувствую жжение в глазах, вызывающее слезы, причем сильнее, чем когда-либо. Кронос демонстративно оглядывается по сторонам, все еще излучая гнев. Похоже, он что-то обдумывает и принимает решение.

– Больше всего на свете я ненавижу Цербера, – Кронос останавливается передо мной и, сжимая пальцами мой подбородок, заставляет поднять голову. – Джейс, Вульф, Аполлон – это была совершенно другая игра, и теперь она в прошлом, но Цербер не

понимает порядка вещей. Адские псы давят на меня, и меня это чертовски достало! Они тебя не получают.

Что случилось с ребятами? Он говорит так, будто их больше нет.

Я заставляю себя скрыть свой страх.

Засунь его поглубже.

Я вижу, как Кронос теряет контроль, и у меня нет ни малейшего представления о том, как помочь ему снова взять себя в руки.

– Тогда отпусти меня или увези из города.

– Нет, – кричит он мне в лицо, брызгая слюной, и его щеки краснеют. – На кой ты сдалась Адским гончим? Какую ценность ты для них представляешь?

Теперь, когда мне следовало вернуться к своему безразличию, по моей щеке скатывается слеза, а маска, которую я носила, давным-давно разбилась вдребезги.

– Я не знаю, я никто.

– Да, плачь, – он качает головой и пересекает комнату, в дальнем углу которой стоят красные канистры с бензином.

Нет!

Меня пронзает дикий ужас, и я пытаюсь дергать запястьями.

Кронос берет одну из банок и встряхивает ее, а жидкость, плещущаяся внутри, вызывает у меня тошноту.

– Подойдет, – бормочет он себе под нос.

Он выливает бензин на пол, а затем разбрызгивает его по коробкам и мебели.

– Интересно. Как думаешь, поторопятся ли они сюда, если узнают, что ты в опасности? – он смотрит на меня через плечо. – Возможно, они примчатся, чтобы спасти тебя, а возможно, и нет. Напоследок я хочу сказать тебе слова, которые, быть может, ты унесешь с собой в могилу: никогда не доверяй собаке.

– Пожалуйста... – единственное слово вырывается из меня вместе с еще большим количеством слез.

В нос ударяет вонь бензина.

– Пожалуйста? Девочка, мольбы тебя не спасут, – он подходит ближе, но не обливает меня.

Он тратит его лишь на стены и коробки. На пол бензин лить без толку, потому что он бетонный, но я понимаю, что остальная часть дома загорится, как спичка.

– Я бы ничего не хотел увидеть так сильно, как их страдания. И что может быть лучше, чем уничтожить то, за что они заплатили миллион долларов?

Кронос зажигает спичку и идет вместе с ней к лестнице. Я вижу, как маленькое пламя горит в его пальцах, когда лидер Титанов посылает мне воздушный поцелуй.

Затем он бросает спичку.

Она описывает дугу в воздухе, почти погаснув, но падает на одну из коробок, мгновенно воспламеняя бензин. В считанные секунды весь ряд коробок у стены оказывается в огне. Кронос поднимается по ступенькам, с грохотом закрывая за собой дверь в подвал, и я пытаюсь дергать стяжки, открывая рот в беззвучном крике. Страх сдавливает мне горло, и моя борьба усиливается, но я дергаюсь слишком сильно, и стул опрокидывается назад. Моя голова с треском ударяется о бетон, и боль пронзает заднюю часть моего черепа. Последнее, что я помню, – это жар несущегося ко мне пламени.

Продолжение следует...

notes

Примечания

1

Более 3,5 м.

2

Около 4,5 кг.

3

Около 6–9 м.

4

Примерно 3,2 км.

5

ОКОЛО 3 м.

6

Около 30 см.

7

Falls (*англ.*) – водопады.

8

ОКОЛО 24 м.

9

Около 15 см.

10

Около 45 кг.

11

Около 7,5 см.

12

Около 30 см.

13

ОКОЛО 6 м.

14

ОКОЛО 3 м.

Персонаж ирландского фольклора, девушка, которая появляется у дома обреченного на смерть человека и своими криками и плачем оповещает его о скорой кончине.